СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДОГОВОРУ О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА ЕАЭС

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СУДА ЕАЭС

21–22 НОЯБРЯ 2024 ГОДА

МИНСК

Суд Евразийского экономического союза

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДОГОВОРУ О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА ЕАЭС

Международная конференция
(Минск, 21–22 ноября 2024 года)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Минск
«Колорград»
2025

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.412.1(2)я43
Д37

Составитель
кандидат юридических наук *Е. С. Орлова*

Десять лет Договору о Евразийском экономическом со-
Д37 юзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС : междунар. конф. (Минск, 21–22 ноября 2024 года) : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. Е. С. Орлова. – Минск : Колорград, 2025. – 399 с.
ISBN 978-985-35-0014-1.

В рамках конференции обсуждались итоги первого десятилетия работы Суда ЕАЭС, ключевые вопросы развития евразийской интеграции, тенденции и вызовы для международного правосудия на современном этапе, взаимодействие международных и национальных судебных органов, проблемные аспекты таможенного регулирования и развития внутреннего рынка Союза, роль права ЕАЭС в национальной правоприменительной практике и защита конкуренции.

Адресовано юристам, ученым и практикам, государственным служащим, преподавателям, студентам и аспирантам юридических вузов, а также всем тем, кто интересуется вопросами правового регулирования интеграционных процессов.

Все опубликованные материалы основаны на выступлениях, представленных на VII Международной конференции Суда ЕАЭС «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС», состоявшейся 21–22 ноября 2024 г., и представляют собой личное мнение авторов, которое может не совпадать с позицией Суда ЕАЭС.

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.412.1(2)я43

ISBN 978-985-35-0014-1

© Суд Евразийского экономического союза, 2025
© Оформление.
ООО «Колорград», 2025

Содержание

Приветственные речи

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза 9

А. Э. Диланян
Председатель Конституционного Суда Республики Армения 27

Е. И. Коваленко
Министр юстиции Республики Беларусь 30

Ю. В. Кобец
заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь 32

Э. А. Азимова
Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан 34

Ш. Р. Камчыбеков
заместитель Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики 37

Ю. Г. Иваненко
заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации 40

Б. А. Сагинтаев
Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии 43

Д. В. Вольвач
заместитель Министра экономического развития Российской Федерации 45

10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе

О. И. Чуприс
Суд Евразийского экономического союза как субъект правового просвещения 49

Н. А. Карпович
Договор о Евразийском экономическом союзе как источник развития правовых механизмов обеспечения социальных и экономических прав граждан: через призму практики Конституционного Суда Республики Беларусь 55

М. Л. Ермолович
Совершенствование права ЕАЭС в области конкуренции..... 64

А. Н. Савенков
Обеспечение верховенства права как гарантия развития ЕАЭС: историографические и догматические аспекты..... 70

Р. В. Давыдов
Обеспечение единого таможенного регулирования как фактор успешного развития ЕАЭС 80

К. Л. Чайка
Роль прецедента в практике Суда ЕАЭС и вопросы исполнения его решений 103

В. Б. Татарицкий
Десять лет праву Евразийского экономического союза в сфере технического регулирования: достижения, практика применения, направления развития 113

В. В. Войников
Роль Суда ЕАЭС в защите внутреннего рынка от односторонних ограничительных мер со стороны третьих стран 129

В. Н. Лопатин
Проблемы гармонизации законодательства и правоприменения в сфере интеллектуальной собственности в ЕАЭС и пути их решения в рамках евразийской интеграции 140

Суд Союза и органы международного правосудия

А. В. Плотников
Взаимодействие Экономического Суда Содружества Независимых Государств с национальными судами государств – участников СНГ 161

Т. Н. Нешатаева
О соотношении методов регулирования экономических отношений в праве Евразийского экономического союза 168

А. В. Петренко
На пороге нового десятилетия: время для переосмысления и развития компетенций Суда ЕАЭС 179

Ю. А. Лепешков
Формирование судейского корпуса органов международной юстиции: проекция на Суд ЕАЭС 193

О. В. Кадышева
Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза: на пути к диалогу 211

К. Кэмпбелл-Холт
Взаимодействие Суда ЕАЭС, Суда МФЦА и МАЦ 224

А. С. Исполинов
Риски фрагментации и конкурирующих толкований права ЕАЭС 232

Д. С. Боклан
Влияние практики Органа по разрешению споров ВТО на практику Суда ЕАЭС 242

К. Ю. Молодыко
Дизайн права физических лиц на подачу жалоб в Суд ЕАЭС 250

Таможенное регулирование и развитие внутреннего рынка Союза

Ю. Г. Иваненко
О применении права ЕАЭС в сфере таможенного регулирования 264

Д. П. Александров
О компетенциях в вопросах классификации товаров для таможенных целей 272

С. Н. Исмаилов
Таможенное регулирование в условиях современных вызовов, связанных с развитием международной торговли 278

А. А. Наку
Таможенная стоимость и дивиденды: проблема правовой определенности 283

А. В. Кирильченко
Пути улучшения таможенной практики в странах Союза посредством судебных механизмов ЕЭАС..... 293

А. И. Анищенко
Свобода учреждения в ЕАЭС и роль интеграционного судебного органа в развитии корпоративного права 301

Ю. Г. Падрез
Практика применения в ЕАЭС мер защиты внутреннего рынка..... 314

Право ЕАЭС в национальной правоприменительной практике

Ю. В. Кобец
Правоприменительная практика в сфере экономических правоотношений: актуальные тенденции..... 319

Ю. В. Айрапетян
Конкуренция и согласие в контексте взаимодействия Суда Союза и национальных судов государств – членов ЕАЭС 327

В. П. Шавшина
Роль Суда ЕАЭС в разрешении противоречий национального правоприменения: необходимость наднациональной оценки спорных норм таможенного права 338

Вопросы защиты конкуренции и регулирования госзакупок

Е. И. Добриян
Антимонопольное регулирование закупок в Республике Казахстан 344

А. Г. Сушкевич
Требования к доказательствам и их объему при рассмотрении Судом ЕАЭС дел о разрешении спора в сфере общих принципов и правил конкуренции: практические аспекты 352

О. А. Бакиновская
«Ребрендинг» законодательства Республики Беларусь о государственных закупках: влияние права Союза и практики Суда ЕАЭС 363

Право ЕАЭС и юридическое сообщество

А. А. Косов
Факторы, сдерживающие хозяйствующих субъектов от обращений в Суд ЕАЭС 373

В. П. Шавшина, В. С. Грицкова
Как сделать Суд ЕАЭС понятным и доступным для бизнеса: практические шаги и информационные инициативы 383

Д. В. Семашко
Отличия и сходства судебной процедуры в национальном и международном судах через призму судебного представительства по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) ЕЭК: трудности перехода, или место встречи изменить нельзя 391

Приветственные речи

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза

Уважаемые гости, коллеги! Дорогие друзья!

Открывая VII Международную конференцию Суда Евразийского экономического союза, ежегодное проведение которой стало не только доброй, но и, без всякого преувеличения, чрезвычайно полезной традицией, хочу сердечно поприветствовать всех вас! Искренне поблагодарить за проявленный вами интерес и участие в нынешнем форуме, проходящем в год десятилетия подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, на основе которого создан Суд ЕАЭС. Видим в этом знак дружеской поддержки и уважения к Суду, который в 2025 г. также отметит 10-летний юбилей своего создания, знак подлинного интереса к его деятельности, признания его авторитета и роли как постоянно действующего органа международного правосудия.

Впечатлен и вдохновлен *уровнем и широтой круга участников конференции*, среди которых авторитетные представители государств и аккредитованного в Минске дипломатического корпуса, коллеги из Евразийской экономической комиссии, судьи национальных, в том числе конституционных и верховных

судов, известные специалисты в области международного права, представители ведущих академических учреждений и адвокатского сообщества, практикующие юристы.

Отдельные слова уважения и признательности – присутствующим на нашем форуме коллегам из числа судей первого состава Суда Союза, а также работающим в нем много лет сотрудникам его Аппарата, которым выпала миссия первопроходцев, практически запустивших механизм Суда и заложивших основы его судебной практики. Хотел бы также от души поблагодарить Правительство государства пребывания – Республики Беларусь за неизменную поддержку деятельности Суда, содействие в организации настоящего форума.

Достаточно беглого взгляда на состав участников и заявленные темы докладов, чтобы с уверенностью сказать: нас ожидает интересная и содержательная дискуссия, итоги которой будут нами внимательно изучены и, несомненно, будут иметь важное значение в контексте усилий по развитию институтов Евразийского экономического союза и Суда, будут учитываться нами в практической работе.

Уважаемые коллеги, размышляя над темой конференции, убедились в необходимости сосредоточить внимание на комплексе вопросов, связанных с *обеспечением единообразного применения* его органами и государствами-членами *права Союза*, что в соответствии с п. 2 Статута Суда является *целью*, определяет смысл и содержание деятельности Суда Союза как одного из двух, наряду с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), постоянно действующих органов этой международной организации региональной экономической интеграции.

Успешное решение этой масштабной и сложной задачи, особенно на нынешнем историческом этапе, имеет *критически важное значение* для *всего* проекта евразийской экономической интеграции и его институтов, поскольку является фундаментальным условием проведения предусмотренной Договором *скоординированной, согласованной или единой политики государств-членов* по достижению высоких целей, ради которых создан Союз, предусматривающих формирование *единого экономического пространства*, на котором обеспечивается *свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы*.

Евразийская экономическая интеграция как многофакторный социальный процесс, в котором участвует несколько суверенных государств и наделенный ими международной правосубъектностью Союз, требует последовательности и слаженности их совместных усилий; он по определению *не может упорядоченно осуществляться* иначе, как только на основе *верховенства права* – при уважении и добросовестном соблюдении всеми государствами-членами и органами ЕАЭС права Союза.

Как представитель нового состава судей, приступивших к своим обязанностям с 1 января 2024 г., позволю себе поделиться некоторыми соображениями об *особенностях нынешнего этапа* развития Союза, вступившего во *вторую декаду* своего существования, которые, как представляется, оказывают серьезное влияние на деятельность Суда и ее приоритеты.

Как справедливо отмечалось на *VI Международной конференции Суда* в прошлом году, по истечении 10 лет функционирования Евразийского экономического союза можно утверждать: Союз как межгосударственное интеграционное объединение

и *Суд Союза как постоянно действующий судебный орган, уникальный и важный элемент институциональной архитектуры евразийской интеграции* состоялись, доказав свою жизнеспособность и востребованность. Усилиями наших предшественников *создан фундамент для последующей работы Суда, продолжения усилий по совершенствованию правоприменительной практики в рамках Союза.*

В подтверждение – немного статистики. Уже за первые 10 лет существования в Суд поступило 132 заявления, включая исковые заявления, апелляционные жалобы и заявления о разъяснении. Судом рассмотрено около 90 дел, по которым вынесено 60 решений по спорам и 28 консультативных заключений. Всякий, кто знаком с практикой международных судов, скажет, что это солидный показатель. Да и текущий год, который еще не завершился, успел стать одним из самых насыщенных по количеству рассмотренных Судом дел. В Суд поступило 18 заявлений о разрешении споров, заявлений о разъяснении и апелляционных жалоб. На сегодня рассмотрено 10 дел, из которых 7 – споры, 3 – дела о разъяснении; еще 5 дел – в стадии рассмотрения. При этом претерпевает некоторые изменения и тематика обращений: в текущем году впервые наблюдаем паритет по количеству дел в области защиты конкуренции и функционирования Таможенного союза. Наиболее многочисленной категорией заявителей остаются хозяйствующие субъекты, обращающиеся в Суд с жалобами на решения и иные акты Комиссии.

Не вызывает сомнений, что *рабочая нагрузка на институты Союза, включая Суд, будет только увеличиваться,* их повестка дня – становиться все более сложной и насыщенной,

а уровень ожидания народов наших стран от практической отдачи межгосударственного объединения – неуклонно возрастать.

При этом за прошедший период накоплен значительный практический опыт функционирования этих международных институтов, *изучение и осмысление которого формирует основу для совместных усилий по их совершенствованию и повышению эффективности.* Комплексный анализ этого опыта позволяет, по достоинству оценив сильные стороны механизма Союза, подсветить и его проблемные аспекты – нестыковки и пробелы, которые могли быть неочевидны при разработке и на начальном этапе осуществления Договора, наметить пути их устранения в целях дальнейшего продвижения процесса евразийской интеграции. Хотя с момента подписания Договора о ЕАЭС прошло 10 лет, *процесс отлаживания механизмов Союза, очевидно, не завершен.*

Как следует из документов стратегического планирования, принятых Высшим Евразийским экономическим советом, государства – члены Союза отчетливо осознают потребность в совместной разработке и осуществлении *мер по совершенствованию его механизмов и институтов,* включая при необходимости *внесение поправок в его учредительный Договор*, последовательному устранению сохраняющихся в его рамках *внутренних барьеров*. При этом в числе приоритетных задач, поставленных перед институтами Союза, – сопряжение экономической интеграции в рамках ЕАЭС с другими происходящими на континенте интеграционными процессами в рамках стратегии формирования *Большого евразийского партнерства (БЕП)*, которое, как неоднократно отмечалось лидерами наших государств, при

наличии соответствующей политической воли открыто и для европейских стран.

Последовательное продвижение в деле формирования *единого рынка товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов* с опорой на право, в свою очередь, видится непременным условием повышения авторитета Союза и его роли в качестве «одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами» (п. 4 Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза), скоординированного и упорядоченного вхождения стран – членов ЕАЭС в БЕП, «усиления конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики».

Мы, юристы, понимаем: *a-priori* совершенных правовых актов не существует. Право как институт наиболее соответствует своей социально-регулятивной сущности тогда, когда оно уважаемо, разумно и соблюдаемо, когда оно существует как живой организм – способно, сохраняя свой внутренний стержень, эффективно реагировать и развиваться вместе с окружающей действительностью. Это относится и к праву Союза, придания которому способности к саморазвитию предполагает наличие *эффективной обратной связи коллективного «суверена-законодателя» с правоприменителем.* В чем же здесь видится роль Суда?

Суд, в соответствии с его Статутом, *не творит, а применяет право* Союза. Однако в процессе рассмотрения конкретных передаваемых ему споров и заявлений о разъяснении Суду то и дело приходится сталкиваться с *вопросами*

общего порядка, затрагивающими систему права и институтов ЕАЭС. Изучение этих вопросов подчас позволяет увидеть *проблемные аспекты*, которые не всегда очевидны внешнему наблюдателю, а иногда и правоустанавливающим органам Союза, но требуют принятия ими мер по их разрешению, т. к. не всегда могут быть урегулированы в пределах компетенции Суда.

В этом смысле Суд, не выходя за рамки своих полномочий по рассмотрению конкретных дел, вынося *решения по делам о спорах и консультативные заключения* (призываю государства-члены, Комиссию и представителей деловых кругов повнимательнее присмотреться к этому инструментарию, возможности которого, в том числе в плане развития практики применения права Союза, убежден, используются далеко не полностью), способен выступать *индикатором наличия подобного рода вопросов*, посредством принимаемых им судебных актов сигнализировать о них государствам-членам и юридической общественности. Это имеет особое значение на нынешнем этапе, когда в рамках ЕАЭС ведется разработка пакета мер по реформированию Договора. Думаем о том, чтобы использовать в качестве канала коммуникации с руководящими органами Союза такой важный инструмент, как предусмотренный п. 120 Статута *ежегодный отчет Суда о его деятельности, ежегодно представляемый Высшему Евразийскому экономическому совету.*

В этой связи хотел бы также подтвердить настрой Суда на развитие – понятно, в пределах его компетенции и без ущерба для его независимости – *заинтересованного и системного диалога по данной проблематике с руководящими органами Союза и Евразийской экономической комиссией,*

уполномоченными органами государств-членов и национальными судами. Предложил бы использовать площадку конференции для обмена мнениями о возможных площадках и формах организации для такого диалога.

Такой диалог с Комиссией и государствами-членами, полагаем, особенно важен, когда речь идет о вопросах, напрямую затрагивающих Суд. С удовлетворением отмечаем развитие сотрудничества с Комиссией в данном вопросе. Конкретный положительный пример – приглашение к инициированному ЕЭК экспертному обмену мнениями *о проекте поправок в Договор о ЕАЭС, призванных устранить выявленный в праве Союза пробел в части обеспечения права на справедливое разбирательство в Суде Союза физических лиц, в отношении которых Комиссией вынесены решения о привлечении к ответственности за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках.* Имеются, к сожалению, и случаи, когда экспертное мнение Суда по подобным вопросам не запрашивается, что чревато возникновением коллизий на этапе практического осуществления разрабатываемых мер (как это, увы, имело место при подготовке *проекта Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части, касающейся особого механизма при проведении расследований и принятии решений о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер).*

Другая важнейшая особенность нынешнего этапа развития евразийской интеграции видится в том, что со времени подписания Договора в мае 2014 г. в межгосударственной системе произошли *кардинальные изменения*. Они обусловлены получившим новое качество процессом формирования

полицентричного мироустройства, который происходит в условиях жесточайшего противодействия группы государств, стремящихся любой ценой удержать и укрепить свое глобальное доминирование. При этом одно из ключевых направлений, на котором разворачивается *деструктивная активность этих держав,* – целенаправленное разрушение органических, исторически сложившихся дружественных отношений между странами СНГ и их народами; фрагментация постсоветского пространства через создание здесь «разделительных линий» и «поясов конфликтности», а в конечном счете установление контроля над этим пространством с возможностью неограниченной эксплуатации его природных и человеческих ресурсов (вполне в духе колониалистской идеологии «разделяй и властвуй»).

Этот фактор – это не только серьезнейший вызов для евразийской интеграции, но и *существенно влияет на международный контекст, в котором происходит осуществление объекта и цели Договора, толкование и применение его норм, функционирование институтов Союза.* Это заставляет по-новому взглянуть на Договор о ЕАЭС и заложенные в нем принципы как *общую ценность народов наших стран*, а также на значение и роль нашего межгосударственного объединения, которое согласно Договору основывается на целях и принципах Устава ООН, в том числе принципах суверенного равенства государств-членов, уважения их территориальной целостности и политической независимости, дружественных отношений между нациями. Дальнейшее развитие процесса евразийской интеграции, сохранение и укрепление Союза и его институтов, таким образом, помимо своих непосредственных основных

целей, установленных ст. 4 Договора, представляет собой *совместный вклад его государств-членов в утверждение на региональном и глобальном уровнях вышеупомянутых целей и принципов* на фоне попыток ряда держав навязать миру «миропорядок, основанный на правилах».

Договор о ЕАЭС с точки зрения исторического и геополитического контекста – выраженная государствами-членами в праве коллективная воля к тому, чтобы на новом историческом витке вместе взяться за грандиозную работу по сохранению и развитию в сфере их жизненно важных интересов *единого экономического, гуманитарного и культурного пространства,* подвергшегося разрушению в результате распада Союза ССР, при уважении принципов суверенного равенства государств, истории, культуры и традиций их народов (абз. 3–5 преамбулы Договора). События последнего времени ясно показывают: сохранение и укрепление единства этого *уникального, исторически сложившегося цивилизационного* пространства посредством обеспечения на нем свобод движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, последовательного снятия имеющихся здесь барьеров – стратегический источник и непременное условие устойчивого и долгосрочного развития наших стран, сохранения их народами своей социально-исторической и культурной идентичности.

Последовательное и успешное развитие евразийской экономической интеграции и ее институтов, которое, как следует из преамбулы Договора, полностью отвечает национальным интересам сторон, таким образом, составляет их *общий законный интерес, средством правовой защиты которого призвано выступать право Союза.*

Применение и развитие права Союза неразрывно связано с функционированием национальных правовых систем государств-членов и особенно их судебных систем. Хотя государства-члены передали Союзу часть своих суверенных полномочий по установлению норм в соответствующих сферах правового регулирования (где прежде оно осуществлялось их внутригосударственными органами), применение таких норм в значительной мере продолжает осуществляться на национальном уровне. Вследствие этого акты внутригосударственных органов, принимаемые ими на основании права Союза, могут становиться (и на практике все чаще становятся) предметом обжалования в национальных судах. В то же время на основании Договора Суд наделен полномочиями по проверке соответствия ему и иным международным договорам в рамках Союза решений органов ЕАЭС (так называемые акты вторичного права).

В результате осуществление органами правосудия права Союза происходит на двух уровнях – международном (Судом) и каждого из государств-членов (его национальными судами). Более того, можно констатировать, что основное бремя такого правоприменения все более ложится на национальные суды. Вместе с тем в силу Договора (ст. 19 во взаимосвязи с п. 2 Статута) государства-члены согласились на обязательность нормы, в соответствии с которой именно на Суд возложена задача по обеспечению единообразного применения права Союза не только органами ЕАЭС, но и государствами-членами.

Описанное выше положение дел сопряжено с комплексом теоретических и практических вопросов, касающихся соотношения существующих в ЕАЭС международного и национального правопорядков. Эти вопросы имеют прямое отношение

к проблеме *координации деятельности Суда и национальных судебных систем государств-членов при применении права Союза.* В этой связи можно также констатировать, что в плане обеспечения эффективности Суда как инструмента, призванного гарантировать единообразное применение права Союза, основополагающее, если не сказать критическое значение имеет укрепление тесного, поставленного на системную или даже институциональную основу взаимодействия Суда и национальных органов судебной власти стран ЕАЭС, в которых видим наших партнеров и единомышленников.

В данном контексте полагаю уместным привлечь внимание к необходимости продолжить изучение вопроса о возможном комплексе мер по институционализации в Договоре о ЕАЭС судебного диалога между Судом Союза и судебными органами государств-членов посредством введения *института преюдициального запроса*, включая оценку последствий этой меры для правопорядков государств-членов (прежде всего их национального законодательства) и нынешней модели Суда Союза. Как представляется, если государства-члены всерьез намерены позаботиться об обеспечении единообразного применения права Союза, от обсуждения данной проблемы не уйти (опыт функционирования судебных органов иных региональных интеграционных объединений демонстрирует востребованность и эффективность данного инструмента для развития интеграционного права и достижения единообразия правоприменительной практики).

Вызывает вопросы и сохраняющийся в государствах-членах подход, исключающий возможность *пересмотра национальных судебных актов в связи с принятием решений Суда ЕАЭС.*

Хотел бы подчеркнуть: разработка и осуществление необходимых мер в данном направлении заведомо не могут рассматриваться как предмет внимания и заботы исключительно Суда, поскольку их принятие является международным обязательством государств-членов по Договору, притом имеющим принципиально важное значение в контексте его объекта и цели. В свою очередь, и Суд как орган Союза едва ли может занимать в этом вопросе пассивно-выжидательную позицию. Соответственно, активизация усилий в направлении последовательного укрепления сотрудничества Суда с уполномоченными органами государств-членов и национальными системами органов судебной власти прежде всего в лице их высших инстанций, создание в указанных целях соответствующих форумов и платформ профессионального диалога выходит в разряд главных приоритетов практической деятельности Суда.

Контакты, состоявшиеся у нас с высокопоставленными представителями национальных судебных систем, внушают оптимизм, свидетельствуют о заинтересованности в налаживании системного диалога с Судом по проблематике обеспечения единообразного применения права Союза. Важным шагом в этом направлении является, среди прочего, перевод на системную основу работы по учету правовых позиций Суда национальными судами всех государств-членов при рассмотрении конкретных дел, затрагивающих применение права Союза и принятие высшими судебными инстанциями государств-членов соответствующих разъяснений. Положительными примерами в данном контексте, если говорить о России, можно считать, в частности, постановление Пленума Верховного Суда от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной

практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза», которое, среди прочего, предписывало российским судам учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, а также подготовленный аппаратом Верховного Суда Российской Федерации в 2022 г. аналитический материал «Обобщение правовых позиций и практики Суда ЕАЭС». Приветствовали бы перевод на постоянную основу работы по его актуализации и доведению соответствующих разъяснений до нижестоящих судов.

Суд, в свою очередь, продолжит уделять самое пристальное внимание обзору и изучению материалов судебной практики национальных судов государств-членов, которая во многих случаях служила важным подспорьем при выработке Судом его позиций по переданным ему делам. Так, закрепление в практике Суда *принципов ne bis in idem и пропорциональности* базировалось на изучении практики как международных судов, так и конституционных судов государств-членов. При разрешении Судом дел о применении общих правил конкуренции ЕАЭС важное значение имело обращение к опыту арбитражных судов Российской Федерации, наработавших в этих вопросах (как в материально-правовой, так и в процессуальной части) обширную практику. Аналогичные примеры имеются и в отношениях с высшими судебными инстанциями других государств-членов.

Предложил бы пройтись по обозначенному выше комплексу вопросов в ходе сессий, посвященных практике органов международного правосудия (21 ноября) и национальной правоприменительной практике (22 ноября).

Уважаемые коллеги, единообразное применение норм права Союза, как и любых правовых норм, предполагает наличие

у людей соответствующего *правосознания*, знаний и профессиональных навыков работы с соответствующим нормативным материалом. Развитие интеграционных процессов, в частности, требует формирования мощного *резерва соответствующим образом подготовленных высококвалифицированных кадров*. В этой связи к числу крупных тем, заслуживающих самого серьезного обсуждения в ходе конференции, отношу *проблему недостаточного уровня осведомленности* общественности государств – членов ЕАЭС, включая практикующих юристов, работающих в системе органов государственной власти, академических учреждениях и частном секторе, об этом межгосударственном объединении, в том числе о деятельности и полномочиях Суда; о праве Союза и его проекции на национальные правопорядки государств-членов. Не покидает ощущение, что проблематика развития права Союза и совершенствования практики его применения, находясь в сфере внимания круга специалистов, непосредственно вовлеченных в процесс функционирования органов Союза, и спустя 10 лет после подписания Договора пребывает на периферии общественного внимания.

Учитывая масштабы проекта евразийской экономической интеграции и его жизненно важное значение для наших стран, подобное положение дел представляется необоснованным, не отвечающим интересам государств-членов, заведомо не способствует решению комплекса вопросов, относящихся к развитию евразийской интеграции и укреплению ее институтов, наконец, негативно отражается на эффективности работы Суда.

Между тем заключение Договора о ЕАЭС и основанной на нем системы правовых норм и институтов Союза повлекло за

собой возникновение в государствах-членах *нового измерения в области права, правовой науки и юридической профессии.* При этом система права Союза сложная, развивается на стыке международного и национального права, имеет многофакторную структуру. В области права Союза, в том числе в созданной Договором системе международного правосудия, наблюдаем значительный массив недостаточно изученных, интересных и часто непростых вопросов материального и процессуального права, требующих серьезного и комплексного осмысления. Освоение такого сложного нормативного материала требует глубоких познаний в области права, научно обоснованного, системного подхода. По мере развития процесса евразийской интеграции и ее институтов потребность в его надлежащем правовом обеспечении и, если угодно, научно-доктринальном сопровождении заявляет о себе все более масштабно и остро.

В этой связи представляется необходимым утверждение по отношению к праву Союза подхода, предусматривающего предметное и серьезное изучение его как *специальной научной и учебной дисциплины*. При этом, учитывая опыт других межгосударственных объединений, здесь может быть весьма полезен *метод сравнительного правоведения (интеграционный компаративизм)*. Несомненно, востребован богатый эмпирический и доктринальный опыт интеграции в рамках Европейского союза. Вместе с тем нужно преодолевать инерцию восприятия, оценки, научного изучения и преподавания проблематики интеграции на постсоветском пространстве через призму «еэсовско-центричной модели». Наша общая задача видится в формировании в странах – членах ЕАЭС собственной, учитывающей передовой международный опыт, но развивающейся исходя из

собственной внутренней необходимости *школы мысли в области правового обеспечения экономической интеграции*, имея в виду, что похожие процессы набирают обороты в других регионах мира, включая страны Африки, Азии и Латинской Америки, опыт которых также представляется заслуживающим внимания.

Успешное решение этой масштабной задачи, как представляется, невозможно без объединения интеллектуального и творческого потенциала широкого круга субъектов, включая Комиссию, органы государственной власти, научные и образовательные учреждения, общественные объединения профессиональных юристов и предпринимателей, а также отдельных специалистов, обладающих глубокими знаниями в области международного и интеграционного права. Как представляется, в актуальной повестке дня – поиск и создание *соответствующих площадок и форматов* для предметного, профессионального и практико-ориентированного диалога по обозначенному выше спектру вопросов, призванных органично дополнять усилия по модернизации институтов Союза и совершенствованию существующей в его рамках правоприменительной практики. Одним из ключевых направлений здесь видится запуск академическим сообществом при поддержке государств-членов и органов Союза предметного диалога с целью создания и внедрения соответствующих учебных программ и программ по повышению квалификации в области права ЕАЭС с прицелом на формирование в рамках Союза своего рода регионального стандарта в означенной области права.

Подтверждаем заинтересованность в такой системной работе. В рамках своей компетенции и возможностей готовы

принимать в ней участие, включая использование в этих целях площадки ежегодной конференции Суда. Рассчитываем на заинтересованный обмен мнениями по этому вопросу в ходе запланированного на 22 ноября круглого стола.

Благодарю за внимание.

А. Э. Диланян
Председатель Конституционного Суда Республики Армения

Уважаемый Председатель Суда Евразийского
экономического союза господин Дронов!
Уважаемые судьи!
Уважаемые представители
Евразийской экономической комиссии!
Уважаемые юристы-ученые!
Уважаемые коллеги!
Дамы и господа, уважаемые присутствующие!

От имени Конституционного Суда Республики Армения и от себя лично рад приветствовать вас на VII Международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС».

Хотелось бы особо отметить роль Суда как в процессе формирования правопорядка ЕАЭС и развития Союза в целом, так и в процессе полноправной интеграции государств – членов Союза неоценима.

С этой точки зрения для т. н. сверки часов и синхронизации правоприменительной практики в рамках Евразийского экономического союза важную роль в том числе играют такие международные конференции, в ходе которых выявляются болевые точки и очерчиваются пути их решения.

В контексте вышесказанного немаловажны и правовые проблемы таможенного регулирования, так как именно путем учета и защиты прав предпринимателей появится возможность развивать внутренний рынок Союза, что, в свою очередь, является одним из важных показателей благосостояния ЕАЭС.

Бесспорно, что обсуждаемые проблемы и тема конференции в целом действительно важны и практически постоянно актуальны, и я уверен, что эта конференция, посвященная 10-летию Евразийского экономического союза, еще один важный шаг к решению представленных проблем.

В то же время хочу затронуть проблему, которая не только не нова, но и очень часто возникает как на внутригосударственном, так и на международном уровне, когда мы сталкиваемся с недостаточным уровнем уважения к решениям, вынесенным судами, преднамеренным или неосознанным искажением вынесенных решений, что влияет не только на авторитет судов, но и, в частности, может негативно повлиять на процесс обеспечения единообразного применения права ЕАЭС.

В этом смысле также важна работа, направленная на повышение уважения к решениям Суда ЕАЭС. И в этом плане требуется постоянная работа как со стороны государств – членов ЕАЭС, так и со стороны исполнительного органа ЕАЭС, чтобы сформировать такую правовую культуру, при наличии которой решения Суда ЕАЭС станут предметом только научного отзыва. И эта работа предполагает постоянное поддерживание высоких профессиональных навыков судей, повышение качества судебных актов, активизацию диалога между Судом ЕАЭС и судами членов – государств ЕАЭС, постоянное и тесное сотрудничество с отраслевыми экспертами и научным сообществом.

В этой связи я рад, что в данной конференции примут участие не только судьи Суда ЕАЭС, представители и эксперты партнерских организаций, но и ряд юристов-ученых.

Действительно, эта конференция – прекрасная возможность представить свой собственный опыт для изучения передового опыта коллег.

Завершая свое выступление, позвольте выразить глубокую благодарность организаторам и пожелать плодотворной работы участникам конференции.

Благодарю за внимание.

Е. И. Коваленко
Министр юстиции Республики Беларусь

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники VII Международной конференции
Суда Евразийского экономического союза!

От имени Министерства юстиции Республики Беларусь позвольте приветствовать вас на столь представительном форуме.

Безусловно, Договор о ЕАЭС – это отправная точка в формировании Союза. Именно в Договоре заложена основа функционирования объединения, утверждена институциональная структура ЕАЭС и закреплены сферы сотрудничества. Создание Союза стало новым важным этапом в развитии государств-членов, послужило толчком для развития экономик и гармонизации правовых систем.

В контексте темы конференции стоит отметить, что Суд играет значимую роль в регулировании правовых процессов, особенно сейчас, в период необходимости укрепления и развития института международного судопроизводства.

За прошедшие годы Суд сформулировал в своих актах большое количество ключевых правовых позиций. Они стали эталоном, на который необходимо ориентироваться при применении права Союза.

ЕАЭС должен оставаться объединением, основанном на беспрекословном уважении партнеров и выполнении достигнутых

договоренностей. У нас у всех одна общая задача – повышение благосостояния граждан. Поэтому важно сохранять интеграционные отношения, находить компромисс при продвижении национальных интересов с интересами Союза.

Цель создания Суда заключается в прояснении сути права Союза. В данной связи следует помнить, что толкование осуществляется для совершенствования правоприменения. Имеющиеся пробелы в праве ЕАЭС и возможное двоякое понимание отдельных положений не должны служить основанием нарушения его норм. Напротив, должны заполняться ключевыми принципами, такими как развитие, углубление и продвижение интеграции.

Желаю всем участникам конструктивной дискуссии и дальнейших успехов!

Благодарю за внимание!

Ю. В. Кобец
заместитель Председателя
Верховного Суда Республики Беларусь

Уважаемый Председатель!
Уважаемые коллеги и друзья!

От имени Верховного Суда Республики Беларусь и от себя лично приветствую всех участников международной конференции Суда Евразийского экономического союза.

Тема нынешней конференции «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС» особенно актуальна в условиях современного уровня интеграции между государствами – членами Союза.

Эта международная конференция Суда ЕАЭС является 7-й по счету. С каждым годом интерес к таким традиционным и ожидаемым международным юридическим форумам возрастает, поскольку они становятся площадкой для диалога между представителями юридического сообщества, способствуют единообразному применению норм права ЕАЭС, совершенствованию нормотворческой и правоприменительной практики государств – членов Союза, поддержанию диалога с национальными судами.

Уверен, что взаимодействие между Верховным Судом Республики Беларусь и Судом Евразийского экономического

союза, а также международное судейское сотрудничество будет успешно развиваться.

Искренне желаю участникам и организаторам форума плодотворной работы, новых идей, интересных дискуссий!

Спасибо за внимание!

Э. А. Азимова
Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники конференции!

От имени Конституционного Суда Республики Казахстан приветствую всех участников международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС».

Настоящий Договор, подписанный в 2014 г., заложил глубокую основу развития евразийской экономической интеграции с учетом национальных интересов государств-участников по укреплению национальных экономик, их сближения и гармоничного прогресса, устойчивого развития деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции в условиях глобальных и региональных вызовов.

В соответствии с Договором Суд Евразийского экономического союза сформирован как один из основных органов евразийского интеграционного объединения. Сегодня Суд достойно выполняет свою миссию по обеспечению правосудия и верховенству права через призму заключенных международных договоров и принятых решений.

В этом ключе целесообразно выделить три концептуальных момента идентичности стратегий деятельности Конституционного Суда Казахстана и Суда Евразийского экономического союза по обеспечению верховенства права.

Первый. Методология производства нацелена прежде всего на проверку соблюдения контрольного списка индикаторов, включающего соблюдение законности, правовой определенности, предотвращения злоупотребления (превышения) полномочий, равенства и недискриминация, доступа к правосудию.

Второй. Вклад в совершенствование правовой базы через свои итоговые решения ориентирован на гармонизацию, кодификацию, консолидацию и унификацию норм права.

Третий. Влияние на правоприменительную практику, обеспечение ее единообразия в деятельности других органов и судов через обязательный механизм исполнения итоговых решений.

В этой связи представляется логичным, что наднациональный судебный орган в рамках повестки конференции поднимает вопрос верховенства права через призму национальных и интеграционных интересов.

Базовые принципы евразийской интеграции, провозглашенные для безусловного соблюдения согласно Договора, – принцип суверенного равенства государств и принцип верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В августе 2021 г. на площадке Генеральной Ассамблеи ООН было представлено новое видение концепции верховенства права, суть которого заключается в укреплении верховенства права на национальном и международном уровнях, повышении вовлеченности населения, расширении равного доступа к правосудию для всех, постановке во главу угла гендерного равенства,

защите от изменений климата, инвестиции в будущие поколения, надлежащем управлении данными и цифровыми технологиями, повышении устойчивости и переломе ситуации с распространением ложной информации и дезинформации.

Таким образом, на фоне современных вызовов представляется востребованным обсуждение данной концепции через призму экономических интересов стран евразийского пространства.

Целесообразным представляется также обсуждение перспектив развития института *Amicus Curiae («друг суда»).* Привлекаемые к судебному процессу эксперты и специалисты имеют потенциал для дальнейшего участия в процессе повышения правовой осведомленности среди граждан и национальных государственных органов, организаций, различных сообществ относительно принимаемых итоговых решений, обеспечения устойчивой почвы для их исполнения.

От имени Конституционного Суда Республики Казахстан искренне желаю участникам конференции плодотворного диалога и обсуждения идей и рекомендаций, нацеленных на решение нашей общей задачи – безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ш. Р. Камчыбеков
заместитель Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники конференции!
Дамы и господа!

Разрешите выразить почтение от имени Верховного Суда Кыргызской Республики, а также искреннюю благодарность Суду Евразийского экономического союза в лице Председателя Алексея Александровича Дронова за высокий уровень организации сегодняшнего мероприятия и за приглашение принять в нем участие.

Прежде всего хотел бы отметить значимость сегодняшней конференции, так как она посвящена важному для Евразийского региона событию, а именно 10-летию подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, учредившего Суд ЕАЭС. В этой связи выбранная организаторами тема является весьма актуальной, поскольку роль Евразийского экономического союза в создании единого экономического пространства в регионе и роль Суда ЕАЭС в урегулировании споров, укреплении правопорядка и в обеспечении единообразного применения государствами-членами и органами Союза права ЕАЭС бесспорна.

Надо сказать, что Суд ЕАЭС за годы своего существования зарекомендовал себя как один из важных органов, решения и деятельность которого существенно влияют на торговлю, инвестиции и потоки рабочей силы.

И сегодня нам представится возможность обсудить различные, в том числе проблемные, вопросы, связанные с деятельностью Суда.

Поэтому мы ценим возможность присутствовать на конференции, которая воедино собрала на своей площадке представителей и профессионалов самых разных областей и сфер: представителей высших судов, органов законодательной и исполнительной власти, международных организаций, дипломатического корпуса, видных юристов, что позволяет обсуждать и рассматривать вопросы и проблемы с разных точек зрения и находить более эффективные пути их решения.

Без сомнения, сегодняшнее мероприятие является платформой не только для открытого обсуждения актуальных вопросов и обмена информацией, но и для достижения высокого уровня диалога, направленного на укрепление дружественных отношений, что, в свою очередь, будет способствовать развитию и углублению правового сотрудничества между его участниками.

С нетерпением жду выступлений уважаемых спикеров по заявленным темам. Уверен, что нас ожидают познавательные и интересные доклады, открытый и содержательный диалог, а итоги конференции будут полезны для всех участников и позволят определить новые прогрессивные подходы по совершенствованию и развитию Суда как института ЕАЭС.

В завершение своего слова, уважаемые коллеги и участники конференции, хочу искренне пожелать всем нам плодотворной работы, интересных дискуссий и успешного проведения мероприятия, а также выразить надежду на дальнейшее развитие и укрепление международного сотрудничества.

Благодарю за внимание!

Ю. Г. Иваненко
заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые коллеги!

От имени Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой и от себя лично рад приветствовать участников очередной, VII конференции Суда Евразийского экономического союза!

Наша сегодняшняя встреча носит особый характер, поскольку совпадает с первым юбилеем Суда.

За эти годы ЕАЭС состоялся как полноценное и самодостаточное интеграционное объединение, позволяющее эффективно решать вопросы укрепления торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

С момента своего создания Суд ЕАЭС успел зарекомендовать себя в качестве надежного гаранта обеспечения единого толкования права Союза, что, несомненно, способствует развитию как экономической, так и правовой интеграции.

Работа Суда по разрешению спорных ситуаций, выработке правовых позиций в области своей компетенции способствует уверенности экономических акторов в стабильности

правоприменения, благодаря чему происходит рост товарооборота между нашими странами, а значит, и улучшается общая экономическая обстановка.

Выступая на заседании Высшего Евразийского экономического совета в мае этого года, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, что Евразийский экономический союз показал свою эффективность перед лицом новых вызовов, в том числе благодаря ликвидации множества торговых и административных барьеров, обеспечению высокой степени свободы перемещения товаров.

Создание и поддержание по-настоящему единого правового пространства – залог дальнейшего успеха интеграционного объединения, в которое входят наши государства.

Важнейшую задачу в этом процессе выполняет Суд ЕАЭС, решения, постановления и консультативные заключения которого способствуют гармонизации правовых подходов, защите прав и законных интересов участников экономической деятельности, развитию правоприменительной практики в государствах – членах Союза.

Верховный Суд Российской Федерации придает большое значение имплементации правовых позиций Суда Союза при рассмотрении экономических споров, ссылается на них в постановлениях Пленума и определениях судебных коллегий.

Отрадно, что, являясь наднациональной инстанцией, Суд не замыкается сам в себе, остается открытым для поиска новых подходов, ищет диалога с экспертным, судейским, юридическим сообществом на национальном уровне, ярким подтверждением чего является наше сегодняшнее мероприятие.

Можно с уверенностью констатировать, что за время своего проведения конференция Суда ЕАЭС зарекомендовала себя как авторитетная дискуссионная площадка, где обсуждаются наиболее актуальные вопросы гармонизации правоприменения.

Хочется выразить надежду на то, что плодотворное сотрудничество между Судом и высшими национальными судебными органами продолжится на заданном высоком уровне и будет и далее способствовать единому пониманию и применению международно-правовых норм в целях дальнейшего экономического роста, защиты прав граждан и организаций.

Уважаемые участники конференции! Уверен, что обсуждение вопросов повестки дня окажет глубокое положительное влияние на развитие правоотношений в целом ряде отраслей и на укрепление взаимовыгодного сотрудничества в судебной сфере.

Желаю всем успехов в работе!

Б. А. Сагинтаев
Председатель Коллегии
Евразийской экономической комиссии

(Стенограмма выступления)
Уважаемые участники конференции!

Проводимая Судом Евразийского экономического союза ежегодная конференция стала доброй традицией и значимым событием в юридической жизни ЕАЭС.

Сформированная правовая база является одним из краеугольных камней Союза. Без качественного юридического регулирования невозможно обеспечить принцип четырех свобод евразийского пространства – свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

У Евразийской экономической комиссии и Суда общая задача – гарантировать эффективное функционирование всего правового массива, отвечающего требованиям бизнеса и граждан государств – членов Союза, а также создавать условия для дальнейшего евразийского развития.

В текущем году мы отмечаем 10 лет с момента подписания Договора о Союзе, который заложил базу для успешного развития нашего объединения. Правовая система ЕАЭС продолжает развиваться, поэтому перед нами стоят задачи как по совершенствованию правовой базы, так и по ее единообразному применению.

Желаю всем участникам конференции успехов в поиске оптимальных решений и выработке соответствующих предложений.

Д. В. Вольвач
заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

(Стенограмма выступления)
Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Я рад приветствовать всех на международной конференции Суда Евразийского экономического союза, посвященной десятилетию Договора о Евразийском экономическом союзе.

Понятно, что тематика обеспечения единообразного применения права ЕАЭС – это общая фраза, но она действительно включает в себя очень много граней и даже нюансов, связанных с тем, как формируется правоприменительная практика, как формируется и укрепляется роль Суда Евразийского экономического союза в ткани права и правоприменения, правообразования в ЕАЭС.

Десять лет – это тот самый срок, период, за который можно и нужно подвести промежуточный итог и, самое главное, построить планы на следующие 5, 10 лет, используя тот накопленный опыт, который есть и в евразийском интеграционном строительстве, и в других интеграционных объединениях; взять этот лучший опыт, реализовать его и тем самым действительно усилить то лучшее, те наиболее сильные и важные стороны, которые у нашего интеграционного союза есть, и мы их видим все четче и яснее; и при помощи судебной власти, судебных

возможностей действительно облегчить разрешение тех вопросов, проблем, несоответствий, которые в любом случае возникают в таком сложном процессе, как экономическая деятельность во всех ее проявлениях на большой, единой таможенной территории Евразийского экономического союза и во взаимодействии Евразийского экономического союза с основными своими странами-партнерами.

Мы отмечаем десятилетие Договора. В течение этого года не первое мероприятие проводим, посвященное этой круглой дате, но сегодня мы говорим о роли Суда Евразийского экономического союза в евразийском интеграционном строительстве. Мы считаем, а сейчас уже можем утверждать, причем уверенно утверждать, что за 10 лет существования, за 10 лет строительства мы создали общими нашими усилиями всех стран, Евразийской экономической комиссии, всех ведомств стран нашей пятерки, которые вовлечены в этот процесс, и, безусловно, конечно, судебного сообщества – наших национальных судов и Суда Евразийского экономического союза – мы действительно создали одно из самых глубоких, жизнеспособных и эффективных по степени интеграции глобальных интеграционных объединений.

Правовая система Евразийского экономического союза сегодня находится в периоде, который характеризуется, с одной стороны, очень интенсивным изменением и развитием, совершенствованием правовой базы. Это и принятие протоколов о внесении изменений в Договор, это и создание новых правовых норм через решения и постановления Суда, это и влияние на правоприменение через те или иные акты Суда Союза, которые мы принимаем и будем принимать. И, конечно же, экстенсивное

развитие нормативной базы имеется, мы это наблюдаем. Это нормальный рост, накопление материала, его осознание, придание ему нормативной силы. Для этого действительно требуется время, и оба этих трека у нас на сегодняшний день работают, и работают неплохо.

За прошлый год различными органами Союза – это Коллегия Евразийской экономической комиссии, Межправительственный совет на уровне глав правительств государств – членов ЕАЭС, Высший экономический совет, в который входят главы государств стран Евразийского экономического союза, – принято 387 нормативных решений. В этом году, по состоянию на ноябрь, уже 242 нормативных решения, не считая распорядительных и поручнеческих решений. С каждым годом значительно увеличивается число правил, требований, процедур, которые закрепляются в праве Союза, которые обязаны соблюдать правительства и предприниматели наших государств. С другой стороны, мы внимательно следим за тем, чтобы регулирование не было избыточным, чтобы оно не создавало излишнего избыточного бремени на бизнес.

Уважаемые коллеги, я вас всех призываю сегодняшние дискуссии посвятить выработке практически полезных предложений, инициатив, которые мы бы с уважаемыми коллегами из Суда Евразийского экономического союза, из других стран – членов ЕАЭС могли бы взять за основу, согласиться вместе консенсусом, что нам эти изменения и донастройки нужны, выйти с ними с инициативой в органы Союза и реализовать в форме внесения нужных, небольших корректировок, которые на самом деле на сегодняшний день назрели.

Спасибо большое за внимание, я всем искренне желаю продуктивной, эффективной, результативной, профессиональной дискуссии и желаю процветания всем вам и всему нашему союзному дому.

10 лет Договору о Евразийском экономическом союзе

Суд Евразийского экономического союза как субъект правового просвещения

О. И. Чуприс
заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые главы и судьи высоких судов,
уважаемые участники сегодняшней встречи!

От Администрации Президента и от себя лично искренне рада приветствовать всех вас на конференции. Ее **повестка** имеет **важное межгосударственное значение** и конкретный, понятный смысл для **каждого жителя** государств, входящих в Союз.

Большинство из них даже не задумываются о своем проживании на единой экономической территории. Мудрые решения

были приняты в 2014 г. президентами наших государств, которые **подтвердили курс** на экономическое сотрудничество и **заключили Договор о ЕАЭС.**

В его основу положено создание единого рынка и проведение согласованной политики в отраслях экономики, **обеспечение** т. н. **четырех свобод** – движения товаров, капиталов, услуг и, самое главное, людей (рабочей силы).

Как подчеркивает белорусский лидер, человек – главная ценность. В Союзе этот тезис воспринимается всеми государствами-членами как общий постулат развития.

Важная роль здесь отведена **Суду ЕАЭС.** Его предназначение – мотивировать государства на добросовестное соблюдение взятых на себя обязательств.

В этих целях Суд **наделен обширной компетенцией**: от рассмотрения конкретных дел по заявлениям государств-членов и хозяйствующих субъектов до разъяснения положений Договора.

Практика **свидетельствует о востребованности** данного правового института.

При рассмотрении дел Суд не только основывается на Договоре и решениях органов Союза, но и учитывает общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные обычаи как доказательства сложившейся практики.

Он **выносит глубокие**, наполненные правовым содержанием **решения и консультативные заключения**. Они публикуются на сайте Суда и могут служить источником развития законодательства государств – членов ЕАЭС, а также деятельности национальных судов.

В этой связи хочется пожелать Суду **развивать вектор правового просвещения**, повышать осведомленность граждан государств – членов ЕАЭС о праве Союза, деятельности Суда и евразийской интеграции в целом.

Ведь значение правового просвещения сложно переоценить в настоящее время, особенно в условиях эскалации напряженности в регионе, санкционного давления и торговых войн, когда вопросы развития евразийской интеграции приобретают **новое звучание**.

Распространение правовых знаний возможно **по различным направлениям:** широкое информирование о юридической практике Суда, образование, наука.

1. Уже сейчас на сайте Суда каждый желающий может ознакомиться с принятыми Судом решениями, аналитикой, статистикой.

Тем не менее видится перспективным **не только предоставлять доступ к самим решениям, но и давать краткую информацию** в отношении рассмотренных дел: описание дела и правовые позиции, выработанные Судом.

В последующем такие сведения могут быть использованы в национальной правоприменительной практике и нормотворческой деятельности.

Дополнительно возможно **внедрение цифрового компонента** в деятельность Суда, предоставление онлайн-доступа к судебным заседаниям. Безусловно, это дело не ближайшего будущего, но, возможно, и не такая далекая перспектива.

Для повышения правовой информированности граждан, полного погружения в определенный тематический контент, возможно, следует более активно использовать **информационные**

ресурсы государственных органов государств – членов Евразийского экономического союза. Шире применять потенциал специализированных **национальных правовых интернет-ресурсов.**

В нашей стране это Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, ежегодное количество просмотров которого составляет порядка 27 миллионов.

На портале в том числе размещается официальная и новостная информация о праве ЕАЭС. В этих целях создан **специализированный банк** данных «Правовая информация ЕАЭС», куда включаются решения ЕЭК, Евразийского межправительственного совета и Высшего Евразийского экономического совета.

Однако решения Суда ЕАЭС в этом банке данных **не размещаются. Не включаются** они и в национальную эталонную правовую базу.

Национальный центр законодательства и правовой информации **самостоятельно**, используя информацию с сайта Суда, наполняет банк данных «Судебная практика», размещенный на портале (включен 381 документ Суда).

Кроме того, хотелось бы обратить внимание, что в **Концепции правовой политики** Республики Беларусь среди направлений развития белорусского законодательства определено формирование благоприятных правовых условий для **интенсификации сотрудничества** региональных интеграций, в том числе ЕАЭС. Полагаю, что данное положение Концепции нашей страны может стать **импульсом работы** по повышению осведомленности белорусских граждан о праве Союза и деятельности Суда.

2. Распространение знаний о Суде ЕАЭС и праве Союза, конечно, происходит в числе прочего через научное экспертное сообщество. Формируются доктринальные подходы, которые нередко, пусть и косвенно, находят отражение в практике.

Еще более значимо обратное влияние: все чаще ученые различной отраслевой специализации ссылаются на практику Суда, анализируют ее в диссертационных исследованиях.

Такая конвергенция мысли обогащает наше сближение по целому спектру направлений, прежде всего с точки зрения общности правовых школ, **выстраивания интеграции изнутри.**

Еще одно важное направление правового просвещения касается **юридического образования.**

Для юристов всегда остается актуальным практико-ориентированное обучение. Наличие интеграционного судебного органа позволяет посмотреть на систему права Союза в том числе с точки зрения сравнительного анализа законодательства государств-членов, что значительно обогащает образовательный процесс для юристов.

Необходимы, соответственно, не только учебные пособия, учебники, но и **практикумы, компендиумы судебных дел** или дел, рассматриваемых ЕЭК в досудебном или внесудебном порядке, для распространения среди студентов-юристов. Можно расширять практику по проведению **игровых судебных процессов** (муткортов).

Возможно рассмотреть вариант проведения онлайн-лекций судей Суда или экспертов о праве Союза и деятельности Суда.

В целом работа по правовому просвещению преследует **двойную цель**: с одной стороны, **прагматическую –**

информирование граждан о праве Союза и работе Суда, а с другой стороны, **гуманистическую** – способствование развитию **идеалов права и доверия к правосудию.** Реализация данных целей, несомненно, **повысит результативность** деятельности Евразийского экономического союза, а также положительно отразится на работе Суда.

Выражаю надежду, что некоторые из озвученных позиций будут восприняты вами, уважаемые судьи, и послужат делу служения народам государств – членов ЕАЭС. А ваш высокий профессиональный уровень подготовки, широта юридического кругозора, умение ориентироваться в современных правовых реалиях, преданность своей профессии станут образцом для молодого поколения юристов наших стран.

Желаю вам, уважаемые судьи Суда, Аппарату Суда, участникам конференции дальнейшей плодотворной работы, профессиональных успехов, мира и добра.

Благодарю за внимание.

Договор о Евразийском экономическом союзе как источник развития правовых механизмов обеспечения социальных и экономических прав граждан: через призму практики Конституционного Суда Республики Беларусь

Н. А. Карпович
заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь

Добрый день, уважаемый господин Председатель, уважаемые дамы и господа, коллеги!

От имени Конституционного Суда Республики Беларусь поздравляю вас с десятилетним юбилеем Договора о Евразийском экономическом союзе.

Подписание 29 мая 2014 г. Договора о Евразийском экономическом союзе стало важнейшим этапом экономической интеграции на евразийском пространстве. Сегодня мы можем констатировать, что на основе Договора о ЕАЭС евразийская экономическая интеграция успешно развивается в интересах народов наших стран. Интеграционное взаимодействие выступает одной из основ устойчивости экономик государств – членов Союза, повышения жизненного уровня граждан.

Договор о ЕАЭС составляет фундамент права Союза. Готовность государств – членов Союза к исполнению

предусмотренных в нем обязательств базируется на закреплении в Договоре наиболее общих для нас целей, социально-правовых идей и принципов.

Важнейшей составляющей стабильности и динамизма евразийской интеграции выступает положение преамбулы Договора о ЕАЭС о необходимости безусловного соблюдения всеми его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это положение имеет концептуальное значение, его последовательная реализация выступает одним из фундаментальных условий эффективности действия права Союза.

Конституционный Суд Республики Беларусь еще в 2013 г., на этапе перехода от Евразийского экономического сообщества к созданию Евразийского экономического союза, отмечая открытость Республики Беларусь для международно-правовой интеграции, подчеркнул, что, исходя из верховенства Конституции Республики Беларусь в интеграционных отношениях, не могут умаляться конституционные права и свободы граждан (решение от 21 января 2014 г. № Р-915/2014).

Сегодня функционируют надежные институты и механизмы, обеспечивающие реализацию норм Договора о ЕАЭС. Базовые права и свободы человека как конституционные ценности, общие для всех государств – членов ЕАЭС, безусловно признаются на евразийском пространстве. Правовая основа обеспечения реализации экономических и социальных прав граждан, закрепленных в основных законах наших стран, обогащается актами права Союза. В ЕАЭС принят ряд согласованных мер, непосредственно способствующих их обеспечению. Тем не менее вопрос о дальнейшем развитии механизмов взаимодействия

в данной области между органами ЕАЭС и национальными органами власти постоянно находится в поле зрения.

Весомая роль в этих процессах принадлежит Суду Евразийского экономического союза, на который возложено обеспечение толкования и надлежащего применения права Союза, и, конечно, конституционным и верховным судам государств – членов ЕАЭС.

В Республике Беларусь соответствующая многоплановая деятельность государства базируется на признании прав, свобод человека и гарантий их реализации высшей конституционной ценностью (ч. 1 ст. 2 Конституции).

Конституционный Суд, обеспечивая защиту прав и свобод человека и гражданина, основывается на ст. 21 Конституции, предусматривающей, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства; государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные как в Конституции, законах, так и предусмотренные международными обязательствами государства.

В связи с этим Конституционный Суд оценивает соответствие Конституции положений нормативных правовых актов Республики Беларусь, направленных на реализацию норм права ЕАЭС, прежде всего с точки зрения развития этими положениями правовых механизмов обеспечения конституционных прав граждан.

Так, в решении от 13 октября 2016 г. № Р-1069/2016 Конституционный Суд обратил внимание на положения Договора о ЕАЭС, согласно которым технические регламенты ЕАЭС принимаются в целях защиты жизни и здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и здоровья животных

и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей. Конституционный Суд пришел к выводу, что закрепление в Законе «Об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия» норм, направленных на обеспечение применения и исполнения права ЕАЭС, усиливает механизмы, гарантирующие право собственности, права граждан на здоровье, благоприятную окружающую среду и иные конституционные права граждан.

В отношении поправок в законы Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», «Об охране озонового слоя», в Водный кодекс Республики Беларусь и другие законы для учета международных обязательств Республики Беларусь и согласования данных законов с Договором о ЕАЭС и международно-правовыми актами, составляющими право ЕАЭС, Конституционный Суд изложил следующий вывод. В интеграционных отношениях обеспечение благоприятного состояния окружающей среды остается сферой ответственности государств; вместе с тем нормы, которыми дополняются законы в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, совершенствуют правовые механизмы, гарантирующие конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду и право граждан на охрану здоровья, развивают правовые механизмы обеспечения экологической безопасности, баланса экологических и экономических интересов (решение от 11 июня 2019 г. № Р-1173/2019).

Проанализировав нормы Закона «О лекарственных средствах», Конституционный Суд отметил, что устанавливаемые Законом требования к производству лекарственных средств на

основании лицензии в соответствии с Правилами надлежащей производственной практики ЕАЭС и положениями Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС от 23 декабря 2014 г. являются одной из систем контроля качества фармацевтической продукции, а следовательно, гарантией обеспечения конституционных прав граждан на охрану здоровья, надлежащая реализация которых выступает важнейшей составляющей социального государства (решение от 5 мая 2020 г. № Р-1214/2020).

В актах Конституционного Суда изложены основополагающие подходы к оценке конституционности нормативных положений, регулирующих порядок осуществления экономической и иной деятельности и основанных на актах права ЕАЭС.

Конституционный Суд указал, что технические регламенты ЕАЭС, решения Евразийской экономической комиссии признаются в Республике Беларусь актами, регулирующими отношения в области оценки соответствия техническим требованиям технических регламентов ЕАЭС, как государстве – участнике ЕАЭС на основании соответствующих статей Договора о ЕАЭС. При этом приоритет права ЕАЭС в регулировании данных отношений не должен приводить к нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией (решение от 13 октября 2016 г. № Р-1069/2016).

Данный критерий конституционности получил развитие в решении Конституционного Суда от 11 марта 2020 г. № Р-1211/2020. В нем отмечено, что, исходя из основ конституционного строя, необходимо, чтобы в наднациональном законодательстве уровень защиты прав и свобод граждан был не ниже, чем предусмотрено Конституцией.

В решении от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 Конституционный Суд в отношении законов, направленных на опосредование национальным правом интеграционных процессов, имплементацию норм международного и наднационального права в правовую систему Беларуси, отметил в числе критериев легитимности их норм гарантирование обеспечения и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, в актах Конституционного Суда отражено постоянное усиление требований к должному уровню правового обеспечения и защиты прав граждан в условиях разноуровневого правового регулирования. Полагаю возможным отметить, что это свидетельствует о последовательном укреплении значимости интеграционного взаимодействия на основе Договора о ЕАЭС в рассматриваемом направлении.

Позвольте также обратить внимание на закрепленные Договором о ЕАЭС основные принципы функционирования Союза (ст. 3), включая обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправие и учет национальных интересов сторон.

Данные принципы служат основой для проведения согласованной экономической политики, гармонизации и сближения правового регулирования в той степени, которая необходима для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. В частности, Договором о ЕАЭС определено, что в рамках Союза проводится согласованная политика в таких сферах, как защита прав потребителей, социальное обеспечение (социальное страхование), кроме пенсионного, трудящихся государств-членов и членов их семей, предусматривается обеспечение гарантированной

и эффективной защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг.

В решении от 26 декабря 2020 г. № Р-1243/2020, исходя из закрепленных Договором о ЕАЭС согласованных подходов о необходимости обеспечения прослеживаемости продуктов животного происхождения, а также регулирования этих вопросов техническими регламентами Таможенного союза и ЕАЭС, Конституционный Суд отметил, что создание в государствах – членах ЕАЭС единой системы комплексного контроля животных и продукции животного происхождения позволит в том числе обеспечить на территории Республики Беларусь надлежащее качество продуктов и тем самым реализацию конституционных прав граждан на достойный уровень жизни и охрану здоровья.

Так, Конституционным Судом указано, что нормы Закона, возлагающие функцию государственного надзора за соблюдением требований актов, составляющих право ЕАЭС, на государственную ветеринарную службу, развивают правовые механизмы проведения согласованной политики в сфере применения ветеринарно-санитарных мер в соответствии со ст. 56 и ст. 58 Договора о ЕАЭС, обеспечивая сохранение высокого уровня экологической и биологической безопасности продукции животноводства, что отвечает конституционным нормам о гарантировании гражданам права на охрану здоровья (решение от 8 июня 2020 г. № Р-1223/2020).

В решениях Конституционного Суда обращалось также внимание на осуществление правового регулирования в конкретных сферах как актами внутригосударственного законодательства, так и нормами международных договоров, а также

актов органов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь.

Конституционный Суд заключил, что такое разноуровневое регулирование обеспечивает создание необходимых правовых механизмов осуществления экономической и иной деятельности в интересах человека и общества; условием его эффективности выступает согласованное действие актов национального и интеграционного права, прежде всего в областях, затрагивающих права и свободы граждан (решение от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021).

В связи с этим Конституционный Суд в рамках своей компетенции ориентировал национального законодателя на необходимость вырабатывать единые принципы и подходы к гармонизации и унификации нормативных правовых актов, обеспечению эффективной реализации международно-правовых актов, составляющих право ЕАЭС (решение от 8 июля 2016 г. № Р-1057/2016).

Приведенные правовые позиции комплексно отражают практику Конституционного Суда по оценке конституционности правовых норм, обусловленных положениями Договора о ЕАЭС и иных актов права ЕАЭС.

Обновленной Конституцией к полномочиям Конституционного Суда отнесено вынесение решений по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод. Конституционная жалоба обусловливает развитие правовых механизмов гарантирования реализации конституционных прав и свобод, в том числе в отношениях, связанных с участием Республики Беларусь в ЕАЭС.

Уважаемые участники конференции!

Позвольте еще раз поздравить всех с десятилетием Договора о Евразийском экономическом союзе и пожелать дальнейшего плодотворного взаимодействия по реализации его положений, гармоничного функционирования евразийского и национального правопорядков, успешного достижения закрепленных в Договоре о ЕАЭС целей евразийской экономической интеграции.

Благодарю за внимание.

Совершенствование права ЕАЭС в области конкуренции

М. Л. Ермолович
член Коллегии (министр) по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии

(Стенограмма выступления)
Уважаемые коллеги, дорогие товарищи!

29 мая 2014 г. подписан Договор о ЕАЭС, десятилетие которого мы отмечаем в текущем году. С 2015 г. блок по конкуренции и антимонопольному регулированию приступил к своей работе как наднациональный антимонопольный орган. Если говорить о сфере, в которой мы работаем (антимонопольное регулирование и государственные закупки), то 10 лет – это чрезвычайно много, потому что за это время появились новые отрасли экономики, которые необходимо регулировать. Появилось даже целое понятие цифрового права, которое сейчас обсуждается специалистами.

Нас пугает, что еще через 10 лет всех юристов заменит искусственный интеллект. Наверное, это реально случится. Я сейчас расскажу почему.

Евразийской экономической комиссии была передана компетенция по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках и, соответственно, полномочия по привлечению нарушителей к ответственности. То есть практически впервые в интеграционной практике нашего

Союза сформировался наднациональный орган, регулирующий целую сферу экономической жизни стран. Наш наднациональный статус даже был подтвержден соответствующими решениями Суда ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия совместно с государствами-членами ведет постоянную работу по совершенствованию нормативно-правовой базы нашей деятельности. Наша задача – проактивно действовать по сохранению высокой интеграционной динамики в Союзе.

Сегодня для Комиссии это важнейшая задача, и Комиссия по поручению глав государств должна стать центром компетенции, центром выработки решений, которые впоследствии будут реализовываться. На нас лежит бремя обоснования этих решений, в том числе научного, настойчивость в отстаивании выработанной позиции, ее доказывания всем согласующим органам государств-членов и, соответственно, доведение до имплементации права Союза и выработки общих правил правоприменения.

За истекший период работы подготовлены четыре больших протокола о внесении изменений в Договор.

Собственно, четвертый протокол прошел все необходимые согласования, одобрен соответствующим решением Совета Евразийской экономической комиссии и будет представлен в ближайшее время на утверждение Высшему экономическому совету ЕАЭС. Как и в предыдущих больших протоколах, в данном протоколе также содержатся уточнения и изменения, которые касаются антимонопольного органа Комиссии. В частности, уточняется порядок принудительного исполнения решений Комиссии.

В рамках блоков по конкуренции принято два больших пакета изменений, которыми утверждены все пять ключевых порядков и механизмов работы антимонопольного органа – это порядок рассмотрения заявлений, порядок проведения расследований, порядок рассмотрения дел, методика расчета и порядок наложения штрафов, методика оценки состояния конкуренции на товарных рынках.

На этом наша работа не завершена, есть целый ряд проблем, которые требуют правового решения. Мы создаем встроенную систему правового регулирования и деятельности наднационального органа, однако существует целый ряд пробелов в правоприменительной практике и в правовом регулировании антимонопольной деятельности Комиссии.

Если говорить о государственных закупках, то здесь проблема в меньшей степени связана с работой Комиссии, потому что регулирование государственных закупок – это национальная компетенция. Права Комиссии в этой части существенно ограничены. В антимонопольном регулировании все совершенно наоборот. По информации Суда ЕАЭС, дела по решениям Комиссии в области антимонопольного регулирования вышли на второе место по количеству рассмотренных дел. Что требует изменений? В первую очередь, как правильно отметила Ольга Ивановна в своем приветственном слове, что позиция Республики Беларусь и других стран Союза заключается в том, что высшей ценностью наших государств и всей интеграции являются граждане.

Однако оказалось так, что у физических лиц – граждан Союза нет возможности в настоящее время обращаться в Суд ЕАЭС по заявлению об обжаловании решений Комиссии. Мы считаем

это довольно существенной проблемой на сегодняшний день, требующей как можно скорейшего разрешения. Это разрешение связано с тем, что антимонопольный орган выносит решения Комиссии и привлекает к ответственности физических лиц. Чаще всего это должностные лица юридических лиц, однако правового механизма защиты их интересов в настоящее время нет. Для того чтобы обеспечить эту правовую защиту, необходимо оперативно внести изменения в Договор, Статут Суда, предоставив хотя бы в части конкуренции и антимонопольного регулирования право и обязанность Суда принимать заявления физических лиц по обжалованию решений Комиссии в области антимонопольного регулирования.

Также продолжается работа по совершенствованию практики исполнения решений Комиссии, в том числе и судебного исполнения этих решений.

Мы продолжаем начинять компетенции уполномоченных органов Союза по исполнению решений Комиссии. Однако на сегодняшний день все еще сохраняются проблемы в правовом регулировании, хотя этот порядок перенесен на национальные уровни. В рамках четвертого большого протокола мы устанавливаем норму о том, что решение о привлечении к ответственности юридических лиц исполняются судебными исполнительными органами стран Союза в соответствии с их национальными законодательствами. Но здесь существует много процедурных вопросов, которые требуют регулирования. Принцип судебного исполнения заключается в том, что судебные исполнительные органы выполняют решения Комиссии в отношении конкретных юридических и физических лиц, являющихся резидентами страны. Но что делать в отношении резидентов третьих стран?

Мы сейчас активно обсуждаем вопросы с уполномоченными органами стран Союза, с антимонопольными органами.

Имеются вопросы компетенции Комиссии по привлечению к ответственности лиц третьих стран, действующих на трансграничных рынках Союза, и что будет, если мы получим компетенции с исполнением решений Комиссии в отношении третьих стран. Также есть проблемы с разграничением полномочий между Комиссией и национальными антимонопольными органами. Проблема заключается в том, что, пользуясь правовой неопределенностью, субъекты рынка совершают нарушения и могут уходить от ответственности.

Есть и проблемы с разграничением наших полномочий в отношении субъектов рынка, занимающих доминирующее положение на рынке. Сегодня эти критерии настолько исключительны, что за 10 лет мы не привлекли к ответственности ни одного субъекта, занимающего доминирующее положение. Напомню, что такой субъект должен иметь долю на рынке всего Союза не менее 50 %, а также 35 % и более на рынке каждого государства, в котором он работает. Таких субъектов, как показала практика, не существует. Хотя было более пяти обращений с заявлениями, но после анализа критериев доминирования оказалось, что эти субъекты не дотягивают до этих показателей. Мы пытаемся изменить эти критерии, установить принцип доминирования при наличии 35 % и более на всей территории Союза. Это действительно доминирующее положение на рынке в нашем понимании.

Мы хотим более тесного взаимодействия с Судом, потому что консультативное заключение для нас является достаточно бюрократической процедурой. Есть большая потребность

в том, чтобы на данном этапе проводить рабочие консультации по выработке единых подходов правоприменения. Мы должны одинаково понимать, например, применение ст. 76 Договора.

Мы должны вместе с Судом работать над комментариями законодательства, потому что на сегодняшний день такой комментарий Договора в части антимонопольного регулирования отсутствует. Подготовка этого комментария позволит, в первую очередь бизнесу, правильно понимать, как работает антимонопольный орган Комиссии по проведению расследования и привлечению к ответственности.

Мы также должны работать над развитием наших образовательных программ. Мы совместно с Московским государственным университетом и Московским государственным институтом международных отношений запустили образовательные программы в области конкурентного права.

Я хочу поддержать позицию Михаила Владимировича о необходимости более активного продвижения позиций Суда на пространстве ЕАЭС. И, наверное, назрела уже потребность в том, чтобы ежегодно либо дважды в год проводить евразийский юридический форум Суда с привлечением представителей всех уполномоченных органов стран ЕАЭС, Комиссии и вырабатывать решения.

Спасибо.

Обеспечение верховенства права как гарантия развития ЕАЭС: историографические и догматические аспекты[1]

А. Н. Савенков
директор Института государства и права Российской академии наук

В современной системе международных отношений для ведения активной внешней политики странам недостаточно держать курс на успешную экономику или политику, важную роль также играет культурно-гуманитарное и правовое сотрудничество. Успешным примером такого сотрудничества стало формирование ЕАЭС на основе традиционных ценностей в рамках сложившейся культурно-политической общности, объединяющей множество различных народов разного вероисповедания.

Так, в Декларации «О Евразийской экономической интеграции»[2], принятой 18 ноября 2011 г., провозглашено, что развитие

---

[1] Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

[2] Декларация о евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0144071/ic_17112012_3. – Дата доступа: 19.11.2024.

интеграции основано на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

Еще Ф. М. Достоевский писал: «Мы первые объявили миру, что не через подавление личностей … хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единстве с ними»[3].

В сентябре 2012 г. ООН приняла резолюцию «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества»[4], внесенную Российской Федерацией. В резолюции подтвержден тезис о том, что понимание и уважение традиционных ценностей способствует поощрению и защите прав человека и основных свобод. В преамбуле Договора о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 г. стороны также установили принцип соблюдения верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина[5].

---

[3] См. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Т. 14. – С. 113.

[4] Резолюция 12-й сессии Совета ООН по правам человека «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1736942/. – Дата доступа: 19.11.2024.

[5] Договор о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc 3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf. – Дата доступа: 19.11.2024.

Вторая пол. XX в. стала периодом создания в разных регионах мира региональных интеграционных объединений – таких международных организаций, которые имели целью формирование систем экономического взаимодействия путем унификации собственных правопорядков. Их учреждение повлекло трансформацию классических межправительственных международных организаций в организации нового типа, именуемые наднациональными.

Президент России В. В. Путин отметил, что «объединительные тенденции набирают обороты. …Что касается приоритетов нашего взаимодействия, то в настоящее время к ним относятся наращивание политического диалога… гуманитарных связей…»[6].

На постсоветском пространстве идея интеграции получила развитие с начала 1990-х гг., поэтому неслучайно, что в конституциях двух из пяти государств – членов Евразийского экономического союза – Республики Беларусь и Российской Федерации – содержится положение об участии в межгосударственных образованиях. Норма ст. 8 Конституции Республики Беларусь изложена весьма лаконично и указывает только на право государства-члена в соответствии с нормами международного права на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них, а положение ст. 79 Конституции Российской Федерации связывает участие в объединениях межгосударственного

[6] Интервью газете «Казахстанская правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72682. – Дата доступа: 19.11.2024.

характера с трансфером в их адрес некоторых суверенных полномочий под условием не нарушения прав и свобод человека и гражданина, обеспечения не противоречия основам конституционного строя.

Поскольку интеграционные объединения осмысливаются в духе концепций передачи им части суверенных полномочий, ранее принадлежащих государствам, логично, что тезис о верховенстве права должен стать краеугольным камнем также и существования интеграционных объединений, функционирования их органов, включая суды. Подобный подход верен и с методологической точки зрения. Перенос универсальных концепций философии права в сферу интеграционных объединений, которые традиционно анализируются сквозь призму узкоспециальных понятий общего международного права, позволит раздвинуть границы их доктринального понимания и практического применения.

Эти тезисы, высказанные в общей форме, справедливы и по отношению к Евразийскому экономическому союзу и его Суду. Отличительной чертой интеграционных союзов, включая ЕАЭС, является наличие у них собственного автономного правопорядка, который независим от общего международного права и не связан с внутригосударственным правом. Вывод о существовании такого феномена, как автономное право Союза, основан на ст. 6 Договора о ЕАЭС, закрепляющей его правовую систему, включая иерархию источников.

Представляется, что феномен «автономное право ЕАЭС» не может существовать и тем более эффективно функционировать, если в его рамках не реализована идея верховенства права.

Институтом Союза, призванным обеспечивать толкование права интеграционного объединения, разрешение правовых конфликтов, возникающих в связи с его применением, является Суд ЕАЭС.

Пункт 2 Статута Суда Евразийского экономического союза определяет основную его цель максимально прагматично и узко – обеспечение единообразного применения права Союза его государствами-членами и органами. Единообразие применения права ЕАЭС – это тот краеугольный камень, ради достижения которого создан и существует Суд.

Обеспечение единообразия достигается как за счет интерпретации права ЕАЭС в рамках консультативных заключений, принимаемых по запросам государств-членов и органов Союза, так и при разрешении конкретных дел. При рассмотрении последних принципиально важно, чтобы Суд стремился не только преодолеть конкретный правовой конфликт, послуживший основанием обращения к нему, но также в рамках каждого дела сформулировать универсальную правовую позицию, способную быть использованной при рассмотрении иных дел как самим Судом ЕАЭС, так и национальными судами. Важно, чтобы единообразное применение права ЕАЭС не понималось узко, механистично, не сводилось лишь к правильному толкованию правовых норм и их применению при разрешении конкретных дел. Необходимо, чтобы идея единообразия пронизывала все правоприменение в Союзе, воспринималась как иными органами ЕАЭС, так и судами его стран-участниц.

Следование закрепленным принципам крайне важно, в то же время такая практика получает распространение. Наглядный

пример – Европейский союз. О каком верховенстве права можно говорить в ситуации, когда данное интеграционное объединение вводит ограничительные меры (санкции), не только совершенно недопустимые с точки зрения международного права, но и попирающие провозглашаемые самим ЕС принципы недискриминации на основе государственной принадлежности и защиты прав человека? О каком верховенстве права можно говорить, когда введенные в отношении российских граждан ограничения на практике лишают их не только возможности распоряжаться своими активами, но даже реализации права на доступ к суду?

В числе последних ярких примеров т. н. правосудия Европейского союза – отказ Суда ЕС Национальному расчетному депозитарию в иске об оспаривании санкций, выразившихся в полной блокировке его деятельности в связи с запретом центральным депозитариям стран – членов ЕС оказывать ему услуги по управлению резервами. Решение принято 11 сентября 2024 г. Несмотря на обоснованные аргументы Национального расчетного депозитария и на тот факт, что блокировка его деятельности привела к блокировке активов более чем миллиона российских частных инвесторов, Суд ЕС отказал в удовлетворении требований депозитария, мотивировав свою позицию тем, что «права клиентов депозитария – частных лиц действительно ограничены, однако у последних в запасе есть инструменты правовой защиты по праву государств – членов ЕС».

Противоречит принципам права позиция Суда ЕС, высказанная в решении от 2 октября 2024 г., о том, что запрет на юридическое консультирование российских компаний и представителей

исполнительной власти не нарушает фундаментальные права ЕС, включая право на доступ к юридической помощи.

Отдельный вопрос – проблема ограничения въезда российских граждан в государства – члены ЕС. Речь идет об односторонней приостановке действия соглашения об упрощении визовых процедур, о принятии в форме сообщения Еврокомиссии, которое не может быть предметом судебного обжалования, фактических инструкций государствам-членам о том, каким образом в рамках Визового кодекса и Шенгенского кодекса о границах можно ужесточить процедуру выдачи виз и ограничить въезд россиян на территорию ЕС. О каком верховенстве права может идти речь, когда принимаются решения, не только противоречащие первичному праву ЕС, но еще и в форме актов, исключенных из-под судебного контроля?

Можно упомянуть и действия стран ЕС по ограничению транзита грузов с основной части территории России на территорию Калининградской области, которые с очевидностью грубо противоречат положениям права ВТО.

В аспекте ЕАЭС, который находится на начальном этапе своего становления, важно говорить о формировании им собственной ценностной системы, а применительно к Суду уточнять, что реализация им идеи обеспечения верховенства права на собственном интеграционном пространстве подразумевает защиту общепризнанных принципов международного права, среди которых значимую роль играет защита прав человека и основных свобод.

Последнее вовсе не означает, что Суд ЕАЭС должен превращаться в суд по правам человека. Это совершенно не его предназначение. Однако при рассмотрении споров

и осуществлении толкования права Союза неважно, в какой сфере оно осуществляется, Суду необходимо обеспечивать соблюдение прав человека как органами Союза, так и его государствами-членами при применении права ЕАЭС. Необходимая основа для такого подхода уже заложена. Например, в консультативном заключении по *делу о перемещении наличных денежных средств* сформулирован подход, согласно которому санкции за нарушение права Союза должны быть пропорциональными.

Важно, чтобы Суд Союза не ограничивался декларированием прав, а на деле сам способствовал их защите. Это касается прежде всего реализации права на доступ к правосудию. Недопустимо установление чрезмерных требований к приемлемости заявлений, которыми может быть инициировано производство в Суде.

Столь же неотъемлемой частью права на доступ к правосудию выступает право на исполнение решений. Вызывает сожаление ситуация, при которой органы интеграционного объединения уклоняются от исполнения решений его Суда, а суды его государств-членов весьма произвольно применяют позиции Суда Союза в своей практике. Отдельные акты, как, например, решение Суда по делу о таможенной классификации по заявлению СУЭК-Кузбасс, фактически преодолены новым решением Комиссии. Подобная ситуация немыслима не только с точки зрения международного, но и национального права. Еще один аспект, который вызывает озабоченность, – это отказ российских судов пересматривать свои решения на основе решений Суда ЕАЭС, которыми фактически отменены решения ЕЭК, примененные при разрешении

конкретных дел. Удивительно другое: пересматривать национальные решения на основе актов ЕСПЧ было приемлемо, а Суда ЕАЭС – нет.

В наше время среди важнейших вопросов философии права в целом вновь актуализировалась проблема мирного существования народов и государств, реального уважения культур, прав человека, сохранения исторической памяти, противодействия чрезвычайным обстоятельствам и факторам, поиска решений вопросов на основе взаимного согласия и компромисса.

Ученые на постсоветском пространстве справедливо отмечают, что к наиболее важным элементам общей самоидентификации различных народов бывшего СССР можно отнести природные ресурсы, язык, территорию, религиозные традиции и обычаи, культурное наследие, гостеприимство, культурное многообразие, вехи истории (в том числе участие в Великой Отечественной войне).

Все это должно стать серьезным фундаментом в деле дальнейшего укрепления сотрудничества на Евразийском пространстве. Ответом науки в данном направлении должна стать также новая общая модель политико-правовых знаний, на основе которой должны устраняться современные проблемы юридической историографии, даваться оценка зарубежных историографических моделей политико-правовых знаний, а также решаться задачи устойчивого развития юридической науки и практики в условиях современных изменений и вызовов.

Надлежащее развитие юридических и общественно-политических наук в контексте современных вызовов невозможно

в условиях доминирования узконаправленных, неполных и противоречивых принципов построения историографических моделей политико-правовых знаний, распространения идеологических искажений и использования устаревших шаблонов для формирования базовых представлений о типах развития государственно-правовых институтов, юридических концепций и доктрин.

Обеспечение единого таможенного регулирования как фактор успешного развития ЕАЭС

Р. В. Давыдов
член Коллегии (министр) по таможенному сотрудничеству Евразийской экономической комиссии

Таможенное регулирование – одна из немногих сфер в Евразийском экономическом союзе (далее – Союз), где можно говорить не о гармонизации законодательства, а о едином таможенном регулировании. Статья 32 Договора о Союзе определяет, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом Союза, с иными регулирующими таможенные правоотношения международными договорами в рамках Союза, актами, составляющими право Союза, и с положениями Договора о Союзе.

Таможенный кодекс Союза – ядро таможенного регулирования. Это кодифицированный и модернизированный документ, отвечающий уровню развития информационных технологий. Кодекс учитывает и подходы международного таможенного сообщества к выстраиванию безопасной цепи поставки товаров и качеству таможенного администрирования. Кодекс ввел приоритетность электронного декларирования, что значительно сократило срок выпуска товаров в свободное обращение – в течение 4 часов с момента регистрации таможенной декларации. Установлена возможность подачи декларации на товары без представления сопроводительных документов. Реализованы

технологии автоматической регистрации декларации и автоматического выпуска товаров. Внедрен институт уполномоченных экономических операторов.

Применяется ряд отдельных соглашений. Их нормы не были кодифицированы в Кодексе, так как предмет регулирования ряда таких международных договоров *(например, по вопросам административной и уголовной ответственности, по вопросам навигационных пломб, по вопросам СЭЗ, по вопросам противодействия легализации доходов, полученных преступным путем)* выходит за сферу только таможенного регулирования и затрагивает иные отрасли права, а ряд международных договоров *(например, по вопросом деятельности Объединенной коллегии таможенных служб и деятельности представительств таможенных служб)* регулирует вопросы взаимодействия таможенных органов государств – членов Союза, их положения носят организационный, а не правоустанавливающий и регулирующий характер.

В развитие Таможенного кодекса Комиссией принято порядка 170 нормативно-правовых акта второго уровня. Это акты по вопросам установления порядка совершения таможенных операций, определения форм таможенных деклараций и порядка их заполнения, определения форм иных таможенных документов, установления порядка внесения изменений в таможенные документы, применения таможенных процедур, проведения таможенного контроля, исчисления и взимания таможенных платежей, а также обеспечения их уплаты, по вопросам происхождения товаров, определения и контроля таможенной стоимости, осуществления деятельности в сфере таможенного дела, функционирования института уполномоченного экономического

оператора и иным вопросам в сфере таможенного регулирования, которые отнесены к компетенции Комиссии вышеуказанными международными договорами и актами, составляющими право Союза.

Комиссия – регулирующий орган Союза, основной задачей которого является формирование правовой базы Союза и обеспечение ее применения государствами-членами.

Комиссия осуществляет свою деятельность в ряде сфер, одной из которых является таможенное регулирование.

Статья 25 Договора о Союзе определяет, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование.

В целях обеспечения единого таможенного регулирования в Союзе Таможенный блок:

обеспечивает нормативно-правовое регулирование таможенных правоотношений путем подготовки актов органов Союза и проектов международных договоров в таможенной сфере;

совершенствует право Союза в таможенной сфере с учетом практики его применения, а также с учетом международного опыта, обеспечивая внедрение в право Союза международных стандартов;

обеспечивает формирование в государствах-членах единообразной правоприменительной практики путем проведения мониторинга исполнения сторонами права Союза, а также путем выработки предложений по дальнейшей унификации национальных законодательств в сфере таможенного регулирования;

формирует правовые основы для использования перспективных таможенных технологий при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля;

развивает двустороннее и многостороннее сотрудничество с международными и региональными организациями, интеграционными объединениями;

обеспечивает применение государствами-членами унифицированных подходов к обустройству и техническому оснащению элементов таможенной инфраструктуры;

обеспечивает нормативно-правовое регулирование информационного взаимодействия в таможенной сфере *(между таможенными органами государств-членов, между таможенными органами и участниками ВЭД, между таможенными органами и иными органами и организациями в рамках общих процессов, а также между Комиссией, таможенными органами государств-членов, таможенными органами иных государств, интеграционными объединениями и организациями)*.

Главы наших государств и главы наших правительств ставят перед нами задачи по дальнейшему развитию интеграции и обеспечению единого таможенного регулирования в Союзе.

Мы должны сформировать пространство доверия между таможенными органами государств-членов и продолжать работу по формированию единых стандартов таможенного администрирования. Это возможно достичь благодаря:

дальнейшей унификации законодательства;

унификации технологий совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля;

выработки единых подходов к системе управления рисками на уровне Союза;

совершенствованию информационного взаимодействия и интеграции информационных систем;

дальнейшей унификации порядка применения форм таможенного контроля после выпуска товаров;

развития института совместного таможенного контроля и т. д.

В настоящее время полномочия Комиссии ограничены. Например, Комиссия не может мониторить деятельность таможенных органов при реализации технологий совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля, т. к. такие технологии регулируются национальным законодательством. Но сегодня Комиссия задействует инструмент мониторинга исполнения сторонами международных договоров в рамках Союза и решений Комиссии, что позволяет выявлять проблемные области, в которых необходимо принимать управленческие решения, направленные на обеспечение единообразной правоприменительной практики.

На перспективу Комиссия проводит работу по определению понятия и составляющих единого стандарта таможенного администрирования, а также работу по подготовке предложений, направленных на обеспечение такого стандарта на практике. Это и предложения по направлениям дальнейшей унификации таможенного законодательства, а также предложения по расширению и уточнению правомочий и компетенций Комиссии *(по вопросам СУР, по вопросам информационного взаимодействия, по вопросам мониторинга совершения таможенными органами отдельных таможенных операций и проведения форм таможенного контроля),* которые ей необходимы для обеспечения единого стандарта таможенного администрирования.

Основные векторы интеграционного взаимодействия в таможенной сфере определены в стратегических документах. Это

Стратегия евразийской экономической интеграции до 2025 г., а также Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Союза до 2030 г. и в перспективе до 2045 г.

Работа таможенного блока Комиссии и государств-членов сосредоточена в первую очередь на совершенствовании правовой базы Союза по таможенным вопросам с учетом сложившейся правоприменительной практики, а также на основе международных инструментов по вопросам упрощения таможенных формальностей.

Важный аспект также – это дальнейшее развитие транзитного потенциала Союза. Основной акцент делается на обеспечении доступности и прозрачности системы таможенного транзита Союза, в том числе за счет подключения к ней заинтересованных государств, не входящих в Союз.

Будут реализовываться бесшовные технологии перевозок, в том числе за счет развития электронного транзита, применения навигационных пломб, совершенствования правовой базы в части мультимодальных перевозок – когда перевозка товаров осуществляется различными видами транспорта.

Особое внимание планируется уделять цифровизации таможенного администрирования, масштабному использованию современных таможенных технологий при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля.

Один из важнейших вопросов на повестке дня – это применение таможенными органами унифицированных подходов при контроле таможенной стоимости ввозимых товаров.

Подробнее остановлюсь на некоторых из них.

Важная задача, которая сейчас решается на площадке таможенного блока Комиссии, – это подготовка комплексного

протокола о внесении изменений в Таможенный кодекс. Этот проект уже направлен в страны на повторное внутригосударственное согласование. По итогам такого согласования проект протокола будет дорабатываться и готовиться к подписанию.

Свои предложения в проект дали госорганы, представители бизнеса и Комиссия (более 300 поправок).

Среди вопросов, которых коснуться новации, – упрощение перемещения через таможенную границу Союза отдельных категорий товаров, например, контейнеров, рыбной продукции и т. д.

Так, с вступлением в силу новых поправок **контейнеры**, являющиеся транспортным оборудованием и используемые для перевозки товаров, будут перемещаться через границу без таможенного декларирования *(в настоящий момент они декларируются)*. При этом таможня также не будет контролировать сроки их нахождения на территории Союза или за ее пределами, а также их использование во внутренних *перевозках (в настоящий момент сроки контролируются, внутренние перевозки не разрешены)*.

Что касается **рыбной продукции**, уловы, выловленные судами государств-членов, и рыбная продукция, произведенная на таких судах, не будут подлежать таможенному декларированию при их ввозе на таможенную территорию Союза в случае их признания товарами Союза.

В настоящий момент Таможенный кодекс не относит такую продукцию морского промысла к товарам Союза, так как она добыта за пределами таможенной территории, соответственно, сейчас она при ввозе подлежит таможенному декларированию. Однако данная продукция не является предметом торговли

государств – членов Союза с третьими странами и по факту своего происхождения является товаром Союза, а не иностранным товаром.

Для признания такой продукции товаром Союза в таможенный орган при прибытии должны быть представлены документы, содержащие сведения о месте вылова рыбы и произведенной из нее продукции. По результатам проверки таких документов таможенный орган принимает решение о признании такой продукции товарами Союза.

Предполагается также урегулировать и т. н. **контрейлерные перевозки**. Это, например, когда автомобильные транспортные средства перемещаются через таможенную границу на железнодорожных платформах. В отношении таких автомобильных транспортных средств будет также применяться упрощенное регулирование, предусмотренное для транспортных средств международной перевозки.

В настоящее время особенности регулирования для таких перевозок в Таможенном кодексе отсутствуют и нет юридической возможности применять упрощенное регулирование, предусмотренное для транспортных средств международной перевозки, в отношении автомобильного транспортного средства, находящегося на железнодорожной платформе.

В части **таможенного транзита** предложены поправки, направленные на унификацию порядка завершении действия данной таможенной процедуры за счет исключения национального сегмента регулирования и передачи соответствующих полномочий Комиссии.

Поправками предусматривается также применение технологии отслеживания **перевозок с использованием**

навигационных пломб. Предполагается ввести новую меру, обеспечивающую проведение таможенного контроля, – отслеживание перевозок с использованием навигационных пломб, и установить возможность использовать навигационные пломбы в качестве средств идентификации.

Эти меры повысят прозрачность таких перевозок.

Закладываются нормы, направленные на дальнейшее развитие **информационного взаимодействия** в рамках общих процессов Союза.

Предполагается максимальный переход на электронный документооборот за счет увеличения перечня таможенных документов, требования к электронному виду которых будут определяться Комиссией.

Ряд поправок касается совершенствования норм Кодекса, регулирующих таможенные процедуры.

Например, в части таможенной процедуры **свободной таможенной зоны** и свободного склада предусматриваются особенности завершения действия аналогичными таможенными процедурами – свободной таможенной зоны или свободного склада.

Что касается таможенной процедуры **временного ввоза (допуска)**, предлагается при частичной уплате ввозных таможенных пошлин исчислять 3 % за полный (неполный) месяц, а не календарный месяц, как это делается в данный момент.

Современное таможенное регулирование выстраивается исходя из одной общей цели – формирование комфортной среды для взаимодействия бизнеса, граждан и контролирующих органов.

При подготовке Таможенного кодекса исходили из необходимости поддержания оптимального баланса между интересами бизнеса и задачами таможенного контроля. Этот документ разработан при непосредственном участии бизнес-сообщества, что позволило всесторонне оценивать влияние изменений таможенного законодательства на такие сферы деятельности, как транспорт, экономика, финансы и промышленность.

Реализация данных поправок значительно снизит издержки участников ВЭД на осуществление таможенных операций, увеличит скорость прохождения товаров таможенной границы, будет способствовать цифровизации таможенных процессов, сделает применение таможенной процедуры таможенного транзита максимально прозрачной для всех участников транзитных перевозок, а экономические таможенные процедуры более выгодными для субъектов бизнеса.

Еще одним важным направлением работы является реализация Соглашения о применении в Союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок от 19 апреля 2022 г.

Соглашение направлено на минимизацию применения мер таможенного и иных видов государственного контроля в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Союза, при одновременном обеспечении законности их оборота на внутреннем рынке Союза.

Достичь этой цели планируется путем расширения использования современных технических и технологических решений – навигационных пломб и системы отслеживания перевозок.

Соглашением предусмотрено отслеживание перевозок по территориям двух и более государств:

товаров, помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита;

перевозимых в рамках взаимной торговли, а также вывозимых в соответствии с таможенной процедурой экспорта алкогольной продукции, табака и табачных изделий, санкционных товаров.

Применение соглашения позволит снизить издержки бизнеса, связанные с длительностью перевозок, и снизит долю теневого товарооборота.

Нормативная правовая база Союза, необходимая для практической реализации соглашения, подготовлена, Комиссией приняты необходимые решения. Для запуска механизма отслеживания на данный момент осталось дождаться реализации предусмотренных соглашением полномочий государств – членов Союза.

Следующим шагом для дальнейшего развития системы таможенного транзита является реализация Соглашения о единой системе таможенного транзита Союза и третьей стороны (третьих сторон) от 26 декабря 2024 г.

Данная работа проводится Комиссией совместно с государствами – членами ЕАЭС в рамках реализации п. 3.1.8 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. *(утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12)*.

Проект соответствующего соглашения в настоящее время проходит в сторонах внутригосударственные процедуры, необходимые для его подписания в декабре текущего года.

Концепция проекта соглашения базируется на сохранении основных действующих подходов применения таможенной процедуры таможенного транзита в Союзе и определяет фундаментальные правовые основы для заключения отдельных международных договоров Союза с третьими странами о создании единой транзитной системы.

Это будет достигнуто за счет:

- применения единой транзитной декларации в виде электронного документа;
- использования единого обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов;
- применения отдельных специальных упрощений, предоставляемых уполномоченным экономическим операторам государств − членов Союза и третьей стороны;
- применения навигационных пломб для отслеживания перевозок товаров на всем пути следования товаров как по таможенной территории Союза, так и по таможенной территории третьей стороны;
- взаимного признания результатов проведения таможенного контроля.

Республикой Узбекистан уже сейчас проявляется интерес и прорабатывается вопрос о возможности присоединения к единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза. Соответствующие договоренности уже нашли свое отражение в Плане мероприятий Евразийской экономической комиссии и Правительства Республики Узбекистан на 2024–2026 гг.

Развитие единой системы таможенного транзита Союза, в том числе за счет подключения к ней заинтересованных государств,

не входящих в Союз, позволит достичь бесшовности процедуры перевозки за счет повышения связанности территорий и снижения накладных расходов бизнеса на доставку грузов до места назначения, что важно для конечного потребителя.

Статья 25 Договора о Союзе определяет, что в Союзе функционирует внутренний рынок товаров и осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного).

Свободное перемещение товаров между территориями государств-членов возможно обеспечить благодаря единому таможенному регулированию.

Единое таможенное регулирование включает в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза, их нахождения и использования на такой территории и за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, проведения таможенного контроля, уплаты таможенных платежей, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и участниками ВЭД.

Таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом, иными международными договорами в рамках Союза, а также актами, составляющими право Союза.

Чтобы не возникало барьеров на внутреннем рынке, все государства – члены Союза должны единообразно применять право Союза на внешнем контуре. В этих целях необходимо

поступательно обеспечивать применение единых стандартов совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля таможенными органами разных государств, сближать подходы по оснащению пунктов пропуска техническими средствами таможенного контроля, приводить к одному знаменателю требования к информационным технологиям, применяемым в пунктах пропуска.

Важно также проводить работу по дальнейшей унификации законодательства в сфере таможенного регулирования путем передачи национальной компетенции наднациональному органу – Евразийской экономической комиссии – либо путем закрепления норм прямого действия в международных договорах.

Еще одним важным направлением является развитие программы уполномоченных экономических операторов. Внедрение программы УЭО – один из основных показателей организации и трех опор современного таможенного администрирования.

Программа УЭО – оптимальная модель сотрудничества таможни и бизнеса, обеспечивающая баланс между таможенным контролем и содействием торговли.

Операторы – компании, пользующиеся доверием таможенных органов и представляющих минимальный риск нарушений.

Таможня оптимизирует свою деятельность и перераспределяет свои ресурсы, предоставляя таким проверенным компаниям ряд упрощений и преимуществ.

Программа УЭО допускает участие импортеров, экспортеров, владельцев складов временного хранения, перевозчиков, экспедиторов, таможенных представителей.

Такой подход позволяет двигаться в сторону создания безопасной цепи поставок.

В Союзе внедрена современная программа УЭО, основанная на международных стандартах, прежде всего стандартах Всемирной таможенной организации и передовой правоприменительной практики.

Создана единая правовая база по этому вопросу на основе отдельной главы Таможенного кодекса Союза и ряда решений Комиссии, которые в настоящее время активно применяются на практике.

Поэтому УЭО государств – членов Союза признаются на всей территории Союза вне зависимости от места регистрации, что существенно расширяет интеграционный эффект для УЭО и позволяет снизить издержки.

Вопрос взаимного признания УЭО с другими странами впервые зафиксирован в Кодексе, в связи с чем в будущем планируется работать по соответствующим соглашениям с другими странами. Это достаточно передовое направление, активно развивающееся во всем мире, позволяющее продвигать интересы союзных экспортеров и обеспечивать безопасность цепочки поставок.

Для этой категории надежных участников ВЭД предусмотрено порядка 17 упрощений, позволяющих сократить издержки при перемещении товаров, одно из которых принято буквально недавно.

В этом году решением Совета Комиссии № 86 от 18.10.2024 была поддержана инициатива, направленная на снижение логистических и складских издержек участников ВЭД, связанная с хранением товаров, помещенных под

таможенную процедуру таможенного склада на площадках УЭО.

Также Комиссия отменила существовавшее много лет ограничение для подакцизных товаров (решение Комиссии Таможенного Союза 18.06.2010 № 323).

В целом продолжается последовательная работа по расширению упрощений для бизнеса в рамках программы уполномоченных экономических операторов.

Сейчас в работе еще ряд инициатив по новым упрощениям для УЭО. Их Комиссия предметно прорабатывает в рамках специализированной рабочей группы.

Также остановлюсь на вопросах классификации. Классификация товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) является одним из наиболее актуальных вопросов как для участников внешнеэкономической деятельности, таможенных органов, так и для других заинтересованных лиц и государственных органов государств – членов Союза и, соответственно, занимает основную процентную долю из судебных дел, рассмотренных Судом ЕАЭС.

На основании ст. 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование.

Полномочия Комиссии в части таможенного регулирования определены Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а в части классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС регламентируются гл. 3 Кодекса.

В частности, в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС на всей территории Союза Комиссия наделена полномочиями по принятию решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров на основании предложений центральных таможенных органов Союза и по собственной инициативе (абз. 2 п. 1 ст. 22 ТК Союза).

В настоящий момент Комиссией принято и действует 216 решений о классификации отдельных видов товаров (19 по инициативе Комиссии), из которых 21 решение было принято Комиссией Таможенного союза.

Вместе с тем следует отметить, что обращения, поступившие от физических и юридических лиц по вопросам классификации отдельных видов товаров, в том числе содержащие сведения о возможных, по их мнению, различных подходах при классификации товаров, не являются основанием для обязательного инициирования Комиссией подготовки решений о классификации отдельных видов товаров. Такие обращения служат основанием для проведения Комиссией мониторинга, в процессе которого проверяется и анализируется информация о различной классификации товаров.

Учитывая статус принимаемых решений (распространяется на пять государств, имеет обязательный характер), а также в целях обеспечения стабильности правового регулирования Комиссия обязана изучить и оценить не только информацию, содержащуюся в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, но и позиции таможенных органов государств – членов Союза, запросить сведения у научных организаций и специалистов

(экспертов) в отношении характеристик классифицируемого товара. Только после анализа всего объема полученной информации и соответствующего доклада уполномоченному должностному лицу может быть поручено подготовить проект решения о классификации отдельных видов товаров по собственной инициативе Комиссии.

По сути, решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров не изменяют ставки пошлин, меры нетарифного регулирования, запреты и ограничения, их главной целью является принятие единообразных подходов при классификации одинаковых товаров на всей территории Союза.

Это означает лишь тот факт, что с момента принятия решения Комиссии товары, имеющие конкретные наименования и характеристики, соответствующие критериям отдельного вида товара, поименованного в нем, должны классифицироваться на всей территории Союза только тем классификационным кодом, который в них указан и определен в соответствии алгоритмом, основанном на принципах и правилах, принятых только в самой ТН ВЭД ЕАЭС.

За период с 2014 г. по настоящее время различными инстанциями Суда Союза рассмотрено 20 дел, связанных с вопросами классификации товаров или решениями Комиссии о классификации отдельных видов товаров на соответствие их положениям Договора о Союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Союза, обращений участников внешнеэкономической деятельности.

Из них три решения признаны Судом Союза не соответствующими положениям Договора о Союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Союза:

– О классификации судового дизельного двигателя (от 31 января 2018 г. № 15);

– О классификации магнийсодержащего препарата (от 14 октября г. 2019 № 180);

– О классификации препарата на основе беззародышевых водных субстратов продуктов обмена веществ микроорганизмов (от 08 октября 2019 г. № 173).

Из этих трех решений отменено Коллегией Комиссии только решение о классификации судового дизельного двигателя, а по двум другим внесены изменения в их текстовые части, при этом классификационный код, порядок и принцип классификации магнийсодержащего препарата и препарата на основе беззародышевых водных субстратов продуктов обмена веществ микроорганизмов остался прежним.

Все вышесказанное определяет важность обеспечения единого стандарта таможенного администрирования.

Таможенное регулирование – эта одна из основных сфер Союза, в которой государства осуществляют единую политику – применяют унифицированное правовое регулирование. Унифицированы основные процедуры и правила, связанные с попаданием товаров на общий союзный рынок, и правила выхода товаров Союза на рынки третьих стран. Однако необходимо обеспечивать единообразное применение такого регулирования на практике.

Важна не только единая нормативная база, но и единая правоприменительная практика, единые стандарты таможенного администрирования, одинаковая глубина или степень таможенного контроля на всей территории Союза.

Формирование единого стандарта таможенного администрирования предусмотрено Стратегией-2025.

Обеспечение единого стандарта таможенного администрирования можно достичь путем установления четких и однозначных таможенных правил и обеспечения одинакового порядка совершения таможенных операций и таможенного контроля.

Важной составляющей единого стандарта таможенного администрирования является унификация подходов к применению систем управления рисками при осуществлении таможенного контроля.

Таможенный кодекс союза содержит унифицированный перечень объектов таможенного контроля, форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля. В соответствии с Таможенным кодексом таможенный контроль (выбор объектов, форм и мер) проводится с использованием системы управления рисками. Однако в настоящее время вопросы системы управления рисками регулируются национальным законодательством.

При реализации пункта Стратегии-2025 по вопросу формирования единого стандарта таможенного администрирования основной акцент делался на работе по унификации профилей рисков, применяемых в национальных системах управления рисками, на площадке Объединенной коллегии таможенных служб, которая является отраслевым совещательным органом и в ее состав входят представители таможенных служб государств-членов.

Проведена большая работа, унифицированы профили рисков по отдельным (согласованным) областям рисков. Однако решения Объединенной коллегии не являются обязательными для государств-членов. Они исполняются путем

их имплементации в национальные приказы таможенных органов.

Достижение целей экономического союза – создание условий для стабильного развития экономик, формирование единого рынка товаров, обеспечение их свободного перемещения в рамках внутреннего рынка – невозможно без эффективного таможенного регулирования и таможенного администрирования.

Максимально эффективно обеспечивать единое таможенное регулирование и повышать степень унификации таможенного администрирования можно благодаря тесному взаимодействию и сотрудничеству таможенных служб, Евразийской экономической комиссии и Объединенной коллегии таможенных служб.

Комиссия в первую очередь является законодательным органом. Также Комиссия наделяется полномочиями по проведению мониторинга исполнения государствами-членами международных договоров в рамках Союза и решений, принимаемых ею. Такой мониторинг необходим для обеспечения единообразного применения права Союза.

Объединенная коллегия таможенных служб – орган отраслевого сотрудничества, создана в целях координации взаимодействия таможенных органов и унификации применения таможенными органами права Союза. При этом решения Объединенной коллегии не подлежат прямому применению на территориях государств – членов Союза, а подлежат имплементации через приказы центральных таможенных органов, которые могут быть приняты в пределах их компетенции. Таким образом, Объединенная коллегия в основном

проводит работу по координации таможенного администрирования, осуществляемого таможенными органами разных государств-членов. Объединенная коллегия вправе вырабатывать предложения по дальнейшей унификации норм права и по совершенствованию права Союза в сфере таможенного регулирования. Но такие предложения впоследствии могут быть реализованы только путем внесения изменений в действующие акты Союза или путем принятия новых (международных договоров и актов органов Союза).

Таможенные органы непосредственно осуществляют таможенное администрирование «на земле», обеспечивают применение таможенного законодательства на практике – совершают таможенные операции и проводят таможенный контроль.

Важной составляющей единого стандарта таможенного администрирования является унификация подходов к применению систем управления рисками при проведении таможенного контроля. На данный момент перед нами стоит задача четко определить механизм взаимодействия между указанными органами и разграничить их полномочия по вопросам системы управления рисками. Полагаем, что по данному направлению Комиссия должна определять Стратегию применения таможенными органами СУР, осуществлять мониторинг за исполнением таможенными органами положений ТК ЕАЭС и актов, принятых Комиссией, по вопросам СУР, определять области риска, в отношении которых устанавливаются общесоюзные профили риска, и утверждать такие профили риска.

За таможенными органами должна сохраниться компетенция по принятию профилей рисков по областям рисков,

определенным на национальном уровне, а также по администрированию СУР.

При этом на площадке Объединенной коллегии возможно координировать позиции таможенных служб по областям рисков, определенным на национальном уровне.

Роль прецедента в практике Суда ЕАЭС и вопросы исполнения его решений

К. Л. Чайка
судья Суда Евразийского экономического союза в отставке, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук

1. Ключевую роль при оценке особенностей актов судов региональных интеграционных объединений играет наличие у них свойства прецедента, которое способно стать инструментом разрешения, а в отдельных случаях и недопущения новых споров.

В правовой доктрине господствует точка зрения, согласно которой понятие «прецедент» ассоциируется с более ранним решением суда, на которое впоследствии делаются ссылки судебным органом, сторонами дела, комментаторами, преимущественно, но не обязательно в свете разрешения спора[1].

В доктрине при оценке значения прецедента в свете функционирования суда регионального интеграционного объединения высказывается точка зрения, согласно которой «предшествующая практика дает судам определенный уровень независимости

[1] Siltala, R. A Theory of Precedent: From Analytical Positivism to a Post-Analytical Philosophy of Law / R. Siltala. – Bloomsbury Publishing, 2000. – P. 11; Gerhardt, M. J. The Power of Precedent / M. J. Gerhardt. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 47–49; Jacob, M. Precedents and Case-Based Reasoning in the European Court of Justice: Unfinished Business / M. Jacob. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 1.

и, следовательно, власти», может быть использована «для укрепления своей легитимности и защиты от внешних вызовов»[2]. При таких обстоятельствах ссылки суда интеграционного объединения на свои предшествующие решения, с одной стороны, служат доказательством последовательности его практики, укрепляя доверие со стороны других акторов, прежде всего государств-членов и иных органов соответствующего объединения, а с другой стороны, позволяют обеспечить единообразное рассмотрение аналогичных дел и, как следствие, гарантировать равенство сторон судебных споров[3].

Исследование практики суда интеграционного объединения сквозь призму его приверженности собственным прецедентам позволяет судить о ее последовательности и предсказуемости для всех заинтересованных лиц, а в конечном счете и об эффективности.

2. Еще один важный аспект оценки эффективности суда регионального интеграционного объединения – это механизм исполнения принятых им решений. Если применительно к международным судам, созданным по модели Международного Суда ООН, критерий исполнения имеет принципиальное значение для оценки роли, которую международное право играет в современном мире, то для судов интеграционных объединений исполнение может рассматриваться как подтверждение объема присущих им наднациональных свойств.

3. Обращаясь к проблематике прецедентного характера актов судов интеграционных объединений, отметим следующее.

---

[2] Jacob, M. Op. cit. – P. 3, 7.

[3] Jacob, M. Op. cit. – P. 7, 11.

Компетенция суда интеграционного объединения охватывает разрешение им вопросов в заранее определенных сферах правового регулирования, а тенденция к повторной постановке перед судом соответствующих вопросов обусловлена в том числе широким кругом субъектов обращения – все это приводит к необходимости воспроизведения, а затем и развития правовых позиций, ранее уже сформированных в его практике. В данной ситуации возможен выбор одного из двух вариантов действий: каждый раз в полной объеме обосновывать уже изложенную в предшествующих актах правовую позицию или ограничиться повторением ранее сделанного вывода, а затем при необходимости трансформировать его в зависимости от обстоятельств дела или изменившихся условий, повлиявших на интерпретацию правовой нормы. Второй подход соответствует понятию прецедентной аргументации[4].

4. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза) показывает, что в отличие от иных международных судов в первые годы своей деятельности он весьма незначительно ссылался на собственные правовые позиции, хотя зачастую и воспроизводил их почти дословно. Тем не менее анализ актов Суда Союза демонстрирует, что постепенно он начинает не только придерживаться идеи единообразного следования своей практике, но также и ссылок на нее.

К числу позитивных примеров следования прецедентной аргументации следует отнести приверженность позиции

[4] Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : дис. … д-ра юрид. наук / Е. Б. Дьяченко. – М., 2023. – С. 282.

о применении в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) Конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров как международного договора, который относится к сфере единой политики и подписан всеми государствами-членами. Данный подход впервые был изложен в решении Апелляционной палаты по делу № С-6/15 *Дженерал Фрейт*[5], а затем повторен в решениях по делам №№ С-1/19 *Шиптрейд*[6] и С-4/20 *Поларис Инт*[7].

Следующей принципиальной правовой позицией, которая оказывает существенное влияние на практику Суда Союза, является сформулированный в решении Коллегии Суда по уже упомянутому делу № С-1/19 Шиптрейд принцип правовой определенности, который затем применен в решении по делу № С-2/21 ДОМИНАНТАФАРМ[8], а впоследствии –

[5] Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 21 июня 2016 г. по делу № С-6/15 по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.15/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[6] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года и Апелляционной палаты от 31 октября 2019 г. по делу № С-1/19 по заявлению ООО «Шиптрейд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[7] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 22 февраля 2021 г. по делу № С-4/20 по заявлению ООО «Поларис Инт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.20/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[8] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 19 мая 2021 г. и Апелляционной палаты от 16 июля 2021 г. по делу № С-2/21 по заявлению

в консультативном заключении по делу № Р-2/24 Брыновой и других[9].

Представляется неочевидным отсутствие в решении Коллегии Суда по делу № С-6/24 *Белфармаком* и *Белйодобром*[10] при определении критериев трансграничности товарного рынка ссылок на ранее принятое Судом ЕАЭС консультативное заключение по делу № Р-4/18 о *координации*[11], а по вопросу о праве ЕЭК изменять квалификацию вменяемого лицу деяния – на решение Коллегии Суда по делу № С-4/23 *Белмедпрепараты*[12].

ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.21/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[9] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 28 марта 2024 г. по делу № Р-2/24 по заявлению Брыновой Т. И. и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[10] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 29 октября 2024 г. по делу № С-6/24 по заявлению ТЧУП «Белйодобром»; ООО «Белфармаком» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.24/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[11] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 18 декабря 2018 г. по делу № Р-4/18 по заявлению ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.18/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[12] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 15 июня 2023 г. по делу № С-4/23 по заявлению РУП «Белмедпрепараты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.23/. – Дата доступа: 03.02.2025.

5. Следование судебным органом собственным прецедентам представляет собой залог стабильности и предсказуемости его практики, что высоко оценивается профессиональным сообществом, способным спрогнозировать отдельные аспекты разрешения спора.

Иным значимым элементом использования прецедентной аргументации следует назвать упрощение выработки правовой позиции по делу. В ситуации, если формулирование правовой позиции требует единства мнений участвующих в рассмотрении дела судей, в случае их согласия с резолютивной частью судебного акта, во избежание дополнительной дискуссии по поводу изложения конкретных позиций эффективнее сослаться на реквизиты дел, в которых уже применена аналогичная аргументация, а не воспроизводить ее вновь.

6. Несмотря на значимость прецедента, тезис о его стабильности не означает недопустимость каких-либо отступлений. Напротив, по мере развития судебной практики видоизменение ранее сформулированных правовых позиций вполне оправдано и закономерно. Принципиально важно лишь одно: в судебном акте, в котором такое отступление произведено, логично обосновать причины подобного отступления.

7. Обращаясь ко второму аспекту, характеризующему эффективность деятельности суда интеграционного объединения, – к проблематике исполнения, следует отметить, что обеспечение исполнения решений, особенно в сфере таможенных и таможенно-тарифных правоотношений, является одним из вызовов в деятельности Суда ЕАЭС.

В данном аспекте акцентируем внимание на судебных актах по делам №№ *С-1/19 Шиптрейд* и *С-1/21 СУЭК-Кузбасс*[13]. Именно по ним сложилась ситуация, когда исполнение Комиссией решений Суда избранным ей способом привело не к устранению спорной ситуации, а к возникновению новых судебных разбирательств, инициированных хозяйствующими субъектами, права и законные интересы которых были нарушены. Так в производстве Суда появились дела №№ *С-6/22 Польские машины*[14] и *С-1/23 Транспортейшн Рус/Шиптрейд*[15].

Следствием такого подхода к исполнению стало вынесение Судом решений, в которых Суд был вынужден констатировать неисполнение своих же решений по предыдущим делам.

Суду удалось сформулировать ключевые правовые позиции в области исполнения. Суд подчеркнул, что взаимодействие между ним и Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) должно строиться на принципах добросовестности

---

[13] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. и Апелляционной палаты от 15 июля 2021 г. по делу № С-2/21 по заявлению АО «СУЭК-Кузбасс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.21/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[14] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 8 декабря 2022 г. и Апелляционной палаты от 14 марта 2023 г. по делу № С-6/22 по заявлению ООО «Польские машины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.22/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[15] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 13 июля 2023 г. и Апелляционной палаты от 2 октября 2023 г. по делу № С-1/23 по заявлениям ООО «Транспортейшн Рус»; ООО «Шиптрейд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.23/. – Дата доступа: 03.02.2025.

в отношении исполнения решений Суда, а также указал на недопустимость преодоления окончательного и не подлежащего обжалованию судебного акта посредством замены акта, признанного Судом несоответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, новым актом аналогичного содержания.

8. В этой связи тем более вызывает сожаление подход, который Суд избрал в рамках дела № С-9/24 *Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан II*[16], отказав в принятии к производству заявления хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии, принятого во исполнение судебных актов по делу № *С-1/24 Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан I*[17], со ссылкой на то обстоятельство, что постановка перед Судом вопроса об исполнении его ранее принятого решения производится в иной

---

[16] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 15 октября 2024 г. по делу № С-9/24 по заявлению Профессиональной организации бухгалтеров «Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9.24/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[17] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 15 октября 2024 г. по делу № С-1/24 по заявлению Профессиональной организации бухгалтеров «Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан», ТОО «Евразийский институт сертифицированных публичных бухгалтеров», Профессионального аудиторского объединения «Институт профессиональных бухгалтеров и аудиторов Кыргызстана», Учреждения «СИПАЕН» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9.24/. – Дата доступа: 03.02.2025.

процедуре – на основании п. 115 Статута[18] и в форме ходатайства об обращении в Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет).

Подобный подход противоречит ранее сформированной практике по делу № *С-1/23 Транспортейшн Рус и Шиптрейд*, согласно которой принятие мер во исполнение решения Суда путем внесения изменений в решение Комиссии или вынесения ей нового решения не лишает хозяйствующих субъектов права на его оспаривание.

9. Возвращаясь к ранее сформированной практике Суда, отметим те моменты, которые, представляется, заслуживают корректировки.

До настоящего момента не получил развития предусмотренный п. 115 Статута механизм рассмотрения ходатайств хозяйствующих субъектов о приведении в действие решения Суда посредством обращения в Высший совет.

Суд отказал в удовлетворении ходатайств по делам №№ *С-1/18 Ойл Марин Груп*[19], *С-1/19 Шиптрейд*[20]

---

[18] Статут Суда ЕАЭС. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

[19] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 12 июня 2019 г. по делу № С-1/18 по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.18/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[20] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 2 июня 2020 г. по делу № С-1/19 по заявлению ООО «Шиптрейд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/. – Дата доступа: 03.02.2025.

и *С-1/21 СУЭК-Кузбасс*[21] – ни одно из них не передано в Высший совет, хотя в ситуации однозначного отказа Комиссии от исполнения решений Суда подобная передача виделась вполне обоснованной.

Анализ постановлений по упомянутым делам демонстрирует формальную оценку действий Комиссии по исполнению, которая ограничивалась констатацией факта совершения действий по итогам принятого Судом акта, но не оценки существа таких действий, их соответствия не только резолютивной, но и мотивировочной части решения Суда.

10. Следует подчеркнуть, что для международного суда проблематика исполнения его решений не определяется предметом конкретного спора. Исполнение судебного акта – это прежде всего вопрос авторитета органа международного правосудия, эффективности предоставляемой им защиты, обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного конституциями всех государств – членов Союза.

11. В свете изложенного представляется, что проблематика исполнения решений до конца не разрешена и Суду еще предстоит вырабатывать практику по данному вопросу.

---

[21] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 4 октября 2021 г. по делу № С-1/21 по заявлению АО «СУЭК-Кузбасс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.21/. – Дата доступа: 03.02.2025.

Десять лет праву Евразийского экономического союза в сфере технического регулирования: достижения, практика применения, направления развития

В. Б. Татарицкий
член Коллегии (министр) по техническому регулированию Евразийской экономической комиссии

Международная конференция, организованная Судом нашего Союза, как и иные проводимые в текущем году мероприятия, связана с десятилетием Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

Для Евразийского экономического союза данный юбилей является неким промежуточным рубежом. Рубежом, где мы можем дать первые оценки результативности функционирования созданной на евразийском экономическом пространстве правовой среды, а также спланировать пути ее дальнейшего совершенствования

Если говорить про техническое регулирование, то нормотворческое воплощение этой сферы в ЕАЭС не имеет аналогов в международной практике. Оно особенное по глубине интеграции, расстановке союзных и национальных компетенций, а также по механизму обеспечения безбарьерной, но в тоже время безопасной торговой среды на нашем едином общем рынке.

Это наш собственный и беспрецедентный правовой путь. В его основу, конечно же, легли лучшие зарубежные практики в сфере технического регулирования.

В то же время мы эти практики адаптировали к евразийскому региону, что совершенно логично, учитывая наше интеграционное и геополитическое прошлое, близость экономик, а также стратегий и возможностей технического и технологического развития. В результате имеем, без преувеличения, уникальную систему обеспечения безопасности продукции на союзном рынке.

Кратко проинформирую с точки зрения как ее текущего состояния, так и направлений ее дальнейшего правового совершенствования.

И, конечно же, затронем проблемные вопросы правоприменительной практики в сфере технического регулирования. Такие у нас, к нашему общему сожалению, имеются.

В целом система технического регулирования в Евразийском экономическом союзе многогранна, ее отдельные элементы имеют разный уровень интеграции.

Правовая основа системы технического регулирования и всех ее элементов погружена в Договор о Евразийском экономическом союзе (раздел X Договора о Евразийском экономическом союзе и приложения № 9–11 к нему). В развитие норм Договора о Евразийском экономическом союзе разработан целый комплекс актов права ЕАЭС.

В комплексе они образуют емкую инфраструктуру для снятия технических барьеров в торговле, защиты внутреннего рынка от небезопасной продукции, повышения конкурентоспособности продукции государств – членов Евразийского экономического союза.

Безусловно, сейчас по прошествии первого десятилетия функционирования ЕАЭС вскрываются те или иные проблемы, связанные с различным пониманием в государствах – членах Евразийского экономического союза содержания союзных правовых актов при их применении на практике.

Собственно, это и стимулирует нас постоянно работать над повышением качества нашей нормотворческой деятельности.

Если говорить про перспективы развития права ЕАЭС в сфере технического регулирования, то мы много работаем над повышением заинтересованности государств – членов Евразийского экономического союза переходить из национальной регуляторики в союзную.

Это очень кропотливый и сложный процесс по поиску и выработке консенсусных решений. И не всегда в странах мы находим понимание в желании двигаться вперед.

Так, например, из-за позиций отдельных государств – членов Евразийского экономического союза существенно затягивается разработка единых на евразийском экономическом пространстве технических регламентов, например, на химическую продукцию. В практике также имеются случаи, когда государства – члены ЕАЭС параллельно с разработкой союзных технических регламентов разрабатывают национальные. В том числе для исключения подобных ситуаций в Договор о Евразийском экономическом союзе уже внесен ряд существенных изменений в сфере технического регулирования.

В целом новые нормы Договора о Евразийском экономическом союзе в сфере технического регулирования, предусмотренные II Большим протоколом, уже реализуются на практике. Для них подготовлены и вступили в силу соответствующие

акты права ЕАЭС второго уровня. И самое ключевое правовое новшество II Большого протокола – это упорядочение вопросов стандартизации для целей технического регулирования.

Почему стандартизация так важна для Евразийского экономического союза? Требования безопасности к продукции устанавливаются в единых на евразийском экономическом пространстве технических регламентах. А стандарты обеспечивают их выполнение и устанавливают методы контроля за соответствием этим требованиям.

Через внесение соответствующих изменений и дополнений в Договор о Евразийском экономическом союзе мы фактически вывели сферу стандартизации, которая относится к национальной компетенции государств – членов Евразийского экономического союза, на уровень координации работ.

Подчеркиваю, что мы не пересекаем национальные компетенции в сфере стандартизации, потому что государства – члены Евразийского экономического союза разрабатывают стандарты буквально во всех сферах жизнедеятельности с учетом их собственных интересов (авиация, судостроение, космос, военная промышленность, экологическая и цифровая повестка, здравоохранение и т. д.). В ЕАЭС мы координируем усилия по разработке стандартов именно под союзные технические регламенты.

В частности, на текущую дату в Евразийском экономическом союзе принято 52 технических регламента. Еще над восемью техническими регламентами работа продолжается.

Для реализации требований технических регламентов ЕАЭС сегодня задействовано около 8,8 тысячи передовых межгосударственных и национальных стандартов (ГОСТ – 5 894,

национальных – 2 455, методики – 475). Эти стандарты включены в перечни стандартов, и такие перечни утверждены под 47 действующих на евразийском экономическом пространстве технических регламентов. Перечни продукции пополняются и актуализируются за счет реализации программ разработки ГОСТ под технические регламенты ЕАЭС, они утверждены к 48 союзным техническим регламентам.

Таким образом, перед государствами – членами Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией стоит задача своевременной разработки требований безопасности к продукции и оперативной их актуализации, что невозможно осуществить без согласования и координации национальных ресурсов и компетенций стран в сфере стандартизации.

Порядок координации работ по стандартизации функционирует в ЕАЭС как отдельный документ. Он утвержден Советом ЕЭК в 2023 г. Документ выстраивает взаимодействие национальных органов по стандартизации при разработке стандартов к техническим регламентам.

Своевременную актуализацию требований технических регламентов ЕАЭС и стандартов обеспечивает Порядок проведения обязательной периодической оценки научно-технического уровня вступивших в силу технических регламентов Евразийского экономического союза и перечней стандартов к ним (далее – Порядок), который вступил в силу с 12 февраля 2024 г.

Почему этот Порядок так важен? Мы наконец придали работе по оценке научно-технического уровня требований безопасности отдельную правовую основу и плановость.

В предыдущие годы оценка научно-технического уровня тоже проводилась, но через проведение научно-исследовательских работ по заказам Евразийской экономической комиссии. Как вы понимаете, это не особо управляемый и прогнозируемый процесс, поскольку финансирование на такую деятельность ограничено, а сфер, претендующих на него, много.

Требования безопасности к продукции быстро меняются, поэтому важно держать руку на пульсе и отслеживать, чтобы союзные требования безопасности к продукции не отставали в научно-техническом отношении и не тормозили промышленность стран в развитии. Кроме того, это способствует отсеиванию с рынка ЕАЭС импортных товаров со сниженными потребительскими характеристиками.

В развитие указанного выше Порядка уже подготовлен план мероприятий по оценке научно-технического уровня вступивших в силу технических регламентов Евразийского экономического союза и перечней стандартов к ним на предстоящие 5 лет, который был одобрен Коллегией ЕЭК 12 ноября 2024 г. для его дальнейшего утверждения Советом Евразийской экономической комиссии.

Рассчитываем, что в декабре текущего года он будет утвержден, а с 2025 г. практическая работа по анализу актуальности, обоснованности и перспективности обязательных союзных требований будет запущена.

Несколько слов об аккредитации.

Данная сфера относится к национальной компетенции государств – членов Евразийского экономического союза. Но правом ЕАЭС определены условия признания результатов аккредитации органов по сертификации и испытательных лабораторий.

Чтобы это признание работало, необходимо доверие одного государства – члена Евразийского экономического союза к деятельности таких органов и лабораторий другого государства – члена ЕАЭС.

Много работаем в правовом поле, чтобы устранить в нем пробелы, которыми пользуются недобросовестные органы по сертификации и лаборатории. К сожалению, такое имеет место.

Отмечу наиболее свежие союзные решения в этом ключе. В августе текущего года был принят Порядок взаимодействия органов по аккредитации государств – членов Евразийского экономического союза в части рассмотрения жалоб и апелляций, который вступил в силу 6 октября 2024 г.

Полноценно функционирует Порядок осуществления органами по аккредитации государств – членов Евразийского экономического союза взаимных сравнительных оценок. Вся работа по таким оценкам идет через вспомогательный орган ЕАЭС – Совет руководителей органов по аккредитации государств – членов Евразийского экономического союза.

Завершена оценка органа по аккредитации Кыргызской Республики, начинаются работы по оценке органа по аккредитации Республики Армения. По итогам даются рекомендации, улучшающие процессы аккредитации в стране.

Несколько слов об оценке соответствия. Самые важные на данный период нормы включены в III Большой протокол с поправками в Договор о Евразийском экономическом союзе.

Соответствующие акты права ЕАЭС для их реализации еще в работе, и они являются предметом достаточно острых дискуссий. В частности, активно обсуждается проект порядка формирования и ведения реестра лиц, уполномоченных иностранным

изготовителем выступать заявителем при оценке соответствия серийно выпускаемой продукции требованиям технических регламентов Евразийского экономического союза.

Эти лица несут ответственность от имени иностранных изготовителей за несоответствие их продукции нашим требованиям безопасности, поэтому формальность в их работе не допустима. Необходимость создания такого реестра неоспорима.

Но в ходе обсуждения проекта порядка формирования и ведения реестра таких лиц столкнулись с принципиальными разногласиями между уполномоченными органами наших стран. Они спорят о том, какой должен быть принцип включения в такой реестр – уведомительный или разрешительный.

Принято поручение Совета ЕЭК, которое предписывает уведомительный принцип. Но отдельные государства – члены ЕАЭС обеспокоены, что он не обеспечит должное отсеивание недобросовестного бизнеса. В тоже время упомянутым поручением Совета ЕЭК предусмотрен пересмотр порядка ведения реестра лиц, уполномоченных иностранным изготовителем выступать заявителем при оценке соответствия, по итогам практики его применения, что дает нам возможность впоследствии ужесточить условия включения в этот реестр, если такая необходимость будет выявлена.

Евразийская экономическая комиссия пока работает над сближением позиций государств – членов ЕАЭС.

Одновременно надо понимать, что наличие такого реестра не заменит контроль со стороны надзорных органов за выдачей органами по оценке соответствия сертификатов и деклараций, а также за проведением испытаний.

Что касается надзорного блока, то его правовое развитие осуществляется вне контекста внесения изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе. В целом надзорный блок относится к национальному регулированию. В настоящее время в этой работе задействовано 35 уполномоченных органов по проведению государственного контроля (надзора) государств – членов ЕАЭС.

В рамках Евразийского экономического союза по надзорной тематике функционирует два отдельных международных договора Союза. В развитие данных соглашений разрабатываются акты второго уровня.

К примеру, в высокой степени готовности находится проект порядка рассмотрения обращения государства – члена Евразийского экономического союза об обоснованности мер, принятых органом государственного контроля (надзора) другого государства – члена Евразийского экономического союза. В работе также проект порядка взаимодействия органов государственного контроля (надзора). До конца года планируем рассмотреть эти документы на заседании Коллегии ЕЭК.

Для продукции, не охваченной союзными техническими регламентами, разрабатывается проект порядка сбора информации о выявленных случаях обращения опасной продукции.

Одновременно хотелось бы обозначить одну обеспокоенность.

По мнению Евразийской экономической комиссии, уполномоченные органы ряда наших стран слишком упростили свою задачу по совершенствованию системы государственного контроля (надзора) за безопасностью продукции, приняв соответствующие акты на моратории. И это, как мы

видим, зачастую приводит к серьезным инцидентам, влекущим тяжелые последствия, как, например, имевшие случаи в этом году массового отравления готовой едой (салатами) в отдельных государствах – членах Евразийского экономического союза.

ЕЭК постоянно обращает внимание государств – членов Евразийского экономического союза, что безопасность продукции на рынке должна разумно контролироваться.

Таким образом, наши свежие союзные решения в сфере технического регулирования направлены на устранение пробелов союзного права, которые были выявлены в ходе правоприменительной практики.

Важной составляющей в деятельности Евразийской экономической комиссии является создание механизма, который позволил бы исключить разночтения в странах при применении положений технических регламентов Евразийского экономического союза.

Главную роль в этом процессе играют и поступающие в ЕЭК запросы от государственных органов, обращения бизнеса и даже простых граждан с просьбой разъяснить те или иные положения союзного технического регламента или порядков и процедур. Это своеобразная обратная связь, позволяющая нам понимать, насколько эффективна нормотворческая деятельность. При этом процесс рассмотрения таких запросов и обращений, а также дачи Евразийской экономической комиссией соответствующих разъяснений надлежащим образом не урегулирован.

Подчеркну, что количество таких запросов и обращений по компетенции блока по техническому регулированию ЕЭК

наибольшее. С января по середину ноября текущего года такой корреспонденции к нам поступило почти 2,5 тысячи.

Наличие такой ситуации сподвигло нас к обсуждению подходов для решения этого вопроса. Вначале была сделана попытка выработать механизм единообразного подхода к толкованию и применению технических регламентов ЕАЭС. Это было предусмотрено планом мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.

В процессе его реализации долго дискутировали по вопросу наделения ЕЭК полномочиями по толкованию положений технических регламентов Евразийского экономического союза и в конечном итоге ушли от формулировки «толкования», заменив ее на более мягкую – «предоставление разъяснений».

Поправка для наделения Совета ЕЭК полномочиями для утверждения порядка предоставления Евразийской экономической комиссией разъяснений по применению положений технических регламентов ЕАЭС включена в проект IV Большого протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе. В настоящее время он находится в государствах – членах Евразийского экономического союза для проведения внутригосударственных процедур, необходимых для его подписания.

Сам проект порядка предоставления разъяснений по применению положений союзных технических регламентов в настоящее время проходит публичное обсуждение.

Правом ЕАЭС также предусмотрена опция обращения в Суд Евразийского экономического союза, который по заявлению государства – члена Евразийского экономического союза или органа ЕАЭС осуществляет разъяснение положений союзных

технических регламентов путем предоставления консультативного заключения.

Пример из практики, когда наличие консультативного заключения Суда ЕАЭС не всегда закрывает проблему, поскольку это заключение носит рекомендательный характер.

Союзный технический регламент о безопасности колесных транспортных средств (ТР ТС 018/2011) содержит нормы, согласно которым транспортные средства, которые ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС физическими лицами из третьих стран для собственных нужд, должны проходить процедуры оценки соответствия требованиям безопасности, установленные в этом техническом регламенте.

Наши страны смотрят на эту норму технического регламента по-разному. В Республике Армения и Республике Беларусь полагают, что такие процедуры не носят обязательный характер (именно применительно к физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями). Блок по техническому регулированию ЕЭК поддерживает данную позицию. В то же время уполномоченные органы Республики Казахстан и Российской Федерации считают такие процедуры необходимыми.

К консенсусу на площадке Евразийской экономической комиссии государства – члены ЕАЭС не пришли. В результате ЕЭК обратилась в Суд ЕАЭС с просьбой разъяснить, следует ли из ст. 53 Договора о Евразийском экономическом союзе и п. 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе), что перечень лиц, который может быть заявителями при оценке соответствия, может изменяться или дополняться в соответствующем техническом

регламенте ЕАЭС в зависимости от объекта технического регулирования и необходимости обеспечения защиты и здоровья человека.

Было получено соответствующее консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза. Суд ЕАЭС сделал следующий вывод: из соответствующих норм Договора о Евразийском экономическом союзе следует, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается из числа юридических лиц или физических лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, в зависимости от особенностей объекта технического регулирования.

Из этого вывода следует, что физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, не может быть заявителем на оценку соответствия требованиям союзного технического регламента.

Следовательно, нормы союзного технического регламента о безопасности колесных транспортных средств (ТР ТС 018/2011), по которым транспортные средства, которые ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, из третьих стран для собственных нужд, должны проходить процедуры оценки соответствия, не вполне согласуются с положениями Договора о Евразийском экономическом союзе.

Однако уполномоченные органы Российской Федерации и Республики Казахстан не согласны с таким подходом.

В связи с этим на площадке Евразийской экономической комиссии неоднократно рассматривались варианты оптимальных механизмов регулирования, которые соответствовали бы праву ЕАЭС и обеспечивали безопасность транспортных средств,

ввозимых физическими лицами из-за рубежа. Пытаемся выработать такое решение, которое устроило бы все стороны.

К сожалению, отдельные уполномоченные органы некоторых наших стран, несмотря на очевидность необходимости приведения положений союзного технического регламента о безопасности колесных транспортных средств (ТР ТС 018/2011) в соответствие с положениями Договора о Евразийском экономическом союзе, остаются на позиции, что менять ничего не надо. И это не позволяет нам уже длительное время решить проблему, и до настоящего времени вопрос остается неурегулированным.

В связи с этим для решения таких проблемных вопросов можно было рассмотреть целесообразность наделения Суда ЕАЭС дополнительной компетенцией – дачи не консультативных, а обязательных заключений по предложениям государств – членов ЕАЭС о соответствии положений правовых актов ЕЭК положениям Договора о Евразийском экономическом союзе. Но это вопрос обсуждения и дальнейших перспектив развития нормотворческого института в рамках ЕАЭС.

А с учетом количества поступающих в Евразийскую экономическую комиссию запросов (почти 2,5 тысячи применительно только к сфере технического регулирования) очевидно, что работа по взаимодействию ЕЭК с Судом Евразийского экономического союза будут продолжена.

В частности, в ЕЭК рассматривается целесообразность обращения в Суд ЕАЭС за разъяснениями по вопросу правомочности надзорных органов одного государства – члена ЕАЭС требовать у заявителей или органов по сертификации другого

государства – члена ЕЭС документы, на основе которых были выданы сертификаты или приняты декларации о соответствии требованиям техническим регламентов Евразийского экономического союза (в числе которых копии технической и конструкторской документации, описание принятых технических решений, акты идентификации и отбора образцов, протоколы испытаний, копии сертификатов на системы менеджмента, товаросопроводительные документы, копии договора (контракта) и товаросопроводительных документов, акты об анализе производства).

Такая возможность для надзорных органов установлена Типовыми схемами оценки соответствия, утвержденными решением Совета ЕЭК от 18 апреля 2018 г. № 44, на основе которых устанавливаются процедуры оценки соответствия непосредственно в технических регламентах ЕАЭС.

Соответствующий запрос поступил в Евразийскую экономическую комиссию от Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. И мнения уполномоченных органов государств – членов Евразийского экономического союза по этому вопросу расходятся. Для обеспечения единообразного применения в ЕАЭС соответствующих положений названных выше Типовых схем ЕЭК готовит соответствующее заявление в Суд ЕАЭС о их разъяснении.

В настоящее время Евразийской экономической комиссией совместно с государствами – членами Евразийского экономического союза продолжается работа по наполнению плана мероприятий (дорожной карты) по реализации Декларации о дальнейшем развитии Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г.

На примере формирования этого документа мы видим разный уровень готовности наших стран к более серьезным мерам, в том числе в части углубления интеграции тех или иных направлений и корректировки в этой связи национальных компетенций в пользу наднациональных.

А ведь мы планируем нашу работу на следующие 10–20 лет. И в выработке таких долгосрочных целей и задач евразийской интеграции мы несколько утратили прогрессивность и разфокусировались от интеграции.

Ведь десятилетний период функционирования Евразийского экономического союза является достаточно серьезным рубежом для оценки выявленных за этот период пробелов и выработки стратегии по их устранению.

Евразийская экономическая комиссия убеждена, что с учетом долгосрочности подобных документов необходимо выходить за рамки текущих работ и концентрировать свои усилия на более масштабных вещах.

В этой связи призываю всех участников формирования договорно-правовой базы Евразийского экономического союза не оставаться безучастными в выстраивании правильных союзных долгосрочных ориентиров, в том числе обеспечивающих повышение качества нормотворчества.

Роль Суда ЕАЭС в защите внутреннего рынка от односторонних ограничительных мер со стороны третьих стран

В. В. Войников
профессор ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта

В докладе поднимается проблема исполнения частными и публичными субъектами на территории ЕАЭС экстерриториальных ограничительным мер, принятых третьими странами в отношении других стран Союза. Данная ситуация очень часто порождает конфликт между исполнением иностранных санкций и принятыми обязательствами, вытекающими из членства в интеграционном объединении. Иными словами, возникает вопрос, насколько совместимы с правом ЕАЭС действия государств-членов и частных субъектов по ограничению торговли с хозяйствующими субъектами других стран ЕАЭС, если такие ограничения обусловлены введением третьими странами экстерриториальных санкций. Автор приходит к выводу о том, что в большинстве случаев такие ограничения не совместимы с правом Союза, причем как в случае введения их со стороны государств-членов, так и со стороны частных субъектов. Поскольку в первом случае нарушаются принципы внутреннего рынка, а во втором общие правила конкуренции. Автор также полагает, что ключевую роль в разрешении данного вопросу будет играть Суд ЕАЭС,

поскольку уже сейчас на рассмотрении Суда находится заявление о разъяснении, обусловленное исполнением страной ЕАЭС экстерриториальных ограничений в отношении хозяйствующего субъекта Союза.

В соответствии со ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) одна из основных целей ЕАЭС состоит в формировании единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. При этом построение внутреннего рынка осуществляется в том числе посредством устранения существующих барьеров во внутренней торговле. Эта работа успешно проводится как государствами-членами, так и органами Союза.

Однако в последние годы в рамках ЕАЭС стали возникать такие барьеры, которые ранее не существовали и для противодействия которым пока не созданы эффективные союзные механизмы. Речь идет об односторонних ограничительных мерах, принимаемых третьими странами в отношении государств – членов ЕАЭС.

Безусловно, введение ограничительных мер в отношении двух государств-членов, включая крупнейшую страну Союза – Россию, не могло не оказать воздействия на развитие всего интеграционного объединения[1].

---

[1] Войников, В. В. Влияние ограничительных мер ЕС на развитие ЕАЭС (правовые аспекты) / В. В. Войников // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : сб. материалов международ. конф., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. – Минск : Кологрaд, 2024. – С. 76–88.

В настоящее время действует целый ряд односторонних ограничений, принятых в отношении России и Беларуси со стороны США, ЕС и некоторых других стран.

Практика применения ограничительных мер показывает, что среди них особый правовой статус занимают т. н. экстерриториальные ограничительные меры, или санкции. Принятие экстерриториальных ограничительных мер (санкций) получили широкое распространение в практике США.

Экстерриториальность означает, что одно государство требует юрисдикции в отношении ситуации, территориально связанной с другим государством[2]. Это означает, что ограничительные меры, принятые США, обязаны соблюдать не только лица США, которые находятся под их юрисдикцией или осуществляют на территории США свою деятельность, но и иные лица, находящиеся под юрисдикцией иных государствах мира. В ряде случаев за несоблюдение санкций США могут быть наказаны лица, не находящиеся под юрисдикцией США (механизм вторичных санкций)[3].

Формально экстерриториальные санкции противоречат требованиям международного права, поскольку нарушают

---

[2] Гландин, С. Экстерриториальность американских санкций в действии / С. Гландин // Международное правосудие. – 2018. – № 2 (26). – С.105–122 (107).

[3] Действие санкционного законодательства США, ЕС, Великобритании по кругу лиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2023/8/1/dejstvie_sankcionnogo_zakonodatelstva_ssha_es_velikobritanii_po_krugu_lic. – Дата доступа: 21.11.2024.

принцип суверенного равенства. Однако это не останавливает США, а также в ряде случаев страны ЕС от их введения.

Соблюдение экстерриториальных ограничительных мер является суверенным правом каждого третьего государства или частного лица, находящегося под юрисдикцией третьих стран. Практика показывает, что многие публичные и частные субъекты вопреки своим интересам вынуждены соблюдать экстерриториальные санкции под страхом применения к ним т. н. вторичных санкций.

Вторичными являются те санкции, которые применяются против лиц в третьих странах или против самих третьих стран с целью наказания тех, кто сотрудничает со страной-мишенью или подсанкционными лицами, а также с целью предупреждения остальных компаниям и организаций в мире о недопустимости нарушения первичных санкций[4].

Применение экстерриториальных и вторичных санкций само по себе представляет собой достаточно сложную проблему в современном международном праве. Однако особая сложность возникает в ситуациях исполнения экстерриториальных санкций внутри интеграционных объединений со стороны одного государства-члена по отношению к другому. Данная ситуация очень часто порождает конфликт между исполнением иностранных санкций и принятыми

[4] Тимофеев, И. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа [Электронный ресурс] / И. Тимофеев. – Режим доступа://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtorichnye-sanktsii-ssha-na-rossiyskom-napravlenii-opyt-empiricheskogo-analiza/. – Дата доступа: 21.11.2024.

обязательствами, вытекающими из членства в интеграционном объединении. Таким образом, государства-члены и отдельные компании исполняют иностранные санкционные законы в ущерб своему собственному законодательству и принятым обязательствам.

Данная проблема имеет самое непосредственное отношение к ЕАЭС. В этой связи можно назвать целый ряд ситуаций, когда исполнение экстерриториальных санкций приводило к ограничению внутрисоюзной торговли.

1. Ограничения в области авиационного транспорта.

В течение 2021–2023 гг. США и ЕС ввели ограничительные меры в отношении авиационной отрасли России и Беларуси. Данные ограничения предусматривали запрет как на использование воздушного пространства, так и на поставку авиатехники. Если ЕС запретило поставку авиатехники компаниям, находящимся в юрисдикции стран Союза, то США ввели т. н. экстерриториальные ограничения, запрещающие эксплуатацию авиатехники, произведенной в США, на любых международных маршрутах.

2. Ограничения в отношении платежной системы МИР.

23 февраля 2024 г. США ввели блокирующие санкции против Национальной системы платежных карт (НСПК, оператор платежной системы «Мир»)[5].

[5] Russia-related Designations; Issuance of Russia-related General Licenses and new and amended Frequently Asked Questions [Electronic resource]. – Mode of access: https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20240223. – Date of access: 21.11.2024.

3. Ограничения в отношении Московской биржи, Национального клирингового центра и Национального расчетного депозитария.

12 июня 2024 г. США ввели блокирующие санкции против Мосбиржи, Национального клирингового центра и Национального расчетного депозитария[6].

После введения указанных ограничительных мер можно было наблюдать ситуацию, при которой частные и публичные субъекты из дружественных России и Беларуси стран стали ограничивать свои хозяйственные связи с подсанкционными компаниями из России и Беларуси. Иными словами, экстерриториальные санкции недружественнных стран стали исполнятся в дружеских юрисдикциях. Конечно, такая ситуация вызывала сожаления, однако правовые инструменты для воздействия на дружественные страны в большинстве таких случаях отсутствуют.

Однако абсолютно иная ситуация возникает тогда, когда экстерриториальные санкции (ограничения) исполняются не просто в дружеских странах, а в странах – партнерах по ЕАЭС, поскольку все государства – члены ЕАЭС связаны между собой юридическими обязательства по снятию барьеров в торговле.

Данный вопрос относится к чувствительной сфере межгосударственных отношений, и мы можем видеть или

[6] As Russia Completes Transition to a Full War Economy, Treasury Takes Sweeping Aim at Foundational Financial Infrastructure and Access to Third Country Support [Electronic resource]. – Mode of access: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2404. – 21.11.2024.

осознавать, что государства-члены прикладывают все усилия для минимизации рисков, а также сохранения доверия и партнерства.

Однако здесь возникает вопрос правового характера. Совместимы ли с правом ЕАЭС действия государств-членов и частных субъектов по ограничению торговли с хозяйствующими субъектами других стран ЕАЭС, если такие ограничения обусловлены исполнением экстерриториальных ограничений, введенных третьими странами.

Данный вопрос не является простым, поскольку по каждому случаю необходимо учитывать целый ряд факторов, относящихся к сфере не только права ЕАЭС, но и международного публичного права, международного частного права и т. д.

Однако можно предположить, что в большинстве случаев такие ограничения не совместимы с правом Союза, причем как в случае введения их со стороны государств-членов, так и со стороны частных субъектов. Поскольку в первом случае нарушаются принципы внутреннего рынка, а во втором – общие правила конкуренции.

Право Союза предоставляет государствам-членам возможность вводить ограничения в торговли, обусловленные в т. ч. выполнением международных обязательств и обеспечением обороны страны и безопасности государства-члена (ст. 29 и ст. 65 Договора о ЕАЭС). Вместе с тем исполнение иностранных экстерриториальных санкционных правил не относится к обстоятельствам, оправдывающим ограничения во взаимной торговли. При этом позиция государств и хозяйствующих субъектов, исполняющих иностранные санкционные правила, обусловлена тем, что негативные последствия от неисполнения

иностранных санкций значительно перевешивают последствия от нарушений правил внутреннего рынка.

В случае исполнения экстерриториальных санкций со стороны частных субъектов может возникнуть ситуация, связанная с нарушением общих правил конкуренции. Согласно п. 1 ст. 76 Договора о ЕАЭС запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), к которым, в частности, относится экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара.

В этой связи в разрешении данного конфликта ключевую роль сможет сыграть Суд ЕАЭС.

6 ноября 2024 г. на сайте Суда ЕАЭС опубликовано постановление о принятии к производству заявления Минюста Беларуси о разъяснении[7]. Из общедоступной информации следует, что заявление о разъяснении как раз обусловлено исполнением страной ЕАЭС экстерриториальных санкций США в части эксплуатации авиакомпанией «Белавиа» самолетов «Боинг».

Очевидно, что это заявление вызвано запретом казахстанских авиационных властей для полетов в республику авиакомпании «Белавиа» на самолетах марки «Боинг»[8].

---

[7] Постановление Суда ЕАЭС от 6.11.2024 по делу Р-5/24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/. – Дата доступа: 21.11.2024.

[8] Посол Казахстана ответил на вопрос о запрете полетов для белорусских «боингов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belta.by/society/

Указанное дело, скорее всего, является первым шагом в разрешении спорной ситуации, поскольку заявление подано в рамках консультативной процедуры и вопросы сформулированы таким образом, что ответ на них не приведет к однозначному разрешению спора.

Из всех озвученных выше случаев экстерриториальные санкции в отношении авиакомпаний и экспортных ограничений в отношении авиатехники являются наиболее сложным вопросом. Авиатехника – это особый вид товара, и на него не всегда можно распространить положения о внутреннем рынке без учета условий его оборота, установленных производителем.

Согласно правилам экспортного администрирования (EAR) США эксплуатация воздушных судов, произведенных в США или с использование деталей, произведенных в США, выше 25 %, на международных коммерческих рейсах, как правило, разрешена в соответствии с License Exception Aircraft, vessels and spacecraft (AVS)[9].

8 апреля 2022 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) отозвало экспортные привилегии у «Белавиа», а также установило требование лицензии для принадлежащих/эксплуатируемых Беларусью воздушных судов. В результате любое воздушное судно, произведенное в США или произведенное в иностранном государстве

---

view/posol-kazahstana-otvetil-na-vopros-o-zaprete-poletov-dlja-belorusskih-boingov-605222-2023/. – Дата доступа: 21.11.2024.

[9] https://www.globaltradeandsanctionslaw.com/russia-sanctions-year-in-review-impact-on-aviation-sector/ [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 21.11.2024.

и включающее более 25 % деталей, произведенных в США, подлежит требованию лицензии, если такое воздушное судно направляется в Беларусь или Россию. Однако «Белавиа» продолжала выполнять международные рейсы.

А 16 июня 2022 г. был выдан временный запретительный приказ (The Temporay Denial Order (TDO)), который запрещает «Белавиа» участвовать в любых транзакциях, подпадающих под действие Правил экспортного администрирования (EAR), включая экспорт из США товаров, подпадающих под действие EAR.

Если хозяйствующий субъект приобретает самолет, то производитель может установить в отношении него целый ряд ограничений, которые такое лицо обязано соблюдать, пока владеет этим воздушным судном. Однако это означает, что данные ограничения должны соблюдать все другие лица, которые не имеют отношения к владению данным самолетом.

Во всех рассмотренных выше случаях экстерриториальные санкции США в отношении Беларуси и России не создают никаких международных обязательств ни для одного из государств – членов ЕАЭС. Они лишь порождают возможность применения вторичных санкций, которые противоречат международному праву. Иными словами, в данном случае отсутствуют основания для применения исключений из правил внутреннего рынка (ст. 29, ст. 65 Договора о ЕАЭС). Следовательно, государства – члены ЕАЭС, а также частные субъекты не вправе исполнять иностранные экстерриториальные санкции, если это вступает в противоречие с правилами внутреннего рынка или общими правилами конкуренции.

Однако на этом нельзя поставить точку, поскольку задача ЕАЭС должна заключаться не только в защите внутреннего рынка, но и в защите государств-членов от возможности применения незаконных вторичных санкций со стороны третьих стран. Текущая ситуация требует политических и правовых решений, которые бы обеспечивали нормальное функционирование внутреннего рынка при одновременной защите частных и публичных субъектов от неправомерного влияния извне.

Проблемы гармонизации законодательства и правоприменения в сфере интеллектуальной собственности в ЕАЭС и пути их решения в рамках евразийской интеграции

В. Н. Лопатин
научный руководитель (директор) Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности

Сфера интеллектуальной собственности (далее – ИС) включает в себя три предметные области регулирования: 1) правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и приравненных к ним средств индивидуализации (вместе – объектов интеллектуальной собственности, далее – ОИС); 2) использование ОИС и оборот (коммерциализация) имущественных прав на них; 3) правовая защита прав на ОИС. Правовая охрана, правовая защита и правовое регулирование в сфере ИС должны работать на экономику ИС (создание добавленной стоимости от оборота интеллектуальной собственности, в том числе на всех этапах НИОКТР).

Экономика ИС как сектор экономики (национальной, региональной, отраслевой) связана с созданием, формированием, оценкой, коммерциализацией и защитой ИС, в том числе при создании инновационных технологий, производстве и реализации инновационной продукции и оказании услуг. При этом ИС, прежде всего в научно-технической сфере, играет важнейшую

роль как механизм создания добавочной стоимости, как средство капитализации нематериальных активов предприятий и организаций и как инвестиционный ресурс. ИС – *показатель экономической ценности любого интеллектуального творчества, новый сектор экономики ЕАЭС, всех стран СНГ и БРИКС,* так как обеспечивает технологический суверенитет и национальную конкурентоспособность. ИС и цифровизация должны стать инструментами снижения социально-экономического неравенства между развитыми и развивающимися странами (в н. в. – средство недобросовестной конкуренции и обогащения развитых стран).

В Китае в 2005 г. началась разработка концепции стратегии ИС, на основе которой Госсоветом КНР была принята Программа национальной стратегии ИС (2008–2020 гг.). В 2021 г. в программе 14-й пятилетки и на период до 2035 г. была прописана всесторонняя реализация национальной стратегии строительства КНР как державы ИС мирового уровня с китайской спецификой.

Начиная с 2013 г. Китай, по оценке ВОИС, «последовательно и неуклонно двигается вверх в рейтинге глобального инновационного развития», как по числу созданных ОИС, условиям их правовой охраны, коммерциализации и защиты прав на них, так и по развитию инновационной инфраструктуры. Если 30 лет назад Россия и Китай имели одинаково плохие стартовые условия для инновационного развития, то сегодня Китай занимает лидирующие позиции в мировой торговле ИС и инновационной продукцией, обогнав весь мир по темпам инновационной активности и результативности. По итогам 2023 г. КНР признан мировым технологическим лидером и занял, по оценке ВОИС,

1-е место в мире по количеству нематериальных активов, тем самым подтвердив прямую зависимость технологического суверенитета от наличия ИС.

Закономерности развития рынка интеллектуальной собственности. В целях успешного развития экономических отношений на региональном и национальном уровнях, в том числе в рамках инновационного сотрудничества и безопасного цифрового развития, необходимо учитывать сложившиеся *объективные закономерности:*

- существенное возрастание в условиях ноосферы (по Вернадскому) с переходом к цифровой экономике роли и значения ИС как мерила экономической ценности этого интеллектуального творчества;
- обусловленность дальнейшего инновационного развития и технологического суверенитета наличием цивилизованного рынка ИС, т. к. инноваций и технологического лидерства без экономики и рынка ИС не бывает. Так, согласно руководства ВОИС по разработке стратегии в области ИС в странах с переходной экономикой «стратегия ИС должна быть включена в общую стратегию развития и увязана с существующей политикой экономического, научного и культурного развития».

По оценке ВОИС, при ежегодных инвестициях в инновации в мире более 1,3 трлн долларов США в ближайшее время следует ожидать роста конкуренции в сфере экономики ИС; стоимость нематериальных активов в 2023 г. достигла более 60 трлн долларов США, что превышает стоимость ведущих мировых экономик вместе взятых;

- рост затрат частного бизнеса в финансировании НИОКР и его высокую мотивацию на использование

полученных РИД в производстве и реализации инновационной продукции (при сохранении приоритетного государственного финансирования фундаментальных исследований в рамках академической науки); по оценке ООН, за последние 15 лет инвестиции в нематериальные активы росли в три раза быстрее, чем в материальные активы, достигнув в 2023 г. почти 7 трлн долларов;

• структура мировой торговли меняется в пользу роста доли «четвертой корзины» – рынка ИС, когда при ценообразовании создаваемой и реализуемой продукции (товаров, работ, услуг, ценных бумаг) доля ИС в создании добавленной стоимости постоянно растет (в 2000 г. – 4 %, в 2018 г. – 15 %, в условиях цифровизации к 2030 г. вырастет еще в 2 раза – до 30 % мирового ВВП);

• происходит реструктуризация этого сектора рыночных отношений, когда в условиях продолжающегося мирового кризиса патентной системы растет доля беспатентных продаж авторских, смежных прав и прав на ноу-хау (за 20 лет в 4 раза, в н. в. – более 80 %), что предопределяет необходимость изменения государственной и корпоративной политики в этой сфере, как при оценке результативности НИОКР, так и при выборе способа правовой охраны полученных РИД и их последующего использования;

• развитие цифровой экономики предполагает активное применение цифровых технологий и информационных систем, в основе которых используются РИД (охраняемые прежде всего как объекты авторского права – программы для ЭВМ и базы данных, объекты смежных прав – содержание баз данных и секреты производства (ноу-хау) – алгоритмы программ для ЭВМ),

правовая охрана которых не требует государственной регистрации;

- между ростом недобросовестной конкуренции, оборотом контрафактной продукции и отсутствием рынка ИС есть прямая взаимозависимость и взаимообусловленность. При переходе к цифровой экономике в условиях сохранения прежнего низкого уровня экономики ИС недобросовестная конкуренция в этой сфере будет только расти;
- с середины XX в. (создание ВОИС в 1967 г. при объединении Бернского и Парижского международных союзов) в мире осуществляется централизация и специализация государственного администрирования процессами в сфере интеллектуальной собственности.

В 2023 г. эти выводы и предложения, закрепленные в ежегодном аналитическом докладе РНИИИС «О состоянии правовой охраны, коммерциализации и правовой защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС, СНГ и БРИКС» и в итоговом документе – рекомендациях ежегодного международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности»[1], были впервые размещены на официальном сайте МИД России, и по оценке Министра иностранных дел России С. В. Лаврова, «…практические рекомендации Форума будут учитываться в работе МИД России и его загранучреждений,

[1] Четырнадцатый международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» : сб. докладов, документов и материалов / под науч. ред. д-ра юрид. наук, профессора В. Н. Лопатина. – М., издание РНИИИС, 2023. – С. 378.

в том числе в контактах по данной проблематике с партнерами по СНГ и Евразийскому экономическому союзу».

В 2024 г. данные выводы и предложения РНИИИС, заявленные его научным руководителем на Всемирной конференции ООН в Женеве в 2019 г., через 5 лет нашли поддержку в рамках 65-й Генеральной Ассамблеи ВОИС (9–17 июля 2024 г.), где в докладе ООН был сделан вывод, имеющий принципиальное значение для развития экономики и рынка ИС: «Это означает, что мы должны… *оценивать интеллектуальную собственность как портфель нематериальных активов, которые используются предприятиями для роста и странами для развития. Разработка политики в области интеллектуальной собственности должна стать более скоординированной и целостной, рассматривая интеллектуальную собственность как горизонталь, а не вертикаль*». На это направлена и новая инициатива ВОИС по организации второго Глобального разговора инновационных и финансовых сообществ по оценке интеллектуальной собственности и использованию ИС в качестве финансового актива[2].

Особенности формирования и развития рынка интеллектуальной собственности в ЕАЭС и СНГ. В рейтинге ООН глобального индекса инновационного развития (GII-2023) *по индексу капитализации ИС в нематериальных активах и индексу качества регулирования в сфере ИС* из 132 стран мира, участвующих в рейтинге глобального инновационного развития, страны ЕАЭС и СНГ занимают соответственно: Азербайджан

[2] РНИИИС в ООН // Право интеллектуальной собственности. – 2024. – № 3. – С.45–47.

96/74, Армения 68/64, Беларусь 103/121, Казахстан 82/66, Кыргызстан 104/103, РФ 40/101, Таджикистан 126/128, Узбекистан 86/104 место[3].

По результатам анализа законодательства и правоприменительной практики в сфере производства, оборота и защиты ИС в странах ЕАЭС и СНГ при переходе к цифровой экономике выявлены *следующие особенности развития рынка ИС и общие вызовы и риски для инновационного развития.*

Во-первых, в отличие от СНГ с опережающим характером принимаемых решений в этой сфере (Концепция формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств – участников СНГ – решение СГП СНГ от 28.10.2016, Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств – участников СНГ от 01.06.2018), коммерциализация интеллектуальной собственности в документах ЕАЭС не заявлена ни в качестве цели, ни в качестве задачи или направления интеграции. При этом в Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» (утв. на заседании ВЕЭС ЕАЭС 25.12.2023) в качестве задач дальнейшего развития экономических интеграционных процессов до 2030 г. включено «обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование путем сотрудничества государств-членов

[3] Suggested citation: World Intellectual Property Organization (WIPO) (2023). Global Innovation Index 2023: Innovation in the face of uncertainty / S. Dutta, B. Lanvin, L. Rivera León, S. Wunsch-Vincent. – Geneva : WIPO, 2023. – 250 p.

по формированию благоприятных условий для обеспечения *охраны и эффективной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности*».

Мероприятия по ИС также отсутствуют в *Региональном перечне показателей достижения целей в области устойчивого развития ЕАЭС* (130 индикаторов, в том числе 63 предложенных для мониторинга на глобальном уровне, и 67 индикаторов, отражающих приоритеты развития в ЕАЭС), в *классификации единого рынка услуг ЕАЭС* и не отнесены в *Программе развития интеграции в сфере статистики ЕАЭС на 2021–2025 гг.* к 7 приоритетным направлениям развития статистики. В рамках реализации Стратегии-2025 ЕАЭС утверждена[4] *Методология формирования системы ключевых показателей и индикаторов, характеризующих влияние процессов евразийской экономической интеграции на условия ведения предпринимательской деятельности* и перечень соответствующих показателей (подходы к формированию ***перечня критериев*** (специфичность, измеримость, достижимость, уместность, определенность), ***показателей*** (по направлениям деятельности ЕЭК – общие процессы), ***базовых*** (на 2022 г.) и ***фактических значений индикаторов*** и порядок проведения их мониторинга с ежегодным докладом ЕЭК о результатах мониторинга (до 1.10.2024)). В то же время к *общим процессам в сфере ИС отнесены только ведение ЕТРОИС, регистрация, правовая охрана и использование ТЗ и НМПТ ЕАЭС*[5]*, где в н. в. нулевые показатели, не имеющие принципиального значения для ЦУР и евразийского рынка ИС.*

[4] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 11.10.2022 № 179.

[5] Решение Коллегии ЕЭК от 14.04.2015 № 29 : в ред. от 11.07.2023.

То есть в очередной раз формирование благоприятных условий для развития рынка ИС (коммерциализации ИС и развития экономики ИС) в Стратегии развития Союза не предусмотрено. *Строить общие рынки в ЕАЭС без учета оборота и возможностей коммерциализации ИС означает заранее обрекать страны Союза на проигрыш в конкурентной борьбе.*

Во-вторых, в ЕАЭС, как и большинстве государств – членов ЕАЭС (РФ, РК, РА), отсутствуют стратегии и программы развития рынка ИС. В отсутствие единых стратегических ориентиров и дорожной карты по формированию и развитию евразийского рынка ИС на национальном и межгосударственном уровнях игнорируются объективные закономерности развития рынка ИС; заявленным стратегическим целям конкурентоспособности не соответствуют выбранные средства их достижения; сохраняются вызовы, риски и угрозы, ведущие к проигрышу в жесткой конкуренции и борьбе за переделы международных рынков и сфер влияния.

В Стратегии научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642) одной из главных задач и условий реализации завершающего этапа Стратегии (на 2020–2025 гг.) заявлено «стимулирование перехода к стадии активной коммерциализации ИС и к масштабному созданию новых продуктов и услуг, основанных на технологиях, отвечающих на большие вызовы». В то же время, по данным федеральных законов об исполнении федерального бюджета за 2022–2023 гг., при затратах из бюджета на НИОКТР 1,436 трлн рублей / 1,8 трлн рублей доходы от коммерциализации интеллектуальной собственности по итогам его исполнения составили соответственно 1,6 млрд рублей / 1,3 млрд рублей.

Неудовлетворительное состояние дел в экономике интеллектуальной собственности требует принятия первоочередных мер, включая изменения в государственной политике и нормативном правовом регулировании.

Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 в *Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и в Концепции технологического развития РФ на период до 2030 г.* (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р) приоритетом технологической политики заявлено «достижение технологического суверенитета», где под проектами технологического суверенитета понимаются «проекты полного инновационного цикла… охватывающие все стадии инновационного цикла и включающие… регуляторные аспекты», а формы обеспечения технологического суверенитета определены как: 1) исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий; 2) производство высокотехнологичной продукции на этих технологиях. Принципиальным является положение Концепции, что *«результатом прикладных исследований и разработок должен стать выявленный и оформленный, в том числе зарегистрированный ОИС (изобретение, база данных, секрет производства (ноу-хау) и др.)».*

Также принципиальными являются положения этой Концепции, предусматривающие *развитие рынка ИС на период до 2030 г.:*

- устранение регуляторных барьеров, прежде всего в части оборота ИС и защиты прав инвесторов;
- создание инструментов коммерциализации ИС через повышение рыночной ликвидности;
- создание института кредитования под залог ИС;

• оптимизация льготных налоговых условий для увеличения оборота ИС;

• урегулирование правоотношений между правообладателями РИД и государством через установление цены приобретения прав на РИД;

• снятие барьеров при передаче прав на РИД научными и образовательными организациями в коммерческий сектор;

• регламентация обязательности положений о правах авторов РИД распоряжаться правами в документы (политики, регламенты, порядки) научных и образовательных организаций.

В то же время обращает внимание, что ключевые стартовые условия в Концепции на период до 2030 г. (2023) определены практически те же, что и в 2010 г. в Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. (доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, – 11,9–10 %; доля инновационной продукции в объеме промышленной продукции – 5–4,9 %), а единственным показателем достижения заявленных целей технологического развития в сфере ИС определен рост числа заявок на изобретения и полезные модели в 2,4 раза. С учетом негативного опыта реализации Стратегии-2020 и связанных с ней отраслевых стратегий и программ инновационного развития в РФ, где основными показателями инновационного развития по ИС были определены информационные показатели вместо экономических, *необходима серьезная и немедленная корректировка этих документов.*

В-третьих, отношения в сфере НИОКР и ИС отнесены к сектору услуг, что при принципиальных различиях в подходах их регулирования не позволяет обеспечить баланс интересов в инновационной мотивации авторов и правообладателей таких

объектов, бюджетного и бухгалтерского учета исключительных прав на ОИС и налогообложения в этой сфере. Отсутствие инновационной мотивации при обеспечении баланса интересов авторов РИД – правообладателей и инвесторов, привело к тому, что при росте расходов на научные исследования и разработки (в России в XXI в. более чем в 70 раз), доля бюджетирования НИОКТР выросла с 70 до 85 % (при планах получить обратные результаты: к 2020–2024 г. доля внебюджетного финансирования НИОКР – 50–75 %).

В-четвертых, условия изменения структуры рынка ИС (за 25 лет доля патентных продаж сократилась с 80 % в 4 и более раз), отсутствие инновационной мотивации для авторов и правообладателей, рост недобросовестной конкуренции и ограниченные преимущества национальных патентов и свидетельств охраны для объектов промышленной ИС при недостаточности регулирования области отношений по коммерциализации ИС на национальном уровне и практическом отсутствии такого регулирования на региональном уровне в странах СНГ и ЕАЭС в XXI в. предопределили следующие *негативные тенденции при выборе способа правовой охраны ОИС, ведущие к утрате технологического суверенитета, сохранению импортозависимости и снижению национальной конкурентоспособности,* ***требующие корректировки государственной политики на национальном и региональном уровнях:***

- *государственная политика* обязательного патентования и госрегистрации для правовой охраны всех РИД, полученных при бюджетном финансировании НИОКТР, привела к противоположным от заявляемых результатам. В цифровой экономике объективно растет объем технологий, в основе

которых объекты авторского права (программы для ЭВМ, базы данных), смежных прав и ноу-хау, правовая охрана которых не требует государственной регистрации. Политика «патент ради патента» при ежегодном снижении общего количества действующих патентов и свидетельств на ОПС, снижении доли РИД и регистрируемых сделок по распоряжению правами на них (в России и в других странах ЕАЭС от 0,1 до 2 %) ведет к досрочному прекращению патентной правовой охраны ОИС. Всего за 30 лет в пяти странах ЕАЭС выдано более 1,4 млн патентов, а действует из них 365 тысяч патентов, из которых продается в год 0,05–2 %;

- устойчивое сокращение числа патентных заявок и выдачи национальных патентов и досрочное прекращение патентной правовой охраны ОИС на национальном уровне (с 2013 г. число заявок на выдачу патентов сократилось в **РБ** более чем в 4 раза (с 3 167 до 788), с 2018 г. уменьшилось количество заявок: в **РФ** на изобретения – на 29 %, на полезные модели – на 13 %; в **РК** на изобретения – на 15 %, на промышленные образцы – на 40 %; в **КР** на изобретения – на 38 %, на полезные модели – на 78 %, на промышленные образцы – на 47 %; в **РА** – на изобретения – на 12 %, на промышленные образцы – на 19 %);
- переход с национального на региональный и международный уровни и на процедуры правовой охраны ОИС при сохранении роста евразийских заявок и поддержании в силе евразийских патентов с расширением их географии в рамках Евразийской патентной конвенции ЕАПО (например, в **КР** 97 % изобретений охраняется евразийскими патентами, 97 % промышленных образцов и 80 % товарных знаков зарегистрированы по международным процедурам);

• растет доля физических лиц среди патентообладателей (**РФ:** Из. – 24 %, ПМ – 38 %; **РА:** Из. – 52 %, 49 % – ПО; **КР:** Из. – 87 %, ПМ – 100 %, ПО – 33 %), что существенно затрудняет последующее коммерческое использование этих ОИС;

• структура рынка ИС гипертрофирована в пользу коммерциализации интеллектуальных прав на средства индивидуализации (более 75 % всех сделок по распоряжению исключительными правами в отношении зарегистрированных ОИС), что больше говорит об активизации рыночных отношений в секторе купли-продажи иностранных товаров, чем об инновационной активности правообладателей исключительных прав в их производстве.

В-пятых, закрытие госконтрактов на НИОКТР по числу поданных патентных заявок при отсутствии обеспечения баланса интересов участников инновационного процесса (в триаде «автор – правообладатель – инвестор») привело к замещению экономической мотивации на создание и совершенствование технологий/продукции за счет собственных средств на ожидание очередного госзаказа. Это многократно увеличило коррупциогенные факторы и риски в этой области.

В-шестых, централизация и специализация государственного администрирования процессами в сфере ИС в странах ЕАЭС и СНГ нашла отражение в создании единых межгосударственных и государственных органов с объединением функций администрирования авторских, смежных, патентных и иных интеллектуальных прав в отношении всех основных категорий объектов интеллектуальной собственности. В то же время Россия по-прежнему является единственной страной в мире, где функции госуправления и регулирования в сфере

ИС рассредоточены между более чем 10 федеральными ведомствами. *При этом Роспатент формально отвечает только за 6 из 20 категорий ОИС и не располагает объективной информацией в отношении других ведомств, т. е. не является компетентным органом по всем вопросам этой сферы и не отвечает за коммерциализацию ИС. С этим во многом связаны существующие проблемы нормативного регулирования, что значительно снижает возможности формирования единого рынка ИС и обеспечение конкурентных преимуществ, в том числе в ЕАЭС.* По результатам рассмотрения этой ситуации на очередном заседании (протокол № 7 от 31.01.2024), по оценке Комиссии АЮР, это ведет к сохранению рисков недостижения заявленных целей технологического суверенитета и национальной конкурентоспособности России в условиях санкций в многополярном мире и напрямую создает угрозу интересам национальной безопасности.

В частности, об этом свидетельствуют следующие примеры:

– отсутствует единый и достоверный учет созданных при бюджетном финансировании РИД, данных об их авторах, правообладателях и использовании в процессе научной, научно-технической и инновационной деятельности;

– отсутствует единое правовое регулирование в части экспертизы объектов патентного права, ответственности за контрафакт, за нарушения интеллектуальных прав (нельзя привлечь к административной и уголовной ответственности за нарушения прав на селекционные достижения);

– в сфере ИС в РФ за последние 15 лет число привлеченных к административной ответственности сократилось в 21 раз, количество взысканных штрафов – в 23 раза; число

осужденных по ст. 146 УК РФ (авторские и смежные права) в России уменьшилось почти в 30 раз, а за нарушение патентных прав по ст. 147 УК РФ было осуждено всего 15 человек[6].

При этом в отсутствие единого органа в сфере ИС, подчиненного Правительству РФ, ни один из ФОИВ в настоящее время в этом столетии не берет на себя ответственность за решение этих проблем.

В-седьмых, в условиях разрозненности и коллизий национальных законодательств по ИС и недостаточности правового регулирования в области коммерциализации ИС резко возрастает роль стандартизации процессов управления ИС в обеспечении конкурентоспособности и технологического суверенитета. В РФ и СНГ действуют с 2009–2017 гг. профильные национальный и межгосударственный ТК «Интеллектуальная собственность» и создана первая национальная система стандартов в этой сфере (более 30 стандартов). В рамках национальной системы стандартов РФ приняты и действуют национальные стандарты РФ ГОСТ Р 58590-2019 Интеллектуальная собственность. Управление в кредитной организации; ГОСТ Р 58592-2019 Интеллектуальная собственность. Управление на фондовом рынке; ГОСТ Р 70484-2022 Интеллектуальная собственность. Страхование рисков; ГОСТ Р 58591-2019 Интеллектуальная собственность. Бухгалтерский учет и нематериальные активы, на основе которых разработаны проекты аналогичных межгосударственных стандартов, направленных

[6] Актуальные вопросы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в современных условиях // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2023. – № 10 (830) – 76 с.

на унификацию процедур и правил использования ИС при формировании вех трех секторов в рамках создания общего евразийского финансового рынка. Давно назрели подписание соглашения между ВОИС и ИСО/МЭК с отнесением вопросов управления и экономики ИС к приоритетным направлениям стандартизации, обеспечивающим национальную конкурентоспособность, а также создание международного ТК по стандартизации «Интеллектуальная собственность» при содействии ВОИС в рамках ИСО/МЭК с учетом опыта РФ и СНГ и активным участием стран Большого Евразийского партнерства.

В-восьмых, существенное запаздывание в создании регуляторных механизмов в области коммерциализации ИС на национальном, межгосударственном и международном уровнях наряду с низким уровнем правовой и экономической культуры по этим вопросам и отсутствием профессиональных кадров в этой сфере предопределяют необходимость долгосрочного (в том числе государственного) инвестирования в формирование спроса для развития «четвертой корзины» торговли в странах ЕАЭС (в отличие от других секторов, где спрос рождает предложение).

Правовая защита в сфере интеллектуальной собственности. Несмотря на заявленную как приоритет евразийской интеграции правовую защиту интересов обладателей прав на ОИС и координацию этой деятельности при гармонизации законодательства в сфере ИС в соответствии со ст. 90 Договора о ЕАЭС и согласно Протоколу об охране и защите прав на ОИС (приложение № 26 к Договору), по результатам анализа законодательства и правоприменительной практики в сфере правовой защиты ИС и противодействия производству и обороту

контрафактной продукции в странах ЕАЭС в 2015–2024 гг. можно сделать вывод, что на межгосударственном уровне по-прежнему отсутствует объективная картина понимания состояния законности в сфере ИС, объема и структуры контрафактной продукции, что создает основу для продолжения недобросовестной конкуренции.

К числу основных нерешенных проблем за 10 лет ЕАЭС можно отнести:

- ***нормативное определение и организацию защиты от контрафакта,*** когда в праве ЕАЭС и в других странах ЕАЭС (кроме РФ) контрафактными признаются товары, содержащие объекты авторского права, смежных прав и средства индивидуализации с нарушением ***всех прав*** их правообладателей на эти категории ОИС. В **РФ** контрафактными, согласно норме ст. 1252 ГК РФ, признаются любые материальные носители, содержащие любые ОИС (более 20 видов ОИС) с нарушением *только исключительных прав* их правообладателей на эти ОИС. *То есть то, что признается контрафактом в России, не является таковым в других странах ЕАЭС, и его оборот не подлежит противодействию на таможенной границе ЕАЭС;*
- ***параллельный импорт,*** когда в условиях одновременного действия в рамках одного Союза трех принципов исчерпания права (международный, региональный и национальный) необходим переход на международный принцип исчерпания исключительного права на ОИС в ЕАЭС, что позволит обеспечить эффективное решение проблемы параллельного импорта в странах ЕАЭС, не делать заложником бизнес и реально снизить уровень коррупции, которая всегда растет в условиях

правовой неопределенности и больших усмотрений для чиновников при принятии решений;

• ***мониторинг правоприменительной практики,*** когда указанные в отчетах ЕЭК за 2020–2023 гг. данные не отражают реальной картины состояния законности в сфере ИС и противодействия контрафакту в ЕАЭС, т. к. они учитывают правонарушения по государствам – членам ЕАЭС в разрезе только административных правонарушений и преступлений (без учета результатов их рассмотрения судами), а также без учета дел, рассмотренных в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства в этих странах. В этих условиях сопоставление в отчетах количества выявленных с 2016 по 2023 г. учитываемых нарушений прав на ОИС (**тенденция к сокращению**) с количеством выявленных контрафактных товаров в государствах-членах (**тенденция к росту**) и сделанные на этой основе выводы являются некорректными: *чем больше выявляется контрафакта, тем меньше фиксируется нарушений прав на ОИС.*

На эти грубые методологические ошибки Департамента развития предпринимательской деятельности ЕЭК неоднократно ранее обращалось внимание руководства ЕЭК, в том числе в рекомендациях международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» (2020–2024), а также в докладах на международном форуме «Антиконтрафакт», в обращениях к руководству ЕЭК и публикациях. Однако в очередных отчетах ЕЭК за 2022–2023 гг.[7] эта практика

[7] Отчет «О состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2022 год». – М. : ЕЭК ЕАЭС, 2023. – 138 с.

продолжается, более того, делаются выводы, идущие в разрез с реальной практикой правовой защиты. Продолжение этой практики может свидетельствовать либо о некомпетентности сотрудников, либо о злонамеренном искажении информации для принятия неверных решений в рамках общих процессов евразийской интеграции.

Вызовы и приоритеты на 2025 г. Интеллектуальная собственность и цифровизация должны стать инструментами снижения социально-экономического неравенства между развитыми и развивающимися странами, для чего в повестку дня проактивного взаимодействия Суда ЕАЭС и ЕЭК ЕАЭС по вопросам гармонизации законодательства и координации правоприменительной практики в сфере ИС рекомендуется включить такие вопросы, как:

- подготовка и принятие стратегии и программы развития рынка ИС в ЕАЭС, РК, РФ, АР с корректировкой задач и показателей по ИС для ЦУР на глобальном, региональном и национальном уровнях;
- переход с информационных показателей (публикации и их цитирование, патенты и патентные заявки, конференции и семинары) на экономические показатели результативности НИОКТР (создание добавленной стоимости, доля в ценообразовании, в капитализации активов, в привлечении инвестиций и т. п.);
- переход на международный режим исчерпания исключительного права в отношении всех категорий ОИС в параллельном импорте в ЕАЭС;
- мониторинг и гармонизация национальных законодательств с учетом стратегических направлений и приоритетов: 1) на всех этапах жизненного цикла ИС в рамках НИОКТР; 2) экономика ИС – главная цель для трех областей правового

регулирования в сфере ИС; 3) понятие и структура контрафакта (различные в праве ЕАЭС и в РФ);

- включение защиты от недобросовестной конкуренции в сферу ИС, как это предусмотрено в международном праве и национальных кодексах ряда стран ЕАЭС (ГК РБ);
- признание и использование при гармонизации законодательства и в судебной практике стандартизации как эффективного регулятора «мягкого права» в условиях роста правовых коллизий в сфере ИС;
- совершенствование практики мониторинга правоприменения по защите нарушенных прав в сфере ИС с включением в систему ежегодного мониторинга правоприменительной практики в сфере защиты прав на ОИС в ЕАЭС статистики и данных в рамках гражданско-правовой судебной защиты с обязательной корректировкой структуры и содержания ежегодных отчетов ЕЭК по этим вопросам на основе ГОСТ 34917-2022 Интеллектуальная собственность. Определение уровня контрафактности товаров на региональном уровне.

Суд Союза и органы международного правосудия

Взаимодействие Экономического Суда Содружества Независимых Государств с национальными судами государств – участников СНГ

А. В. Плотников
Председатель Экономического Суда Содружества Независимых Государств

(Стенограмма выступления)

Позвольте, во-первых, поприветствовать, выразить благодарность участникам семинара и организаторам, непосредственно Алексею Александровичу, от имени Экономического Суда СНГ именно как уставного органа СНГ за предоставленную возможность участия в данном мероприятии.

По итогам пленарного заседания уже можно обозначить ряд общих проблем как для Суда СНГ, так и для Суда ЕАЭС как

органов международного правосудия, которые в принципе рассматриваются в области международного права. Это вопросы расширения, развития юрисдикции судов, участие в корректировке и формировании права интеграционных объединений.

Следует обратить внимание на необходимость сегодня уже именно совместного решения ряда вопросов таможенного регулирования, миграционной политики, гуманитарного права, которые не могут рассматриваться отдельно для Содружества и отдельно для ЕАЭС, насколько они сопряжены, переплетены по внешним и внутренним связям.

В частности, совместным заявлением Совета Министров иностранных дел стран – участниц СНГ уже, например, дана первая правовая оценка дискриминационного характера недопустимости односторонних санкций, принимаемых в отношении наших государств. Российская Федерация, Республика Беларусь, в том числе это будет касаться и иных стран Содружества в той или иной степени в области вторичных санкций. Следует также обратить ваше внимание на проблематику поставленных вопросов на конференции о том, что 2025 г. в рамках СНГ объявлен Годом правового просвещения, а Российский государственный университет правосудия является сегодня базовой организацией в сфере подготовки содействия кадров на пространстве СНГ, что также дает возможность целиком нашим интеграционным объединениям использовать уже заложенный потенциал как в области правового посвящения, так и в области подготовки квалифицированных юридических кадров.

Обращаясь к тематике вопросов, которые обозначены в докладе, это прежде всего тот опыт, та правовая база, основа, которая наработана в Экономическом Суде СНГ и которая в той

или иной мере может быть использована в дальнейшем в работе и в развитии Экономического Суда ЕАЭС.

В настоящее время отмечается важность развития повышения уровня взаимодействия, выстраивания эффективных алгоритмов сотрудничества между различными интеграционными проектами на пространстве Содружества и ЕАЭС. Это требует приложения серьезных взаимных усилий действующих органов международных организаций и государств, входящих в состав этих организаций.

Экономический Суд СНГ на сегодня имеет достаточно плодотворный и широкий опыт именно сотрудничества с судебными органами государств – участников СНГ. Правовой основой для взаимного сотрудничества между Экономическим Судом СНГ и национальными судами является положение Экономического Суда СНГ, в котором и определены наиболее важные формы сотрудничества. По функциональному содержанию формы можно подразделить на два основных вида взаимодействия. Это организационные и процессуальные.

Именно высшие национальные суды, разрешающие дела в сфере экономики, обеспечивают судьей Экономического Суда на время проведения судебного заседания служебными помещениями, оборудованием, техническими средствами связи, что предоставляет возможность организации дистанционного участия в судебных заседаниях. И с использованием средств системы видео-конференцсвязи с участием бывших национальных судов 14 ноября организовано и проведено заседание Экономического Суда.

Дистанционно рассмотрено в 2024 г. также дело по запросу исполнительного комитета СНГ о толковании ст. 84 Конвенции

о правовой помощи и правовых отношениях по гражданству и семейным уголовным делам от 22 января 1993 г. и соответствующей Конвенции от 7 октября 2002 г. Что это дает? Это дает экономию по времени и экономию средств Содружества по организации и работе в деятельности самого суда, который может быть направлен на решение иных вопросов деятельности международной организации.

Устранение противоречий и применение норм международных договоров является общей задачей как Экономического Суда, так и национальных судов и направлено на усиление международного сотрудничества. Важнейшей формой взаимодействия является наделение высших национальных судов правом обращаться в Экономический Суд с запросом о толковании положений международных договоров государств – участников Содружества, а также других актов Содружества и его институтов. Кроме того, в процессе рассмотрения Экономическим Судом СНГ конкретного дела высшие органы по его запросу направляют в адрес суда сведения о судебной практике по определенной категории споров и мнениям по спорному вопросу, что способствует принятию обоснованного решения на правильное устранение проблемных вопросов, обеспечивает единообразие применения международных договоров в рамках СНГ и совершенствование механизма оказания правовой помощи.

В то же время и правовые позиции Экономического Суда о толковании международных договоров принимаются во внимание национальными судами при осуществлении правосудия. Пример – это решение Экономического Суда о толковании соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г.,

соглашение о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания от 24 декабря 1993 г., Конвенция о правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным делам. С учетом рекомендаций Экономического Суда по результатам рассмотрения дела по толкованию соглашения о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания Советом председателей тогда еще арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, разрешающих дела по спору в сфере экономики, подготовлен протокол по внесению изменений в указанное соглашение, который был ранее подписан главами государств СНГ. Яркий пример того, как практика суда нашла свое выражение и реализацию в актах Содружества.

Определяя формы организационного взаимодействия, следует в первую очередь отметить вопросы, связанные с тем, что в соответствии с заключенными соглашениями о взаимном сотрудничестве и обмене информации стороны осуществляют взаимное информирование о практике применения законодательства международных договоров; обмен правовыми актами, регулирующими деятельность судов, материалами по обобщению, анализу судебной практики, специализированными правовыми изданиями, выпускаемыми судами; осуществляют публикацию материалов о деятельности своих изданий, о проведении рабочих встреч, консультаций, выработку общих подходов к решению определенных вопросов.

Взаимодействие Экономического Суда с высшими государственными органами в сфере экономического правосудия осуществляется также в рамках работы высшего коллегиального органа Экономического Суда СНГ. Согласно положениям Экономического Суда Содружества, Пленум избирает Председателя

Экономического Суда и его заместителя, утверждает Регламент Экономического Суда и Регламент Пленума, осуществляет анализ практики метода работы Экономического Суда, принимает рекомендации по обеспечению единообразной практики, рассматривает иные вопросы деятельности Экономического Суда.

Так, по правилам Регламента от 13 марта 2005 г. в рамках судебной деятельности Пленума в 1996 г. было рассмотрено дело по запросу Высшего хозяйственного суда по толкованию ст. 8 соглашения о порядке разрешения споров.

14 апреля 2010 г. Пленум Экономического Суда рассмотрел дело Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Российской Федерации на решение Экономического Суда СНГ с 18 апреля 2018 г. по спорным вопросам права собственности в санатории «Узень», расположенном на территории Российской Федерации. Но уже протоколом от 13 сентября 2017 г. были внесены изменения в соглашение о статусе Экономического Суда, согласно которым из компетенции Пленума на сегодняшний момент исключены полномочия по рассмотрению жалоб на решение Коллегии Экономического Суда СНГ.

Совместная работа на Пленуме позволяет не только рассматривать вопросы, касающиеся функционирования Экономического Суда, но и определять проблемы, с которыми сталкиваются национальные судебные органы, например, по вопросам исполнения поручений судов государств-участников, обеспечения и исполнения судебных решений.

Существование Пленума Экономического Суда в составе председателей высших национальных судов государств – участников соглашения от 6 июля 1992 г., в том числе с участием судей

Экономического Суда СНГ, обладающих компетенцией по рассмотрению экономических споров, подчеркивает уникальность этого суда как органа, призванного обеспечить единообразное применение международных договоров государств – участников Содружества и внесение предложений по устранению коллизий в законодательстве государств-участников.

Сотрудничество Экономического Суда с национальными судами считается также посредством участия Экономического Суда в работе Совета председателей верховных высших судов государств – участников СНГ, созданного в 2021 г. на основе совета председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, разрешающих дела по спорам в сфере экономики. Совет председателей является международным органом СНГ и образован для выработки согласованных принципов и правил сотрудничества между судами и его организационного обеспечения, содействия практической реализации. На заседании Совета с правом совещательного голоса участвует в том числе и Председатель Экономического Суда СНГ. На 12 декабря 2024 г. назначено первое заседание Совета председателей.

Таким образом, посредством взаимодействия Экономического Суда СНГ с национальными судами, с учетом национальных интересов государств и в целях реализации их международных обязательств обеспечивается именно единство правового пространства в СНГ, унификация норм национального законодательства государств-участников и формирование права в Содружества в целом.

Спасибо за внимание.

О соотношении методов регулирования экономических отношений в праве Евразийского экономического союза

Т. Н. Нешатаева
судья Суда Евразийского экономического союза в отставке, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Дискуссия о путях развития права ЕАЭС всегда затрагивает два направления – международно-правовое и законодательно ориентированное[1]. Впрочем, такие диспуты характерны и для других интеграционных группировок: в Европейском союзе до сих пор не утихают споры евроскептиков (за национально-законодательное первенство) и еврооптимистов (за развитие международных методов правового регулирования)[2].

Прежде всего подчеркнем, чем отличаются эти два метода воздействия на международные отношения. Законодательно ориентированный (характерен для правовых систем национальных государств) предполагает выражение воли регулятора через приказ, волевое установление прав и обязанностей акторов экономических отношений в форме закона, неукоснительно

---

[1] Нешатаева, Т. Н. Суд и право: евразийская интеграция / Т. Н. Нешатаева. – М., 2021; Энтин, М. Л. Международные судебные учреждения / М. Л. Энтин. – М., 1984.

[2] Ковлер, А. И. Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк) / А. И. Ковлер. – М., 2016.

исполняемого всеми участниками социально-экономических отношений. Международно-правовой метод предполагает согласование воль участников и выработку общей нормы путем переговоров и уступок. Каждый из методов имеет как положительные, так и отрицательные черты. Норма закона может видоизменяться на практике (закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло), а норма международного акта может оказаться каучуковой, неопределенной и практически неприменимой. Добавим, что в интеграционных группировках применяются оба метода, что и повлекло классификацию таких международных союзов не в качестве межправительственных, но наднациональных[3].

Уставные документы ЕАЭС характеризуют эту организацию как международную и наднациональную (ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

Уставные документы о Суде ЕАЭС (Статут Суда (приложение № 2 к Договору), Регламент Суда (утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101), Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС (приложение № 32 к Договору)) создавались еще в Суде ЕврАзЭС группой сотрудников под нашим руководством, но сохранили идеологию этих судебных уставов в сводной рабочей группе (из государственных служащих государств – членов ЕврАзЭС), которой руководил заместитель министра юстиции Российской Федерации М. А. Травников. Рабочая группа во многом благодаря дипломатичному руководству

[3] Lenaerts, K. Constitutional Law of the European Union / K. Lenaerts, P. Van Nuffel ; ed. by R. Bray. – London, 2005. – P. 11–18.

сохранила международно-правовую составляющую этих актов, их согласительную идеологию.

Прежде всего подчеркну, что международное право крепче, чем сегодня, не было никогда. Не надо повторять те истины, которые не имеют отношения к правовому регулированию. Потребность в международно-правовом регулировании возрастает, и оно крепнет всегда во время кризисов, и сейчас происходит то же самое – кризисная ситуация требует создания нового регулирования. Но то, что мы услышали здесь, показывает, что все еще непонятно, что за Союз мы создали, – это международно-правовой союз, наднациональный или межправительственный. Создан интеграционный Союз нового типа, каких в мире очень немного. Первые примеры появились в международном праве только после Второй мировой войны – это Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Затем, конечно, европейцы создали свое объединение – Европейский союз, потом появилась Всемирная торговая организация. Затем на пространстве СССР создана такая структура, которая показывает, что объединение на международных началах возможно. Современный научно-технический прогресс сделал мир настолько единым, что его невозможно удержать в рамках национального государства, нужно международное сотрудничество. Интернет, криптовалюты, киберпреступления – это все показывает, что без общего согласования регулирование невозможно.

При этом управлять социальными связями надо как-то по-другому. Таким новые видом управления стал наднационализм – передача компетенции по самым важным вопросам и попытка решать проблемы сообща, в том числе методом приказа.

Внешне похоже на национальное право, и это приводит к тому, что многим кажется, что создается новое государство, новое национальное регулирование. Но усиление приказа разрушает сотрудничество. Например, что произошло с ВТО: элементы приказа стали усиливаться, и организация перестала работать. Такое явление происходит и с ЕС: когда усиливаются элементы власти, приказа сверху без согласования воли, организация сначала стагнирует, а затем гибнет, исчезает.

К сожалению, сегодня участились бесконечные предложения усилить форму приказа в ЕАЭС, прописать усиление властных начал еще в договорах, в Регламенте Суда, расширить участие физических лиц в спорах по вопросам интеграции и т. д. Это неверный путь.

Это первое, но основная тема, о которой я думаю, другая: многие новые нормы первых уставных документов ЕАЭС действуют совсем не так, как было задумано разработчиками. Вот на этих новых нормах следует остановиться. Речь пойдет всего о четырех новациях, которые резко отличают ЕАЭС от ЕС. Например, уже при написании документов было понятно, что нельзя повторять ошибки ВТО, МБРР, МВФ, ЕС, других наднациональных союзов, а надо найти что-то свое, евразийское. Сегодня понятно (тоже еще не до конца), что такое евразиец[4], какая у него сложная генетически-религиозная составляющая, включающая и христианство, и ислам, и буддизм. Восточные характерные черты совершенно не похожи на славянские: как сказал Киплинг, Восток и Запад не сойдутся никогда.

[4] Нешатаева, Т. Н. Суд и право: евразийская интеграция / Т. Н. Нешатаева. – М., 2021.

Он ошибался, но поэтому очень много нужно было учесть при составлении международно-правовых актов.

Например, самый распространенный элемент, который нам предлагался из права ЕС, – это преюдициальный запрос: «сходи, судья, и спроси у Суда ЕАЭС, как решить, какую норму применить». В Суде ЕврАзЭС преюдициальный запрос уже был. Спросили один раз: три белорусских судьи. Международный суд ответил в форме приказа. Это привело к тому, что в Регламенте Суда ЕАЭС этот институт не сохранился. Причем это происходило так: по обращению председателей судов государств-членов институт из Статута Суда был исключен и заменен на норму о консультативных заключениях, которая сегодня действует. Норма создавалась с голоса, кратко и с добавлением, что консультативное заключения принимаются по процедуре судебного решения. Получилось, что все элементы судебной процедуры есть, не надо ничего вписывать. Так и происходит на практике: людей допускают, они выступают и отстаивают интересы, также и в процедуре дел о разъяснении.

Удивляет действие консультативного заключения во времени и пространстве. В международном праве существует теория твердого и мягкого права (hard law и soft law). Обычно ратуют за твердое право, жесткую обязательность, считают, что твердое будет быстрее исполняться, всем нужна власть, обязательность. Но в международном праве это не работает. В международном праве работает только то, что мягко, согласовано, скоординировано. Правило есть, а юридической обязательности нет. Usage есть, а opinio juris нет. Что же происходит на практике? Консультативные заключения работают эффективнее обязательных решений. Намного эффективнее.

В теории есть мнение, что мягкое право – оно слабое, мягко стелет, да жестко спать. Но на самом деле суть не в этом: разница интересов. Когда приходят за консультативным заключением? Когда возникает серьезный экономический интерес, но нет правила регулирования этих новых отношений, удовлетворения несовпадающих экономических интересов. Если Суд создаст правило, позицию, устраивающую спорящие стороны, то в течение примерно двух-трех недель она будет реализована в решениях ЕЭК и государств – членов ЕАЭС. Например, консультативное заключение по делу о спортсменах[5], которое, мне казалось, нельзя выносить, потому что у Суда нет компетенции: консультативное заключение было исполнено в течение месяца. Дело об обеспечении участия в госзакупках[6]: в течение месяца после вынесения консультативного заключения закон РФ был изменен. Причем буквально следующим образом:

---

[5] Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении применения п. 2 ст. 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений в отношении указанной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности в государствах-членах (дело № Р-3/18).

[6] Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 22 ноября 2022 г. по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений п. 18 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) (дело № Р-4/22).

все участники (кроме граждан государств – членов ЕАЭС) должны обеспечивать участие в закупках через банки из списка Правительства Российской Федерации, т. е. все российские граждане поставлены в очень жесткие условия по сравнению с другими акторами этих отношений. Мне такое исполнение не показалось ни добросовестным, ни справедливым.

Иными словами, исполнение мягкой нормы может быть настолько быстрым и рациональным, что придает импульс экономике. Следовательно, экономический интерес и правовой интерес – это разные категории. Они совершенно не совпадают. Экономический интерес требует быстрого решения для ускорения экономического оборота, развития. Экономических операторов никогда не интересует, какая это норма – мягкая или твердая, есть там обязательность или нет. Главное – понятное правило. Правовой интерес, его реализация – дело многотрудное. Говорят, что нормальная правовая норма отстает от экономической ситуации минимум на 50 лет. Антимонопольное регулирование, думаю, отстает на 200 – именно столько уже прошло с первого американского закона. Нормы законов пишут во всех государствах, но предприниматели все равно найдут способ их обойти. То есть гениальной идеи для нормативного регулирования не получается найти уже столь длительный период.

Реализация правового интереса связана с мыслительным процессом, процессом выдумывания, нахождения идеи. Процесс этот сложен, а гении появляются нечасто, которые могут найти решение, а тем более написать норму. Правовой интерес связан с психологией, биологией, мыслительным процессом, а не с экономическим оборотом, и это приостанавливает связь этих процессов.

Но самое главное, что приостанавливает, и я твердо в этом уверена, – это биология человека. Потому что право связано в основе своей не с властью, не с приказом. Иногда приказ власти, закон может быть абсолютно неправовым. Про нацизм мы много слышим, но у них тоже были законы. Когда закон не учитывает условия, в которых живет человек, его нужды, такой закон будет существовать, его применят, но он будет антиправовым.

Нужно совместить мыслительный процесс и требования биологии, которые проявляются в общих принципах права – jus cogens[7]. Например, справедливость есть мера твоих прав: ты женщина – у тебя столько прав, ты старик – у тебя столько, ты ребенок – у тебя столько, знай свою меру, больше у тебя не должно быть, не смей затрагивать чужие права. Веди себя так, чтобы использовать свои права с доброй совестью (bona fides), не со злой совестью (mala fides), не чтобы навредить другому. Необходимо придумать норму, которая будет иметь в своей основе и добрую совесть, и правильную идею, и справедливость, и равенство, а это самое сложное. Поэтому защита слабой стороны, неопределенного круга лиц – это самое тяжелое для суда, призванного совмещать все интересы.

Очень трудно в праве придумать гениальную идею, которая учтет все особенности человеческой личности, его психологию, интересы, поэтому нормы должны пройти испытание

[7] Нешатаева, Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании / Т. Н. Нешатаева // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 113–125; Седова, Ж. И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения / Ж. И. Седова. – М., 2023.

временем, «жить долго». И хорошо, что так, потому что если мы на потребу дня будем менять все документы и действующие нормы, то это приведет к тому, что ЕАЭС и его Суд ждет незавидная участь. Этого делать нельзя. Следует находить все те элементы на практике, находить эти решения, не следует сразу писать новую норму. Это обязательно приведет к перекосу в использовании элементов приказа и согласования воли в ЕАЭС.

Завершая тему консультативных заключений, следует сделать вывод об отсутствии необходимости преюдициальных запросов. Государства – члены ЕАЭС, которые хотят позволить своим судьям обратиться к Суду ЕАЭС, создадут нормативный акт, например, о том, что судьи Казахстана могут спросить Суд ЕАЭС. Международное право – тонкий инструмент, все нужно согласовывать, договариваться, не навязывать сверху. Сегодня ЕАЭС получился, работает, дело пошло, все получается, не надо это ломать.

Консультативное заключение работает лучше преюдициального запроса, исполняется быстрее. Я не знаю ни одного случая, чтобы консультативное заключение не привело к изменению закона. Тихо-мирно все исполняется. Законодательство изменяется, все долги выплачиваются, участники экономических отношений договариваются.

Еще есть две нормы, которые резко отличают ЕАЭС от ЕС. Это нормы о запрете сакрализации власти и увлечения личными интересами для судей. В Договоре содержится две нормы, что в Суде ЕАЭС среди судей приоритета власти, властных решений быть не может. Это п. 20 Статута Суда, что если кто-то забудет о том, что равный над равным власти не имеет, то он подлежит административной ответственности с применением

п. 12 Статута Суда. Норма работает: председатели Суда меняются, выполняя представительские функции.

Точно такая же норма есть о конфликте интересов (п. 21 Статута). Забывать, что такое добрая совесть и что такое злая совесть, свойственно всем, а судьи не боги, они тоже склонны забывать: такие случаи были, но судьи справились через консультативное заключение[8].

Перечисленные нормы, которых нет в Суде ЕС, – это то особое, оригинальное, что есть в Суде ЕАЭС. Кроме того, в ЕАЭС особый механизм ответственности, полностью соответствующий нашей природе отношения к власти: уважаем всегда главного, и не просто уважаем, а глубоко почитаем. Поэтому в Суде ЕАЭС приставы – пять президентов. Обратиться с вопросом о неисполнении, сказать, что решение Суда не исполнено, – это нужно обратиться к Высшему Евразийскому

[8] Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 3 июня 2016 г. по делу по заявлению сотрудников Евразийской экономической комиссии о разъяснении норм Положения о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 98. Большая коллегия Суда пришла к выводу, что понятие «конфликт интересов» включает в себя наличие существенных связей (в том числе родственных, протекционистских, дружеских, финансовых и так далее) между лицами, участвующими в процессе аттестации, которые могут быть расценены с точки зрения стороннего разумного лица как ставящие под сомнение объективность такого процесса. В таком контексте конфликт интересов возникает в том случае, когда личные интересы участника аттестационного процесса не соотносятся с исполнением его официальных обязанностей.

экономическому совету, состоящему из глав государств-членов. Суд ни разу еще не обращался к этой процедуре, и стороны тоже понимают, что если пожаловаться и попросить Суд обратиться к президентам, то дело закончится весьма неожиданно. Поэтому такая штрафная санкция гораздо больше подходит людям, родившимся в Советском Союзе, на пространстве евразийской интеграции приводит к добровольному исполнению судебных решений. Конечно, и в этом вопросе есть подводные камни, о которых идет дискуссия в литературе[9].

Евразийская интеграция вечна и началась с того момента, когда племена, относившиеся к Римской империи, с Карпатских гор спустились на евразийские реки, а потом и с востока подтянулись иные народы – началась интеграция. Интеграция была, есть и будет, нужно сохранять ее международно-правовой характер, ни в коем случае нельзя насильно внедрять элементы приказа, свойственные национальной власти. Все интеграции, начиная с Римской империи, которые были построены на сильной власти центра над регионами, обязательно через определенное время распадаются, народы желают жить в своих домах, без чужой власти. В ЕАЭС следует построить такую интеграцию, которая будет только расширяться и использовать для этого понятные способы: договариваться друг с другом, не стремиться захватить чужое, не стремиться к навязыванию власти. Это приведет к тому, что интеграция в ЕАЭС проживет долго и разовьется во что-то иное.

---

[9] Мысливский, П. П. Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Мысливский. – М., 2015.

На пороге нового десятилетия: время для переосмысления и развития компетенций Суда ЕАЭС[1]

А. В. Петренко
старший исследователь по международному публичному праву Центра международных и сравнительно-правовых исследований, доцент Департамента международного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

За время работы Суда Евразийского экономического союза (Суд) накопилась достаточная практика, которая позволяет оценить его востребованность и эффективность. Стабильность ежегодных обращений, поступающих по различным вопросам интеграции и от представителей различных категорий заявителей, позволяет дать в целом положительную оценку его работе[2].

---

[1] Представленные в статье размышления основаны на исследовании Центра международных и сравнительно-правовых исследований «Суд ЕАЭС: Компетенция по рассмотрению споров и дел о разъяснении, преюдициальный запрос» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iclrc.ru/ru. – Дата доступа: 01.02.2025.

[2] Статистические данные о деятельности Суда ЕАЭС за 2015–2024 годы по состоянию на 31 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/analytics/#statistics. – Дата доступа: 01.02.2025.

В то же время как на практике[3], так и в доктрине[4] регулярно выдвигаются предложения по совершенствованию его деятельности. В результате выдвижения и последующих обсуждений таких предложений становится очевидным, что формируется запрос на дальнейшее развитие полномочий Суда в области обеспечения единообразного применения права Союза – основной цели его деятельности, предусмотренной учредительными документами[5]. Данный запрос основывается на признании важности евразийской интеграции и опирается

[3] См. Михаил Мясникович предложил расширить взаимодействие Суда ЕАЭС и национальных судебных органов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/mikhail-myasnikovich-predlozhil-rasshirit-vzaimodeystvie-suda-eaes-i-natsionalnykh-sudebnykh-organov/?sphrase_id=145319. – Дата доступа: 01.02.2025.

[4] См. Исполинов, А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза / А. С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 158; Колос, Д. Г. Проблемные вопросы компетенции Суда ЕАЭС по разрешению споров / Д. Г. Колос // Международные отношения и общество. – 2019. – № 3. – С. 61–62; Сейтимова, В. Х. Формирование эффективной международной гражданской службы как элемент развития институциональной системы ЕАЭС / В. Х. Сейтимова // Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение : материалы междунар. конф., Минск, 25–27 нояб. 2020 г. – Минск : Колорград, 2021. – С. 75; Чайка, К. Л. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. … д-ра юрид. наук / К. Л. Чайка. – М., 2022. – С. 33.

[5] Статут Суда Евразийского экономического союза, приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Статут), п. 2.

на опыт других региональных объединений, прежде всего Европейского союза[6].

Одно из направлений совершенствования работы Суда – расширение его компетенции. Далее изложены соображения о том, каким образом можно реализовать данное направление для усиления интеграционных процессов в части:

- расширения доступа к консультативной функции Суда, которая уже хорошо зарекомендовала себя на практике;
- определения оптимальных параметров наделения Евразийской экономической комиссии (ЕЭК, Комиссия) правом на обращение в Суд при условии принятия соответствующего решения в будущем.

Расширение доступа к консультативной функции Суда

Компетенция Суда по заявлениям о разъяснении предусмотрена п. 46 Статута Суда (Статут). В результате рассмотрения заявления о разъяснении Суд принимает консультативное заключение, носящее рекомендательный характер[7].

Как и по другим категориям производства, по делам о разъяснении к Суду обращаются достаточно часто и регулярно (для судебного органа интеграционного объединения в начале его работы). Согласно сайту Суда всего было подано 41 заявление о разъяснении, а ежегодное число обращений варьируется от

---

[6] См. Войников, В. В. Право ЕЭК на обращение в Суд ЕАЭС: перспективы развития и опыт ЕС / В. В. Войников, Т. Д. Артеменко // Московский журнал международного права. – 2023. – № 2. – С. 21–37.

[7] Статут, пп. 47, 98.

3 до 7[8]. Дело, разумеется, не столько в количестве запросов, сколько в востребованности работы Суда в данном направлении, что позволяет в рамках интеграции получать независимую и квалифицированную правовую экспертизу.

К Суду обращаются для получения авторитетного толкования права международным судом по разным вопросам. Например, известны случаи, когда обращения осуществлялись с целью проведения предварительного нормоконтроля[9] и разрешения предконфликтных ситуаций[10]. В последнем случае наблюдается некоторое расширение традиционного понимания консультативной функции, которая обычно рассматривается отдельно от функции по разрешению споров[11]. Складывается впечатление, что государства-члены

[8] Суд ЕАЭС – Судебные дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/. – Дата доступа: 01.02.2025.

[9] См. консультативное заключение Суда от 4 апреля 2017 г. о разъяснении Договора о ЕАЭС (по заявлению Республики Беларусь), раздел I, п. 1 раздела IV.

[10] См. консультативное заключение Суда от 10 июля 2020 г. о разъяснении подп. 4 п. 2 ст. 67 Договора о ЕАЭС, п. 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о ЕАЭС, п. 3 и п. 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о ЕАЭС (по заявлению Российской Федерации); Кадышева, О. В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и практике Суда ЕАЭС / О. В. Кадышева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 15 (1). – С. 226–227.

[11] Thirlway, H. Advisory Opinions / H. Thirlway // Max Planck Encyclopedia of International Law. – 2006. – Para. 2.

поддерживают такие подходы в работе Суда, поскольку сами часто используют эту функцию и, насколько известно, не возражают против полученных результатов. Все это говорит о важности работы Суда по разъяснению права Союза, о его авторитете и вкладе в развитие интеграции.

Полагаю, что задействование данной функции еще в большей мере способствовало бы развитию интеграции. Следовательно, с учетом описанной пользы можно поставить вопрос о создании дополнительных условий доступа к консультативной функции Суда.

Пункт 46 Статута определяет категории заявителей по делам о разъяснении. Пункт 49 Статута уточняет, что субъекты, имеющие право подавать заявление о разъяснении от имени государств-членов, определяются самими государствами. К таковым в качестве общей категории отнесены уполномоченные органы и организации.

Далее приведена статистика по числу уполномоченных органов и организаций / числу поданных заявлений о разъяснении[12]:

- Республика Армения: 1/0;
- Республика Беларусь: 1/6;
- Республика Казахстан: 9/11;

[12] Постановление Правительства Республики Армения от 8 октября 2015 г. № 1157-N; Указ Президента Республики Беларусь от 31 января 2015 г. № 43; Указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 г. № 20; распоряжение Кабинета Министров Кыргызской Республики от 12 февраля 2024 г. № 51-р; О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. – П. 2 ст. 39.1.

- Кыргызская Республика: 11/4;
- Российская Федерация: 1/2.

Возможно, прямая и убедительная корреляция между числом таких органов и частотой подачи заявлений отсутствует. Тем не менее некоторая тенденция к увеличению числа поданных заявлений при более высоком количестве уполномоченных органов и организаций все же наблюдается и как минимум позволяет поставить вопрос о такой зависимости и ее причинах.

Скорее всего, на подачу заявлений влияет тот факт, что отсутствует необходимость убеждать единственный государственный орган, обладающий компетенцией подавать такое заявление. Не последнюю роль играет и то, что в отдельно взятой стране всегда неизбежно будет больше одного государственного органа, работающего с правом ЕАЭС. Это могут быть органы, взаимодействующие как с интеграционным объединением непосредственно, так и с частными лицами, потенциально заинтересованными в разъяснении права Союза.

Отдельного внимания заслуживает практика Республики Казахстан и Кыргызской Республики. В каждом из этих государств такой компетенцией наделены не только государственные органы, но и объединения предпринимателей[13]. Такие заявители могут обладать обоснованным интересом к деятельности

[13] В Республике Казахстан таким правом наделена Национальная палата предпринимателей «Атамекен», а в Кыргызской Республике – Объединение юридических лиц «Бизнес-ассоциация ЖИА» и Объединение юридических лиц Ассоциация «Международный деловой совет». См.: Указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 г. № 20; Распоряжение Кабинета Министров Кыргызской Республики от 12 февраля 2024 г. № 51-р.

Суда, одной из функций которого является рассмотрение споров по заявлению хозяйствующих субъектов[14]. Следовательно, можно предположить, что данный подход является уместным вариантом расширения доступа к консультативной функции Суда при условии согласия соответствующего уполномочившего государства-члена.

Однако Статут предусматривает возможность обращения исключительно *от имени государства-члена*, т. е. согласно смыслу п. 46 Статута обращения любых органов и организаций от своего имени не допускаются. Примечательно, что Кыргызская Республика в своем законодательстве отметила, что обращения со стороны уполномоченных бизнес-ассоциаций осуществляются от ее имени. Республика Казахстан поступила иначе, предоставив это право Национальной палате предпринимателей «Атамекен», однако без указания на то, от чьего имени подаются заявления о разъяснении в Суд[15]. Что касается последнего, следует отметить, что Суд не обратил на это внимания в соответствующих делах, вероятно, молчаливо признав подачу заявления как обращение от лица государства[16]. Насколько известно, Республика Казахстан не возражала.

---

[14] Статут, п. 39.

[15] См. Указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 г. № 20; распоряжение Кабинета Министров Кыргызской Республики от 12 февраля 2024 г. № 51-р.

[16] См. постановление Большой коллегии Суда от 15 апреля 2019 г. по делу о разграничении полномочий между ЕЭК и органами государств-членов и применении принципа non bis in idem в сфере права конкуренции

Можно предположить, что обращения негосударственных структур, осуществляемые от имени государства-члена, сопряжены с определенными рисками. Например, в таких ситуациях может возникнуть ожидание, что государство-член будет более склонно следовать рекомендациям Суда. При этом оно не будет иметь достаточного контроля над содержанием запроса, подаваемого от его имени. Данный нюанс заставляет задуматься: насколько комфортно для государств-членов предоставлять такое право обращения в международный суд от их имени? Вероятно, обращения от имени государства окажутся удобными не для всех. Поэтому расширение перечня заявителей может потребовать корректировки соответствующего правила на уровне Союза с целью обеспечить возможность подавать заявления о разъяснении *не исключительно* от имени государств-членов.

Таким образом, с учетом востребованности консультативной функции Суда и ее значимости для развития интеграции предлагается упростить доступ к ней. Это можно сделать, расширив круг заявителей, которые могли бы обращаться в Суд:

- от имени государства-члена, что потребует изменения законодательства каждого из таких государств (но без изменения Статута);
- от своего имени, что может оказаться более уместным для негосударственных организаций, однако предоставление такой возможности потребует изменения Статута.

(по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен»).

Поиск оптимальных параметров участия Комиссии в спорах с государствами-членами

Пункт 39 Статута определяет круг заявителей в рамках искового производства и не относит к ним Комиссию. Тем не менее с момента создания ЕАЭС ведутся обсуждения того, нужна ли процедура обращения ЕЭК в Суд в отношении действий (бездействия) государств-членов[17]. Представляется, что это могло бы укрепить интеграционные процессы в Союзе и развить его наднациональность через усиление фактической способности Комиссии действовать в общих интересах. Если бы инициирование таких споров воспринималось как рутинное выполнение функции Комиссии по мониторингу и контролю исполнения союзного права, это также можно было бы считать положительным эффектом[18]. Это способствовало бы снятию политического напряжения между государствами-членами, которые в настоящее время при рассмотрении дел в Суде располагают лишь возможностью прямого противостояния, без участия посредников. К тому же подобная компетенция суда интеграционного объединения

[17] См. Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза в действии : интервью / Т. Н. Нешатаева // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9. – С. 12; Дьяченко, Е. Б. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность / Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин // Международное правосудие. – 2017. – № 3 (23). – С. 80.

[18] Положение о Евразийской экономической комиссии, приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Положение о ЕЭК), пп. 4 п. 43.

уже давно хорошо зарекомендовала себя в Европейском союзе[19].

Предложение о наделении Комиссии соответствующей компетенцией нашло отражение в Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года (Стратегия-2025)[20]. Однако, насколько известно, это направление пока не реализовано.

Государства-члены проявляют осторожность в решении данного вопроса. Можно предположить, что оно потребует готовности всех участников интеграции, включая Комиссию. В определенной мере (но это, конечно, не единственное соображение) на оценку готовности в будущем может повлиять накопление ею опыта процессуального участия в спорах, который, что примечательно, с каждым годом возрастает. Так, ЕЭК часто выступает как в роли ответчика в делах с участием хозяйствующих субъектов, так и в качестве заявителя при подаче жалоб в Апелляционную палату Суда[21].

Представляется, что на данном этапе – в *самом начале нового десятилетия работы Суда* – ценными могут оказаться не

---

[19] Договор о функционировании Европейского союза от 11 декабря 2007 г. (ДФЕС), ст. 258; Chalmers, D. European Union Law. Cases and Materials / D. Chalmers, G. Davies, G. Monti. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – P. 315–316.

[20] Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 (Стратегия-2025).

[21] Статистические данные о деятельности Суда ЕАЭС за 2015–2024 годы по состоянию на 31 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/analytics/#statistics. – Дата доступа: 01.02.2025.

только споры о необходимости данного полномочия, но и размышления о том, каким образом оно могло бы быть реализовано и воспринято на практике. Возможно, определение оптимальных параметров данной компетенции могло бы оживить интерес к этому вопросу.

Во-первых, сомнения в готовности государств-членов и Комиссии можно попробовать устранить посредством постепенного наделения Комиссии таким полномочием. Таким осторожным методом можно будет проверить на практике эффективность предлагаемых изменений. На первом этапе право обращения в Суд должно быть ограничено, а предметная компетенция не должна быть *mutatis mutandis* аналогична той, которая есть в случае межгосударственных споров[22]. Стратегия-2025 также предлагает более узкий вариант компетенции Суда[23].

Во-вторых, для такой проверки эффективности предложения необходимо определить конкретный вопрос, который можно отнести к компетенции Суда. Возможно, таким вопросом

---

[22] Пункт 39 Статута относит в предметную компетенцию Суда по спорам государств-членов друг с другом рассмотрение заявлений «о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений».

[23] В пункте 9.1.3 Стратегии-2025 предусмотрено «[н]аделение Коллегии Комиссии правом обращаться в Суд Союза при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза».

могло бы стать нечто, что явилось бы *прямым* продолжением полномочий Комиссии по мониторингу и контролю исполнения союзного права. Обращение в Суд может оказаться полезным в случаях, когда существуют основания полагать, что государство-член не исполняет обязательства и не меняет свое поведение после реализации Комиссией имеющихся на сегодняшний день полномочий по мониторингу и контролю за исполнением союзного права, т. е. в ситуациях, когда она исчерпала все средства правового воздействия. Пожалуй, последним таким средством является решение Комиссии о необходимости исполнения соответствующих положений права ЕАЭС, адресованное государству-члену[24]. Проверку действий (бездействия) государств-членов, квалифицированных Комиссией как неисполнение таких решений, предлагается определить в качестве предметной компетенции Суда. Для большей определенности предметную компетенцию Суда можно ограничить вопросами функционирования внутреннего рынка Союза, поскольку в этой сфере наиболее полно произошла передача компетенций на наднациональный уровень.

В-третьих, обязательный досудебный порядок урегулирования спора должен сохраняться, но для него требуется разработка отдельной схемы с несколькими последовательными этапами. Например, сначала государству-члену должно быть направлено:

[24] Положение о ЕЭК, пп. 4 п. 43. См. О выполнении Кыргызской Республикой обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза : решение Коллегии ЕЭК от 29 июня 2021 г. № 81.

• официальное уведомление о необходимости исполнения упомянутого решения ЕЭК в течение определенного срока;

• по истечении этого срока, до обращения в Суд, Комиссия обязана вынести мотивированное заключение по данному вопросу.

Рекомендуемые процессуальные шаги похожи на те, что применяет ЕЭК в рамках своих полномочий по мониторингу и контролю[25], а в Европейском союзе – Европейская комиссия в разбирательствах против государств-членов[26].

Уточненный порядок досудебного урегулирования споров создаст возможности для более мягкого устранения выявленных нарушений еще до обращения в Суд. На каждом этапе ЕЭК должна обладать дискреционными полномочиями для проведения неформальных консультаций, а также для инициирования соответствующих стадий данного порядка и перехода от одного этапа к другому. Кроме того, на каждом этапе у государств сохранится возможность исполнения решения. Предполагается, что все это послужит своеобразным фильтром на пути к Суду, благодаря чему до него будут доходить только те споры, которые не могут быть разрешены иными способами.

Если же государство-член не согласно с Комиссией, оно может самостоятельно задействовать уже существующую процедуру в Суде, обжаловав первоначальное решение ЕЭК. Данная процедура еще ни разу не была задействована, но так

---

[25] Положение о ЕЭК, пп. 2–3, 5 п. 55; решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 г. по делу Ойл Марин Групп (об оспаривании бездействия ЕЭК), раздел VI.

[26] ДФЕС, ст. 258; Communication from the European Commission – EU Law: Better Results through Better Application. 2017/C 18/02, Section 3.

государство-член могло бы выступить в качестве заявителя по спору, а не ответчика, что для него могло бы быть удобнее.

Таким образом, предлагается рассмотреть три элемента возможного наделения Комиссии правом обращаться в Суд против государств-членов:

- поступательное введение данного права;
- ограничение предметной компетенции Суда;
- разработка уточненного досудебного порядка урегулирования споров.

Заключение

В данной статье рассмотрено два вопроса расширения компетенции Суда для последующего развития интеграционных процессов в Союзе. Во-первых, для этого можно расширить доступ к консультативной функции Суда, увеличив круг заявителей из государств-членов. Во-вторых, на рассмотрение вынесены соображения о возможных оптимальных параметрах компетенции Суда по заявлениям Комиссии в отношении действий (бездействия) государств-членов (если такое решение будет принято).

Представленные рассуждения о консультативной функции и обращении Комиссии в Суд подчеркивают важность восприятия Союза как пространства диалога и постоянного достижения компромисса в условиях сотрудничества между государствами-членами и органами ЕАЭС, основанного на взаимном уважении интересов. Это понимание уже внесло значительный вклад в развитие интеграции в целом и судебной практики Союза в частности и, хочется верить, продолжит оставаться важным ориентиром для дальнейшей работы Суда, в новом десятилетии и в более далеком будущем.

Формирование судейского корпуса органов международной юстиции: проекция на Суд ЕАЭС

Ю. А. Лепешков
доцент кафедры комплексного изучения развития КНР факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Позвольте присоединиться к словам благодарности в адрес Суда, которые сегодня уже неоднократно звучали из уст предыдущих докладчиков, за приглашение выступить на столь представительном международном форуме, приуроченном к 10-летию Договора о ЕАЭС.

Основная идея моего выступления – поделиться с вами своими размышлениями относительно того, что полезного, заслуживающего внимания можно было бы использовать, естественно, через призму критического анализа, в правосудии на евразийском пространстве, опираясь на опыт других международных судов, но не ограничиваясь при этом только лишь судебными органами, созданными в рамках региональных интеграционных объединений, хотя, вероятно, в первую очередь делая акцент именно на таковых. С учетом обозначенной темы доклада основное внимание планируется уделить порядку (механизму, модели) формирования судейского корпуса органов международной юстиции. Наряду с этим попутно хотелось бы

затронуть и такие важные аспекты, как срок полномочий судей, квалификационные требования к ним, возможность переизбрания (переназначения) судей, а также ротация судейского состава.

Некоторые из сегодняшних докладчиков, выступавших на первой части нашего заседания, уже акцентировали внимание на том, что существует достаточно большое количество принятых и действующих документов, которые внесли за эти 10 лет довольно существенные изменения в Договор о ЕАЭС. И я по-хорошему завидую их оптимизму, когда слышу о том, что вот у нас там во втором протоколе есть новации по части антимонопольных правил, в третьем – изменения, касающиеся технического регулирования, и т. п.

К сожалению, несмотря на то, что разговоры о некой оптимизации Суда в разных аспектах – институциональных, процессуальных – ведутся уже достаточно давно, а также невзирая на наличие четырех т. н. больших протоколов к Договору о ЕАЭС, три из которых на данный момент уже вступили в силу, в том, что касается Суда и в целом судебной деятельности, судебного механизма, судебной системы, какие-либо результаты по части их обновления (модернизации) отсутствуют[1]. И это довольно странно с учетом того, что данная проблематика уже который

[1] В октябре текущего года Советом Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) одобрен и направлен в государства – члены Союза для проведения внутригосударственных процедур, необходимых для его подписания, проект нового Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС («IV Большой» Протокол), который, увы, как и три предыдущих «больших» протокола, не касается Суда ни коим образом (см.: Распоряжение

год не только обсуждается на конференциях, среди экспертов, а также уполномоченными на то представителями государств – членов Союза, но и получила отражение в некоторых важных, пусть и программных по своей направленности документах.

Речь, в частности, идет о следующих двух связанных друг с другом международных актах, принятых с разбежкой всего в два года. Первый из них – это Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза[2], где лишь в самом общем виде акцентировано внимание на необходимости «принятия амбициозных решений по… совершенствованию институтов ЕАЭС», а также «обеспечения максимально действенной институциональной системы ЕАЭС… и повышения ее эффективности», однако ни коим образом не конкретизированы те или иные идеи, мысли, предложения по поводу того, как именно следовало бы оптимизировать судебный орган Союза. Второй документ – Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.[3] (далее – Стратегия-2025, Стратегия) – по сравнению с первым гораздо более информативен, т. к. в нем раскрыты конкретные механизмы и мероприятия по реализации вышеупомянутой Декларации и, в отличие от последней, прямо указано на необходимость «повышения эффективности

Совета ЕЭК от 18 октября 2024 г. № 31 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.»).

[2] Принята главами государств – членов Союза по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета (далее – Высший совет) 6 декабря 2018 г.

[3] Утверждены решением Высшего совета от 11 декабря 2020 г. № 12.

судебной системы ЕАЭС» (п. 9.2) посредством, среди прочего, проработки вопросов, касающихся совершенствования механизма отбора и назначения судей, а также совершенствования квалификационных требований к ним (подп. 9.2.3).

Кроме того, как известно, менее года назад главами государств – членов Союза был подписан еще один значимый программный документ – Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь»[4]. Однако в нем, к сожалению, отсутствует упоминание о Суде, в отличие, например, от Комиссии, в контексте повышения эффективности деятельности которой в качестве релевантных мер предусмотрены усиление ответственности за принимаемые решения, повышение прозрачности работы, совершенствование процедур ротации членов Коллегии ЕЭК, обеспечение их профессиональной деятельности на основе принципов независимости и беспристрастности. Как представляется, многое из перечисленного выше вполне применимо и к Суду Союза, особенно в свете обозначенной в Стратегии-2025 задачи – повышения эффективности судебной системы ЕАЭС, без решения которой будет сложно достичь поставленной цели, а именно сформировать «максимально действенную институциональную систему Союза, гарантирующую выполнение принятых договоренностей» (Стратегия, направление 9).

Проблематика, обозначенная в теме моего выступления, – формирование органов международной юстиции в целом и Суда ЕАЭС в частности – напрямую связана с таким важным

[4] Принята на заседании Высшего совета 25 декабря 2023 г.

элементом, как независимость международного судебного учреждения. И, на наш взгляд, то, каким образом такой орган формируется в широком понимании этого процесса, т. е. не только с акцентом на соответствующем механизме (порядке, модели), а в целом, охватывая и ряд других аспектов его последующей деятельности, с точки зрения обеспечения независимого правосудия на международной арене, – весьма значимая составляющая.

Как известно, проблематике статуса судей, включая вопросы их независимости, на сегодняшний день уделено внимание в достаточно значительном количестве международно-правовых актов. Таких документов, принятых как на межгосударственном (в том числе на площадке ООН), так и на неправительственном уровне, можно насчитать не менее полутора десятков. В числе наиболее известных и авторитетных из них – Основные принципы независимости судебных органов (одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1985 г.), Процедуры эффективного осуществления названных Основных принципов (одобрены резолюцией ЭКОСОС ООН в 1989 г.), Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией ЭКОСОС ООН в 2006 г.), закрепившие, в частности, стандарты этического поведения судей, а именно независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, равенство, компетентность и старательность[5]. Более того, упоми-

[5] Важно подчеркнуть, что в тексте Бангалорских принципов поведения судей принцип независимости не случайно упомянут первым, ибо, как совершенно справедливо указали разработчики данного документа, «независимость судебных органов является предпосылкой обеспечения правопорядка и основной гарантией справедливого разрешения дела в суде».

нание о принципе независимости, наряду с другими важными принципами, содержится также непосредственно в Статуте Суда ЕАЭС (п. 53 и п. 69), а также в его Регламенте (ст. 19), о чем, я думаю, всем присутствующим в этом зале хорошо известно.

Как представляется, наиболее важную роль в контексте обеспечения независимости судебного органа и независимого правосудия в целом играет порядок формирования судейского состава (корпуса, реестра). По нашему мнению, механизм формирования – это один из ключевых индикаторов того, можно ли считать тот или иной судебный орган реально независимым. Иными словами, определяющий элемент независимости при осуществлении международного правосудия в том, являются ли судьи в полной мере самостоятельными, не подконтрольны (подотчетны) ли они государству гражданства.

Современное международное правосудие демонстрирует две основные разновидности рассматриваемого механизма: по назначению и в результате избрания. Если попытаться по максимуму охватить существующие в наши дни международные суды, можно увидеть немало примеров использования как одной, так и другой модели. В большинстве случаев судейский корпус органов международной юстиции формируется посредством избрания[6], и эта модель, с нашей точки зрения,

[6] В качестве примеров использования данной модели можно отметить Международный Суд ООН, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд справедливости и прав человека, Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов.

выглядит предпочтительнее как в силу ее большей демократичности и прозрачности, так и по причине того, что позволяет в значительной степени минимизировать влияние на судей со стороны тех субъектов, от волеизъявления которых зависит их избрание, а значит, способна обеспечить их большую независимость[7]. Тем не менее в случае целенаправленного сужения исследовательских рамок исключительно до органов т. н. интеграционной юстиции обнаруживается преобладание назначения на судейские должности.

Суд ЕАЭС, как известно, относится к тем судебным учреждениям, которые, будучи органами интеграционного правосудия, формируются именно по принципу назначения[8]. Однако среди таковых имеются и определенные различия. Так, судьи Суда ЕАЭС согласно п. 10 его Статута назначаются на должности Высшим советом по представлению государств – членов Союза. Соответственно, страны ЕАЭС вправе лишь рекомендовать тех или иных лиц из числа собственных граждан для назначения на судейские должности, однако окончательное решение этого вопроса остается за Союзом как межгосударственным объединением в лице его высшего органа.

---

[7] См. Лепешков, Ю. А. Формирование органов международного правосудия в контексте обеспечения принципа независимости судей (на примере судов региональных интеграционных объединений) / Ю. А. Лепешков // Демократизация и права человека. – 2022. – Вып. 4. – С. 142–148.

[8] Данный принцип, помимо Суда ЕАЭС, используется также при формировании судейского корпуса в судебных органах Европейского союза, Европейской ассоциации свободой торговли, Андского сообщества и ряда других региональных интеграционных объединений.

Вместе с тем имеются и другие примеры интеграционных судов, демонстрирующие в контексте формирования их судейского корпуса более ощутимые, на наш взгляд, преимущества с точки зрения обеспечения независимости судей. В частности, можно вспомнить Суд Евразийского экономического сообщества – предшественника Суда Союза, функционировавшего в период с 2012 по 2014 г., судьи которого назначались на должности Межпарламентской Ассамблеей ЕврАзЭС по представлению высшего органа этой международной организации – Межгосударственного совета (на уровне глав государств). Еще один подобный пример – Суд Союзного государства, предусмотренный белорусско-российским Договором 1999 г., судьи которого назначаются Парламентом Союзного государства по представлению его высшего органа – Высшего государственного совета[9]. Как нетрудно заметить, механизм формирования судейского корпуса обоих упомянутых выше интеграционных судов в целом схож с порядком назначения судей Суда ЕАЭС. Однако есть и отличие, заключающееся в том, что решение данного вопроса не являлось / является прерогативой высших, а относилось / отнесено к компетенции иных органов соответствующих межгосударственных объединений – органа межпарламентского сотрудничества ЕврАзЭС, а также представительного и законодательного органа Союзного государства. Указанная особенность формирования

[9] Договор о Союзном государстве вступил в силу в январе 2000 г., однако ни Парламент, ни Суд, им предусмотренные, до настоящего времени не сформированы.

судейского корпуса, с нашей точки зрения, несколько добавляла / добавляет независимости как экс-судьям Суда ЕврАзЭС, так и будущим судьям Суда Союзного государства по сравнению с судьями Суда ЕАЭС.

Еще одним примером, на котором хотелось бы заострить внимание, является Суд Европейского союза – один из старейших международных судебных органов, уже достаточно давно зарекомендовавший себя своеобразным эталоном региональной интеграционной юстиции. Согласно ст. 253 Договора о функционировании Европейского союза[10] судьи Суда ЕС назначаются с общего согласия правительств государств – членов Европейского союза после консультаций с комитетом, предусмотренным ст. 255 этого же договора. С одной стороны, Суд ЕС с точки зрения обеспечения его независимости находится в более уязвимом положении по сравнению с Судом ЕАЭС, ибо окончательное решение о назначении судей Суда ЕС принимается, пусть и сообща, на коллективной основе, но все же самими странами Евросоюза, в то время как в ЕАЭС налицо международный элемент – волеизъявление высшего органа межправительственной организации. Однако, с другой стороны, эта уязвимость, на наш взгляд, успешно нивелируется относительно недавно появившейся необходимостью до назначения судей Суда ЕС обращаться к специальному международному органу[11], уполномоченному

[10] Является наряду с Договором о Европейском союзе составной частью Лиссабонского договора 2007 г., вступившего в силу в 2009 г.

[11] Формируется в составе 7 человек из числа бывших судей Суда ЕС, судей национальных верховных судов, а также юристов с признанной

давать заключение о пригодности кандидатов для занятия должности судьи.

Следует отметить, что появление вышеупомянутого комитета, образно названного профессором Л. М. Энтиным советом мудрецов[12], в механизме назначения судей Суда ЕС стало одной из новаций Лиссабонского договора 2007 г., продолжившего курс, взятый еще Договором Ниццы 2001 г., на реформирование судебной системы Европейского союза. И хотя мнение данного экспертного органа о пригодности кандидата для занятия должности судьи Суда ЕС имеет для национальных правительств сугубо рекомендательный характер и, соответственно, не обязывает следовать ему при принятии окончательного решения, значимость этого комитета для обеспечения независимого правосудия в Европейском союзе весьма велика. Данное утверждение основано на том, что страны ЕС не вправе произвести назначение на должность судьи, пока не получат от комитета мотивированный ответ на свое обращение по запрашиваемой кандидатуре. Более того, сама по себе необходимость предварительно консультироваться с упомянутым международным органом все-таки побуждает почти три десятка правительств

компетентностью и осуществляет свою деятельность в соответствии с правилами, установленными Советом Европейского союза (см. Council Decision № 2010/124/EU of 25 February 2010 relating to the operating rules of the panel provided for in Article 255 of the Treaty on the Functioning of the European Union).

[12] Энтин, Л. М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы / Л. М. Энтин. – М. : Аксиом, 2009. – С. 243.

прислушиваться к мнению уважаемых и авторитетных профессионалов[13].

А теперь хотелось бы кратко коснуться и других важных в контексте заявленной темы аспектов, обозначенных ранее, таких как срок полномочий судей международных судов, квалификационные требования к ним, возможность переизбрания (переназначения) судей, а также ротация судейского состава.

Не является секретом тот факт, что в части срока полномочий судей имеет место довольно значительная дифференциация среди существующих органов международной юстиции. Например, т. н. каденция судей Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов составляет 4 года[14], судей Суда ЕС, Суда Европейской ассоциации свободной торговли, Суда Андского сообщества, Межамериканского суда по правам человека, Африканского суда справедливости и прав человека – 6 лет[15], судей Международного Суда ООН, Международного уголовного суда, Международного трибунала по морскому праву, Европейского суда по правам человека, Суда ЕАЭС – 9 лет, судей Центральноамериканского суда, Экономического Суда СНГ – 10 лет.

Как нетрудно заметить, Суд ЕАЭС в рассматриваемом аспекте во многом уникален, ибо для большинства органов

---

[13] См. Лепешков, Ю. А. Указ. соч. – С. 146–147.

[14] На аналогичный промежуток времени избирались и судьи двух его предшественников – международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

[15] Такой же срок полномочий был у судей Суда ЕврАзЭС, а также предусмотрен для будущих судей Суда Союзного государства.

региональной интеграционной юстиции характерен 6-летний судейский мандат, в то время как в Суде Союза даже в сравнении с его предшественником – Судом ЕврАзЭС – предусмотрен в полтора раза больший срок[16]. Плохо это или хорошо? С нашей точки зрения, подобное является несомненным плюсом, так как позволяет судьям Суда ЕАЭС, имея в запасе не 6, а 9 лет, гораздо глубже и обстоятельнее вникнуть в ту правовую проблематику, которой они на протяжении всей своей каденции призваны заниматься.

Что касается квалификационных требований к судьям Суда Союза, напомню, что в Стратегии-2025 непосредственно акцентировано внимание на необходимости проработки вопросов, касающихся их совершенствования. Мною на отдельном слайде представлены наиболее часто встречающиеся в статутных документах международных судов указания на эти требования. В их числе высокие моральные качества, беспристрастность и независимость, признанная компетенция (высокая квалификация) в области права (международного и/или внутригосударственного, а в некоторых случаях – в зависимости от профиля международного судебного органа – уголовного, гуманитарного, таможенного и т. п.), а также, что очень часто мы наблюдаем, соответствие требованиям, предъявляемым в государствах для назначения на высшие судебные должности.

[16] Было бы даже интересно узнать у тех, кто обладает соответствующей информацией, как в свое время удалось 6-летний срок полномочий судей Суда ЕврАзЭС увеличить столь значительно при осуществлении «замены» последнего на Суд ЕАЭС.

Как известно, практически все из перечисленного выше получило закрепление в Статуте Суда ЕАЭС (п. 9). Исключение составляет лишь критерий беспристрастности и независимости. Это, вероятно, связано с тем, что квалификационные требования к судьям Суда Союза просто-напросто перекочевали в его Статут из Статута предшественника – Суда ЕврАзЭС, в котором о беспристрастности и независимости также упомянуто не было (ст. 4). Вместе с тем, если сопоставить друг с другом релевантные положения обоих названных документов, можно увидеть, что в части необходимости соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов, соответствующая правовая конструкция в Статуте Суда Союза сформулирована более гибко, а именно через оговорку «как правило». Иными словами, данный критерий не является абсолютным, строго обязательным, и вполне допустимо назначение судьей Суда ЕАЭС лица, которое по тем или иным причинам не может претендовать на занятие высших судебных должностей в свой стране.

Предпоследний аспект, который хотелось бы вскользь затронуть, – это возможность переизбрания (переназначения) судей на новый срок. Существуют разные точки зрения на этот счет и, соответственно, как аргументы за, так и против фиксации указанной возможности в статутных документах международных судов[17]. Не вдаваясь в существо данной дискуссии, стоит,

[17] Например, один из наиболее часто приводимых противниками данной правовой конструкции аргументов заключается в том, что возможность переизбрания (переназначения) судей препятствует обновлению судейского корпуса.

тем не менее, отметить использование на практике различных моделей поведения в этом вопросе.

Во-первых, есть такие органы международной юстиции, в которых переизбрание (переназначение) судей, будучи прямо предусмотренным, никакими ограничениями не сопровождается, т. е. это возможно и к тому же сколько угодно раз (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Суд ЕС, Суд Европейской ассоциации свободной торговли, органы международной уголовной юрисдикции). Встречается и более строгая формула, когда переизбрание (переназначение) также предусмотрено, но только один раз (Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд справедливости и прав человека, Суд Андского сообщества, будущий Суд Союзного государства). Наконец, имеются и противоположные вышеуказанным примеры международных судебных учреждений, в статутных документах которых установлен запрет на переизбрание (переназначение) судей (Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека).

В самой же уникальной, с нашей точки зрения, ситуации оказались как раз-таки органы международной юстиции, созданные на постсоветском пространстве, а именно Суд ЕАЭС и его предшественник – Суд ЕврАзЭС, а также Экономический Суд СНГ. В частности, применительно к названным судебным учреждениям рассматриваемый аспект ни коим образом не урегулирован, в связи с чем ответить на вопрос о том, могут или нет быть переназначены на новый срок работающие в них судьи, категорически и однозначно весьма сложно. Есть те, кто руководствуется в данном случае всем известным юридическим

постулатом «что не запрещено, то разрешено». Мы же придерживаемся иной точки зрения, согласно которой международный суд – это такой орган, который требует максимальной институциональной и процессуальной формализации. Соответственно, возможность переизбрания (переназначения) судей не может являться подразумеваемой и должна быть прямо прописана в его статутном документе, если планируется ее использовать на практике.

И последнее, на что следует обратить внимание в контексте заявленной темы, это упомянутая выше плановая ротация судейского корпуса, когда при его первоначальном формировании часть судей избирается (назначается) на полный срок, а другая часть – на ограниченный, что исключает в последующем одномоментную смену всего судейского состава, обеспечивая тем самым его постепенное, плавное обновление. Подобное, в частности, предусмотрено в целом ряде органов международной юстиции: Международном Суде ООН, Международном уголовном суде, Международном трибунале по морскому праву, Суде ЕС, Африканском суде справедливости и прав человека, Суде Андского сообщества, а также в будущем Суде Союзного государства.

В Суде ЕАЭС по аналогии с его предшественником – Судом ЕврАзЭС – плановая ротация судейского корпуса, к сожалению, отсутствует, как в принципе и в некоторых других органах, осуществляющих международное правосудие[18]. Вме-

[18] К числу таковых относятся, в частности, Суд Европейской ассоциации свободной торговли, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Экономический Суд СНГ, Международный

сте с тем, как нам кажется, этот элемент весьма важен для обеспечения должной преемственности в работе судебного учреждения, осуществляющего свою деятельность на коллегиальной основе, в связи с чем о перспективах его возможного внедрения в судебный механизм Союза стоило бы серьезно подумать.

Подводя итог своему выступлению, хотел бы подчеркнуть, что с целью реализации Стратегии-2025, провозгласившей курс на повышение эффективности судебной системы ЕАЭС и предусмотревшей для достижения этой цели ряд конкретных шагов, весной 2021 г. Советом ЕЭК был утвержден соответствующий план мероприятий, установивший конкретные сроки их исполнения и форму реализации[19]. Применительно к подп. 9.2.3 Стратегии, в котором, напомню, акцентировано внимание на необходимости проработки вопросов, касающихся совершенствования механизма отбора и назначения судей Суда Союза, а также квалификационных требований к ним, предусмотрены, в частности, проведение анализа и подготовка доклада по данному вопросу Правовым департаментом Комиссии (до 31 декабря 2021 г.), а также внесение при необходимости изменений в Договор о ЕАЭС (до 31 декабря 2023 г.). Однако, как уже было отмечено ранее, никаких корректировок

остаточный механизм для уголовных трибуналов, а также два его предшественника – международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде.

[19] См. О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. : распоряжение Совета ЕЭК от 5 апреля 2021 г. № 4.

по части судебной системы Союза названный Договор до настоящего времени так и не претерпел, как, впрочем, отсутствует в публичном доступе и какая-либо информация о проведении анализа и подготовке доклада по рассматриваемому вопросу.

С учетом вышеизложенного, а также в интересах обеспечения своевременного выполнения плана мероприятий по реализации Стратегии-2025 и, как следствие, решения поставленной в ней задачи – повысить эффективность судебной системы ЕАЭС – считаем необходимой активизацию усилий государств-членов и органов Союза, предпринимаемых ими в ходе продолжающейся работы по совершенствованию положений Договора о ЕАЭС. Наряду с этим в развитие положений, предусмотренных подп. 9.2.3 Стратегии, а также с целью использования в евразийском регионе передового международного опыта полагаем целесообразным проработку ряда дополнительных вопросов (мер) на предмет их возможной имплементации в рамках судебной системы Союза:

переход в части приобретения статуса судьи от модели «по назначению» к выборной системе;

создание консультативного комитета из числа экс-судей Суда ЕАЭС, уполномоченного давать заключение о пригодности кандидатов для занятия должности судьи до момента назначения (избрания);

дополнение перечня квалификационных требований к судьям Суда Союза, предусмотренного п. 9 Статута, необходимостью соответствия критерию беспристрастности и независимости;

закрепление в Статуте возможности однократного повторного назначения (избрания) судьи, принимая во внимание уже имеющуюся практику использования данного механизма[20];

введение плановой ротации судейского корпуса.

Благодарю за внимание!

[20] Как известно, в новом составе Суда ЕАЭС, приступившем к выполнению своих обязанностей с 1 января 2024 г., присутствует один переназначенный на новый срок полномочий судья.

Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза: на пути к диалогу

О. В. Кадышева
и. о. заведующего кафедрой международного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Что понимается под исполнением акта органа международного правосудия – постсудебная стадия разрешения спора, связанная с деятельностью самого суда, или политические действия сторон спора, направленные на соблюдение обязательства по исполнению судебного акта? Когда суд выносит решение по существу спора, стороны должны либо совершить какое-либо ретроактивное или перспективное действие, либо воздержаться от совершения действий, которые будут представлять собой исполнение решения суда. Поэтому исполнение решения – это не вопрос функционирования суда, это вопрос действий сторон спора. В каждом случае государства самостоятельно определяют механизмы исполнения решений органов международного правосудия и, соответственно, степень собственной вовлеченности в данный процесс. Поэтому в международном праве исполнение вынесенного международным судом решения всегда зависит от согласия государств.

Если обратиться к мировому опыту исполнения решений международных судов, то можно заметить, что в современном международном правосудии отсутствует какой-

либо шаблон в отношении исполнения выносимых международными судами решений. Например, в Международном Суде ООН монополия на контроль над исполнением решений принадлежит Совету Безопасности ООН (ст. 94 Устава ООН), однако на практике эти полномочия СБ ООН мало функциональны. В Межамериканском суде по правам человека Суд может обратиться к Генеральной Ассамблее ООН в случае неисполнения своих решений (ст. 54 Американской конвенции по правам человека 1969 г.), но на практике государства ограничиваются кратким обсуждением на Генеральной Ассамблее ООН вопросов неисполнения. В Европейском суде по правам человека вопросы исполнения решений контролирует Комитет Министров Совета Европы, т. е. сами государства; существует возможность применения санкций и право Комитета Министров поставить перед ЕСПЧ вопрос о подтверждении неисполнения. У Суда Европейского союза есть право по заявлению Комиссии применять финансовые санкции к государствам, не исполнившим его решения. Орган по разрешению споров ВТО в виде всех государств – участников ВТО вовлечен в процесс исполнения рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа, потому что именно он принимает отчеты об исполнении и дает разрешение на применение ответных уступок в случае неисполнения рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа. Кроме того, ст. 21(5) ДРС предусматривает, что стороны обязаны передать спор о соблюдении обязательств на рассмотрение новой (или ранее учрежденной) третейской группы, которая и определит, приняты ли меры

для соблюдения обязательств и соответствуют ли они ранее данным рекомендациям, причем любая из сторон может обжаловать выводы группы[1].

Суды региональных интеграционных объединений (Европейский союз, Евразийский экономический союз) имеют свои ярко выраженные особенности. В рамках этих объединений функционируют специальные наднациональные органы (например, Европейская комиссия – в ЕС, Евразийская экономическая комиссия – в ЕАЭС). Эти органы наделены правом принимать общеобязательные нормативные акты, полностью замещающие соответствующие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств-членов, включая частных лиц, такого объединения и их национальными судами. Постоянно действующий суд в таком объединении создается именно для осуществления контроля над правомерностью этих общеобязательных актов органов объединения.

В соответствии с п. 100 Статута Суда ЕАЭС по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 2 п. 39 Статута

---

[1] По состоянию на 31 декабря 2023 г. группа по исполнению была создана в 52 споре (т. е. в 18 % споров, по которым был подготовлен доклад группы). В 33 из этих споров (т. е. в 63 % случаев, когда была создана третейская группы проверки исполнения) отчет группы был обжалован в апелляционной порядке). Статистические данные приведены на официальном сайте ВТО. См. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 11.01.2025.

Суда, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Евразийской экономической комиссией, а в силу п. 103 Статута Суда ЕАЭС стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения.

Роль Суда в процессе исполнения решений сведена к достаточно ограниченному кругу действий. Суд вправе установить срок для исполнения своего решения (абз. 3 п. 111 Статута Суда), приостановить действие решения Комиссии при наличии соответствующего ходатайства хозяйствующего субъекта (п. 112 Статута Суда; решением Коллегии Суда ЕАЭС по делу ООО «Польские машины» от 08.12.2022 было приостановлено решение ЕЭК) и наконец обратиться в Высший Евразийский экономический совет о принятии мер по исполнению решения Суда при наличии соответствующего ходатайства (п. 115 Статута Суда) стороны спора. В последнем случае стоит отметить, что Суд ЕАЭС до настоящего времени ни разу не воспользовался правом обращения в Высший Евразийский экономический совет, несмотря на обращение хозяйствующих субъектов с соответствующими ходатайствами[2].

Следуя логике Статута Суда ЕАЭС, стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения, т. е. существует дискреция, в частности Комиссии, по выбору формы и способа исполнения решения Суда. Но каковы пределы этой дискреции? И что считать результатом исполнения

[2] См. дело ООО «Шиптрейд», карточка дела С-1/19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/. – Дата доступа: 10.01.2025.

решения Суда? С какой целью в Договоре о ЕАЭС предусмотрено право Суда приостанавливать оспоренные решение ЕЭК?

В данном контексте не стоит забывать и достаточно жесткую формальную позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «акты Суда о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений»[3].

С момента создания Суда ЕАЭС им были выработаны правовые позиции[4], которые представляют собой последовательное и единообразное мнение Суда по вопросу исполнения вынесенных им решений. Во-первых, дискреция Комиссии по выбору формы и способа исполнения решения Суда ограничена Договором, в том числе и положениями

---

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав общества с ограниченной ответственностью “Производственное предприятие “Ремдизель” частью 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[4] Споры с участием ООО «Ойл Марин Групп», АО «СУЭК-КУЗБАСС», ООО «Польские машины», ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», ООО «Шиптрейд» и др. против ЕЭК.

о компетенции Суда. Во-вторых, исполнение решения Суда Комиссией… должно осуществляться без ущерба для правовой позиции Суда, что не допускает: а) замену оспоренного решения на новое решение аналогичного содержания; б) сохранение в праве Союза нормы, признанной Судом не соответствующей ему. В-третьих, принятие Комиссией нового решения аналогичного содержания означает неисполнение решения Суда. В-четвертых, решение Суда действует непосредственно и признание Судом несоответствия решения Комиссии праву Союза полностью должно иметь своим последствием утрату им юридической силы. В-пятых, Комиссия обязана исключить оспоренное решение из правовой системы Союза. И наконец, признанный вступившим в силу решением Суда не соответствующим праву Союза нормативный акт не подлежит дальнейшему применению, не может считаться действующим, влекущим юридические последствия.

Кроме того, на данном этапе рассмотрения вопросов, связанных с исполнением решений Суда, Суд пришел к выводу, что принятие мер во исполнение его решения путем внесения изменений в решение Комиссии или вынесения Комиссией нового решения не лишает хозяйствующих субъектов права на его оспаривание. И в этом случае выяснение Судом вопроса о реализации (исполнении) ранее вынесенного Судом Союза решения входит в пределы судебного разбирательства[5].

[5] Решение Апелляционной палаты Суда от 02.10.2023 по делу С-1/23 ТранспортейшнРус/Шиптрейдт [Электронный ресурс]. – П. 4.1.1. – Режим

Таким образом, до недавнего времени наилучшим вариантом Суд видел новое обращение субъекта в Суд ЕАЭС, но уже по поводу нового решения ЕЭК, пусть и принятого во исполнение решения Суда ЕАЭС. На наш взгляд, повторное обращение с заявлением об оспаривании уже фактически оспоренного решения ЕЭК только отчасти в парадигме реализации права на судебную защиту, но уж очень напоминает монументальный реализм в произведении А. Н. Толстого «Хождение по мукам», который может стать банальным «пинг-понгом». Поэтому данный путь вряд ли можно считать в полной мере оправданным, но в то же время полностью исключать его не стоит по причине меняющихся фактических обстоятельств, которые требуют самостоятельной оценки со стороны Суда.

Конечно, выше обозначенные правовые позиции Суда не остались и без критики. Например, судья А. А. Федорцов, следуя строго формальному и не лишенному логики подходу, в своих особых мнениях в делах ООО «Польские машины» и ООО «Шиптрейд» указывал, что «…у Комиссии имеется дискреция относительно порядка исполнения решения Суда, а у хозяйствующего субъекта – право ходатайствовать о принятии мер по исполнению решения Суда»[6] и что «такие утверждения… прямо противоречат пп. 102,

---

доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.23/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[6] Особое мнение судьи А. А. Федорцова от 08.12.2022. Дело по заявлению ООО «Польские машины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-6.22/. – Дата доступа: 10.01.2025.

103 и 111 Статута Суда, поскольку в соответствии с частью первой п. 111 Статута Суда действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда»[7].

Анализ практики Суда ЕАЭС по вопросу исполнения его решений позволяет заключить, что Суд дает однозначный сигнал Комиссии, что признание ее решения не соответствующим праву Союза – это не пустой звук, что формальное следование положениям Статута Суд не устраивает. Но рычагов воздействия на Комиссию Статут Суда не содержит, за исключением положений п. 115, по которому также формируется соответствующая практика. Например, в деле ООО «Шиптрейд» заявитель дважды обращался с подобным ходатайством. И данном случае содержательно и процессуально заслуживает внимания особое мнение судьи К. Л. Чайки к постановлению от 02.06.2023[8], в котором он указывает, что «…факт неисполнения Комиссией решения Суда является безусловным основанием для обращения Суда в Высший

[7] Особое мнение судьи А. А. Федорцова от 02.10.2023. Дело по заявлениям ООО «Транспортейшн Рус» и ООО «Шиптрейд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.23/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[8] Дело № С-1/19.

Евразийский экономический совет» и что «…отказав в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению решения Суда, Коллегия ограничила право общества на доступ к Суду и тем самым не обеспечила соблюдение его прав и свобод на уровне не ниже, чем он гарантирован государствами-членами»[9].

2024 г. – это год, когда произошло существенное обновление состава Суда ЕАЭС: в связи с истечением срока полномочий судьи первого состава Суда были освобождены от должностей, и с 1 января 2024 г. Суд функционирует в новом составе. Что изменилось в практике Суда по вопросам исполнения его решений? В этой связи очень показательно дело профессиональной организации бухгалтеров «Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан»[10].

Во-первых, Суд абсолютно однозначно дал понять, что контроль над исполнением решений Суда возможен только в рамках специальной процедуры: «…Коллегия Суда констатирует, что предметом правового регулирования решения № 98 является исполнение решения Коллегии Суда от 23 апреля 2024 г. В этой связи в части правоотношений Комиссии и хозяйствующих субъектов, возникающих по

[9] Особое мнение судьи К. Л. Чайки от 02.06.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[10] Карточки дел С-1/24 и С-9/24.

вопросам исполнения решений Суда Союза, положением п. 115 Статута Суда установлена самостоятельная юридическая процедура, не тождественная рассмотрению споров по существу»[11], что в определенной степени воспринимает ранее высказанную позицию судьи А. А. Федорцова, что «у Комиссии имеется дискреция относительно порядка исполнения решения Суда, а у хозяйствующего субъекта – право ходатайствовать о принятии мер по исполнению решения Суда»[12]. А во-вторых, Суд фактически дал толкование этой должной процедуры, этого контроля исполнения, указав, что «…обязательным условием обращения Суда в Высший Евразийский экономический совет с ходатайством о принятии мер по исполнению решения Суда является установление Судом факта неисполнения его решения Комиссией»[13], что также созвучно ранее высказанному мнению судьи

[11] Постановление Суда ЕАЭС от 15 октября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9.24/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[12] Особое мнение судьи А. А. Федорцова от 02.12.2022. Дело по заявлению ООО «Польские машины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-6.22/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[13] Постановление Суда ЕАЭС от 05 ноября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.24/. – Дата доступа: 10.01.2025.

К. Л. Чайки о том, что «факт неисполнения Комиссией решения Суда является безусловным основанием для обращения Суда в Высший Евразийский экономический совет»[14].

Согласно п. 115 Статута Суда в случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Суд по ходатайству хозяйствующего субъекта в течение 15 календарных дней с даты его поступления обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу. Следуя новой логике Суда, в рамках рассмотрения ходатайства об исполнении Суд Союза готов рассматривать вопрос об исполнении, «учитывая все позиций Суда по соответствующему делу»[15].

Что это? Создание своего рода compliance panel по аналогии правилам Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров ВТО? Однозначно, нет. Но это качественный скачок, филигранное толкование положений Статута Суда, позволяющее защитить права хозяйствующих субъектов и усилить роль Суда в контроле над исполнением его решений.

---

[14] Особое мнение судьи К. Л. Чайки от 02.06.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/. – Дата доступа: 10.01.2025.

[15] Постановление Суда ЕАЭС от 05 ноября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.24/. – Дата доступа: 10.01.2025.

Статут Суда устанавливает право ЕЭК самостоятельно избирать форму и способ исполнения решения Суда ЕАЭС, при этом степень дискреции ЕЭК при исполнении решений остается достаточно широкой. Это лишний раз подтверждает, что государства при создании Суда ЕАЭС не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде ЕАЭС. Однако это и не означает, что Суд готов исключить себя из области контроля над процессом исполнения решений.

Практика Суда ЕАЭС демонстрирует желание Суда изменить существующий предусмотренный Статутом Суда порядок исполнения его решений, что свидетельствует об определенном судейском активизме в данном вопросе. И это не сводится только к возможности реализации продекларированного права на обращение в Высший Евразийский экономический совет. Суд готов устанавливать факт неисполнения своего решения в рамках специальной процедуры, предусмотренной Статутом Суда. Это в прямом смысле предотвратит неизбежную необходимость для Высшего совета погружаться в детали принятого Судом решения, фактически обрекая себя на его пересмотр, не предусмотренный явным образом Статутом Суда. И, безусловно, усилит его роль как инициатора диалога с ЕЭК и, кроме того, с конституционными судами и национальными судами в вопросе исполнения своих решений. Совершенствование исполнения решений Суда ЕАЭС нуждается в комплексном подходе и осмыслении на тактическом и стратегическом уровне: путем изменения поведения хозяйствующих субъектов при участии в процессах

в национальных судах и Суде, а также путем совершенствования нормативного регулирования как на национальном уровне, так и на уровне Союза.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДА ЕАЭС, СУДА МФЦА И МАЦ

К. Кэмпбелл-Холт
регистратор и руководитель Аппарата Суда Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) и Международного арбитражного центра

Judges of the EAEU Court, distinguished guests, and colleagues!

I regret that I cannot be with you in person today, but I am honoured and grateful to have this opportunity to offer some brief remarks via video.

At the heart of any worthwhile economic union is the judiciary, safeguarding the rule of law and the integrity of the economic system. The judiciary plays an integral role in maintaining the foundation of a stable and prosperous society, particularly in regions experiencing rapid economic integration, as we are currently seeing in the Eurasian Economic Union (hereinafter as "EAEU").

Both the EAEU Court and my court in Astana, Kazakhstan, the Astana International Financial Centre Court (hereinafter as "AIFC Court"), serve a common goal: ensuring justice, stability, and the rule of law. The role of courts, especially those created to support economic integration and development, is critically important. I believe the EAEU Court will maintain uniformity and coherence in the application of EAEU legal framework, deciding disputes that arise between businesspeople and between the member states in the most effective manner. It will ensure that the laws governing the EAEU's economic activities are applied fairly and consistently

across borders. The role of international courts and judicial bodies, and the support they can appropriately provide each other with mutual cooperation, cannot be overstated.

The AIFC Court is a specialist international court resolving disputes involving private and state parties connected to investments and economic activities in Kazakhstan and throughout Eurasia. It commenced operations on the 1st of January 2018. It has 11 judges of the highest standing in the common law commercial world and recognised globally for independence and impartiality. The Court is also supported by the International Arbitration Centre (hereinafter as "IAC") in Astana, which has more than 50 arbitrators and mediators from the region and internationally. Independence is guaranteed by statute, and both institutions are supported by an outstanding administration.

Together, the AIFC Court and IAC have resolved more than 3,300 cases involving a broad range of commercial disputes and investors coming to Kazakhstan from 28 countries, including from all of the EAEU countries. Our Court judgments and arbitration awards are final. The applicable law is determined by the parties in each case and has included AIFC law, which is modelled on English common law and international best commercial practice, Kazakh law, and Russian law. The procedural rules are designed to avoid unnecessary complexity, delay, and cost. All court judgments, including those against the state of Kazakhstan, have been enforced to the full satisfaction of the parties, namely the foreign investors doing business in Kazakhstan and wider Eurasia region. Arrangements are also in place for international enforcement.

We have international standard premises in Astana and access to premises in Almaty and eight other countries in Eurasia and China.

All premises are equipped with top cutting-edge digital technology and all the relevant physical apparat including meeting rooms, hearing rooms and office facilities. Investors coming to Kazakhstan and the wider Eurasia region, some coming to our country with hundreds of millions of dollars' worth of investments, have reported and are increasingly reporting that the very presence of the AIFC Court and IAC have become literally deal-breakers for attracting investments to Kazakhstan. Without this Court and Arbitration IAC these investors are telling us that they will not be coming to invest in Kazakhstan or the wider Eurasia region.

We consider the AIFC Court and IAC to be truly world-class and they are currently serving as centres of excellence for the wider Eurasia region on judicial matters. As we move forwards, the interaction between the courts and centres of legal thought within the EAEU will become increasingly significant. The sharing of knowledge, legal principles, and jurisprudence will not only enhance the practice of law but also ensure the uniformity, and therefore we hope also certainty of legal interpretations across the region for all people.

The AIFC Court and IAC have already established very strong cooperation with courts and judicial bodies across the world. We see great potential to further strengthen our cooperation with the EAEU Court and with other regional legal institutions. Our shared commitment to the highest possible judicial standards, and our joint dedication to innovation in legal and judicial services will enable us together to provide unique judicial services and overall value for the people of Eurasia.

The future of the EAEU is clearly very bright indeed, and legal institutions, including the EAEU Court and our AIFC Court

and IAC in Astana, Kazakhstan, will, I truly believe, play an increasingly significant role in jointly promoting the rule of law and protecting the interests of people in the EAEU and wider world. Our collective judicial efforts and cooperation will, I am sure, provide the foundation for what we all aspire to, that is long-term, sustainable economic growth and regional stability in the Eurasian region.

Thank you very much and I wish everybody well!

(Перевод на русский язык)

Судьи Суда ЕАЭС, уважаемые гости и коллеги!

К сожалению, я не могу присутствовать лично, но я благодарен за возможность обратиться к вам с краткой речью в видеоформате.

В основе любого успешного экономического союза лежит судебная система, обеспечивающая верховенство права и устойчивость экономической системы. Судебная система имеет неотъемлемое значение для создания стабильного и процветающего общества, особенно в условиях активной экономической интеграции, которую мы наблюдаем в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС).

И Суд ЕАЭС, и Суд Международного финансового центра «Астана» (далее – Суд МФЦА) в Астане, Казахстане служат общей цели – обеспечению справедливости, стабильности и верховенства права. Роль судов, особенно тех, которые созданы для поддержания экономического развития, критически важна. Уверен, Суд ЕАЭС продолжит обеспечивать единообразие и согласованность применения правовой базы ЕАЭС, эффективно разрешая споры между предпринимателями и между государствами-членами. А также обеспечит справедливое и последовательное межграничное применение законов, регулирующих экономическую деятельность ЕАЭС. Невозможно переоценить роль международных судов и судебных органов и ту поддержку, которую они могут оказать друг другу в рамках сотрудничества.

Суд МФЦА – это специализированный международный суд, занимающийся спорами, связанными с инвестициями

и экономической деятельностью в Казахстане и Евразии. Суд начал свою работу 1 января 2018 г. и насчитывает 11 судей, авторитетов в мире коммерческого общего права, известных своей независимостью и беспристрастностью. Суд поддерживается Международным арбитражным центром (далее – МАЦ) в Астане, насчитывающим более 50 арбитров и медиаторов из региона и мира. Независимость обеспечивается на законодательном уровне, и оба института поддерживаются надлежащей администрацией.

С момента основания Суд МФЦА и МАЦ разрешили свыше 3 300 коммерческих споров, привлекая инвесторов из 28 стран, включая все страны ЕАЭС. Наши судебные и арбитражные решения являются окончательными. Применимое право определяется сторонами в каждом конкретном случае и может быть правом МФЦА, основанным на английском общем праве и лучшей международной коммерческой практике, казахстанским и российским законодательством. Процедурные правила призваны избежать ненужных сложностей, задержек и затрат. Все решения, включая те решения, в которых стороной были государственные органы Казахстана, исполняются в полной мере, соответствуя ожиданиям иностранных инвесторов, работающих в Казахстане и Евразии. Также предусмотрены механизмы исполнения решений на международном уровне.

У нас имеются помещения, соответствующие международным стандартам, в Астане, а также доступ к помещениям в Алматы и восьми странах Евразии и Китае. Все помещения, включая конференц-залы, залы для слушаний и офисные помещения, оснащены передовыми технологиями. Инвесторы,

приезжающие в Казахстан и другие страны Евразийского региона, некоторые из которых приезжают в нашу страну с инвестициями на сотни миллионов долларов, все чаще отмечают, что само присутствие Суда МФЦА и МАЦ является в буквальном смысле слова решающим фактором для привлечения инвестиций в Казахстан. Инвесторы также делятся тем, что в отсутствие Суда и МАЦ они бы не вышли на рынок Казахстана или в более широкий Евразийский регион.

Суд МФЦА и МАЦ по-настоящему на уровне мировых стандартов и являются центрами передового опыта по судебным вопросам для более широкого Евразийского региона. По мере продвижения вперед взаимодействие с судами и центрами юридической мысли в ЕАЭС будет приобретать все большее значение. Обмен знаниями, правовыми принципами и судебной практикой не только улучшит юридическую практику, но и обеспечит единообразие, что повлечет, мы надеемся, и определенность правового толкования для людей во всем регионе.

Суд МФЦА уже установил прочные связи с судами и судебными органами по всему миру. Мы видим значительный потенциал для углубления сотрудничества с Судом ЕАЭС и другими региональными правовыми институтами. Наша общая приверженность высоким стандартам правосудия и преданность инновациям в юридической и судебной сферах позволит предоставить уникальные судебные функции и обеспечить общую ценность для населения Евразии.

Будущее ЕАЭС действительно светлое, и судебные институты, такие как Суд ЕАЭС и Суд МФЦА и МАЦ в Астане, Казахстане, будут играть важнейшую роль в укреплении

верховенства права и защите интересов людей в ЕАЭС и во всем мире. Уверен, что наши усилия в судебной сфере станут основой для долгосрочного экономического роста и стабильности в Евразийском регионе.

Спасибо и наилучшие пожелания всем!

Риски фрагментации и конкурирующих толкований права ЕАЭС

А. С. Исполинов
приглашенный профессор Всероссийской академии внешней торговли

Введение

Буквально недавно, в начале XXI в., фрагментация рассматривалась в качестве чуть ли не основной угрозы для самого существования международного права[1] и была предметом напряженных академических дебатов. Фрагментации как правовому явлению был посвящен специальный доклад Комиссии международного права, согласно которому под термином «фрагментация» понималось появление специализированных автономных правовых режимов (право ВТО, право ЕС, инвестиционное право), которые развиваются без оглядки на нормы и институты других режимов, а также на общие принципы международного права[2]. Это, в свою очередь, может привести к эрозии общего международного права, конфликтам между

[1] Koskenniemi, M. Fragmentation of International Law? Postmodern Anxieties / M. Koskenniemi, P. Leino // Leiden Journal of International Law. – 2002. – Vol. 15, № 3. – p. 553.

[2] Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law.Report of the Study Group of the International Law Commission, finalized by Mr. Martti Koskenniemi, UN document A/CN.4/L.682 and Add.1, para. 8.

различными нормами, появлению противоречащих судебных решений, а также к форум-шоппингу и к утрате правовой определенности для государств[3].

Фрагментация появилась как следствие, во-первых, децентрализованного характера международного права в виде отсутствия единого мирового законодателя и единой структурированной судебной системы, исключающей конкуренцию между различными судами, а во-вторых, в силу того, что различные международно-правовые вопросы, включая разработку международных договоров, рассматриваются на национальном уровне разными ведомствами, а применение международных договоров осуществляется также разными национальными институтами[4].

В свою очередь, в доктрине выделяется фрагментация, вытекающая из нормотворчества, когда появляется конфликт между различными правовыми нормами, и фрагментация вследствие правоприменения, когда одной и той же норме международного права придается различное толкование разными правоприменительными институтами, например, международными судами и арбитражами[5].

Хотя сейчас фрагментация в целом на универсальном уровне перестала считаться экзистенциальной проблемой

---

[3] Fragmentation Report, para. 9.

[4] Peters, A. The refinement of international law: From fragmentation to regime interaction and politicization / A. Peters // International Journal of Constitutional Law. – 2017. – Vol. 15, № 3. – p. 671–704, 674.

[5] Peters, A. Op.cit. – P. 676.

смотрится как вполне управляемое явление[6], тем не менее в ряде случае ее последствия могут ощущаться острее в силу специфики затронутых правопорядков. В первую очередь речь идет о правопорядках интеграционных объединений, таких как ЕАЭС, где нормы права ЕАЭС замещают собой нормы национального законодательства и непосредственно применяются субъектами национального права государств – членов Союза, а также их национальными судами.

1. Фрагментация в праве ЕАЭС

В отличие от общего международного права, здесь есть органы централизованного нормотворчества в виде институтов ЕАЭС, поэтому риск появления автономных режимов внутри права ЕАЭС исключен. Однако очевидны риски фрагментации вследствие разной правоприменительной практики и появления конкурирующих толкований норм права ЕАЭС, что влечет за собой фрагментацию единого правового пространства ЕАЭС (необходимое условие для эффективного функционирования единого рынка). Это приводит к различным результатам для субъектов права ЕАЭС, к которым можно смело отнести физических и юридических лиц стран – членов Союза, при применении этих норм в схожих ситуациях, а также иметь негативные последствия в виде форум-шоппинга и отсутствия правовой определенности для субъектов права ЕАЭС.

---

[6] Broude, T. Keep Calm and Carry On: Martti Koskenniemi and the Fragmentation of Internationa l Law / T. Broude // Temple International & Comparative Law Journal. – 2013. – Vol. 27, № 2. – p. 279.

К основаниям для появления таких рисков можно смело отнести: а) несогласованность при разработке отдельных приложений к Договору в силу того, что разные разделы Договора о ЕАЭС разрабатывались различными группами экспертов и иногда плохо согласуются друг с другом; б) лишение Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции (хотя бы в такой урезанной форме, которая была в Суде Евразийского экономического сообщества); в) особенности внутренней организации Суда ЕАЭС; г) недооценку этих рисков при разработке соглашений ЕАЭС с третьими странами.

Отсутствие в финальном варианте Статута Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции (при том, что она предусматривалась в более ранних проектах) произошло вследствие ряда недостаточно обоснованных решений Суда ЕврАзЭС и привело к отсутствию прямого диалога между Судом ЕАЭС и национальными судами, непосредственно применяющими право ЕАЭС. Отсюда вполне очевидные риски появления межстрановых различий при толковании и применении права ЕАЭС национальными судами.

Для целей минимизации таких рисков очень важную роль играет ЕЭК, которая осуществляет мониторинг правоприменения в странах – членах Союза и обладает правом на обращение в Суд ЕАЭС с запросом выработать единую позицию в своем консультативном заключении. В этом отношении практика Суда ЕАЭС показывает, что консультативная юрисдикция Суда ЕАЭС выступает как некая промежуточная альтернатива (но не полноценная замена) преюдициальной юрисдикции.

Фрагментация как следствие особенностей организации Суда ЕАЭС имеет в своей основе несколько факторов, среди

которых чуть ли не основное место занимает правило, согласно которому все поступающие в Суд заявления хозяйствующих субъектов поочередно рассматриваются двумя коллегиями Суда, состав которых неизменен и определен в самом начале деятельности нового состава Суда. Отсюда риск появления двух разных мнений коллегий по одному вопросу, очевидным примером которого стало появление разные позиции коллегий в отношении locus standi таможенного представителя (отказное определение по иску ООО «Электронная таможня» и решение Коллегии по иску ООО «ТЛК»). Попытка в 2020 г. Апелляционной палаты в деле ТЛК вынести вопрос о двух позициях коллегий по этому вопросу на рассмотрение Большой коллегии и получить разрешение ситуации в виде консультативного заключения закончилась неудачей (последовал отказ Большой коллегии в принятии этого обращения в силу того, что Коллегия не является надлежащим заявителем для такого запроса (дело Р-4/20)).

В национальный судах расхождение нижестоящих судов в вопросах толкования той или иной нормы нивелируется вышестоящими судами (в том числе и в виде обобщения судебной практики и подготовки разъяснений нижестоящим судам). С международными судами ситуация обстоит сложнее. Переход от ad hoc арбитражей к постоянно действующим судам сделало возможным создание целостной и непротиворечивой системы толкования и применения норм хотя бы в рамках одного договорного режима (самообязывающий прецедент). Эта задача упрощалась там, где суд всегда рассматривает дела в полном составе как Международный Суд ООН, который сознательно отказался от предусмотренной Статутом Суда возможности

рассматривать дела в камерах из трех или более судей как раз из-за риска появления конкуренции толкований[7]. Другое решение этой проблемы было найдено в создании полноценной и независимой апелляционной инстанции, на которую и возлагалась задача по формированию такой практики, как в случае с Апелляционным органом ВТО, который решал задачу по устранению разногласий между ad hoc третейскими группами, рассматривающими торговые споры по первой инстанции. Иногда решающим фактором становилась внутренняя культура суда, которая приходила на помощь тогда, когда постепенно вместе с ростом количества дел и числа судей суд переходил к рассмотрению дел в составе палат из 3 или 5 судей (как Суд ЕС, где количество судей выросло с 6 судей до 27, а количество ежегодно рассматриваемых дел уже давно превысило 500).

Какие механизмы в Статуте Суда ЕАЭС можно использовать для того, чтобы избежать возникших проблем на уровне Суда? Во-первых, возможно обращение ЕЭК в Большую коллегию с просьбой разъяснить возникшие разночтения. Консультативное заключение Суда ЕАЭС в этом случае может привести позиции Коллегии к некоему общему знаменателю, хотя в отличие от решений Коллегий оно не будет иметь обязательной силы, а итог будет зависеть от готовности самих судей следовать этому заключению.

---

[7] The proliferation of international judicial bodies: The outlook for the international legal order / Speech by His Excellency Judge Gilbert Guillaume, President of the International Court of Justice, to the Sixth Committee of the General Assembly of the United Nations 27 October, 2000. – p. 3.

Во-вторых, можно использовать то, что существующее постоянное разделение всех 10 судей Суда ЕАЭС на 2 коллегии по 5 судей, рассматривающих дела по заявлениям хозяйствующих субъектов, стало уже состоявшейся реальностью. Именно так был реализован на практике п. 77 Статута, который говорит, что «в состав Коллегии Суда включается по одному судье от каждого государства-члена поочередно по фамилии судьи, начиная с первой буквы русского алфавита». Поэтому можно предложить судьям бросить жребий, который и определит, какая из коллегий будет работать до конца полномочий нынешнего состава Суда (это еще 3,5 года) только как первая инстанция, а какая будет только рассматривать апелляции. Этот незамысловатый шаг (строго говоря, не запрещенный ни Статутом, ни Регламентом Суда) позволит решить сразу несколько проблем. Во-первых, это исключит саму возможность параллельного рассмотрения Коллегиями схожих вопросов и появления конкурирующих толкований. Во-вторых, это устранит малейшие риски форум-шоппинга со стороны частных заявителей, которые сегодня при некоторых аналитических способностях в состоянии понять, когда именно нужно подавать заявление в Суд ЕАЭС, чтобы дело попало в ту или иную Коллегию. В-третьих, мы получим в итоге ту саму желаемую единообразную практику Суда ЕАЭС по спорам с участием частных заявителей (пусть и в виде преобладания воззрений и идей не всех судей Суда, а его Апелляционной палаты). Тут уже много будет зависеть от готовности ЕЭК приходить на помощь Суду и корректировать вместе с ним неудачные выводы Апелляционной палаты через подачу запросов на консультативные заключения. В-четвертых, исчезнет повод для любых сомнений в наличии конфликта

интересов у судей Апелляционной палаты Суда. Эти сомнения неизбежно появляются в существующей системе «сегодня ты слушаешь апелляционную жалобу на мое решение, а завтра я буду слушать жалобу на твое». Это полностью соотносится с очевидным трендом современного международного правосудия в виде возможности полноценного апелляционного пересмотра вынесенного решения независимой и беспристрастной арбитражной инстанцией[8].

Кроме этого, можно сказать, что использование жребия уже отмечалось ранее в международном правосудии. В том же Международном Суде ООН именно жребием в 1946 г. было решено, кто из первого состава суда будет работать 3 года, кто 6, а кто все 9 из 9 лет, установленных Статутом Суда. Именно так и был запущен механизм регулярной ротации МС ООН, который сегодня обеспечивает преемственность традиций и культуры этого суда. Суду ЕАЭС это рано или поздно еще предстоит проделать, но очевидно, что это может произойти уже при другом составе Суда.

2. Конкуренция механизмов разрешения споров в ЕАЭС

Длительное время оставались спящими нормы приложения № 16 к Договору о ЕАЭС (Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и о осуществлении инвестиций), которые предусматривали право инвестора из страны – члена ЕАЭС инициировать разбирательство в инвестиционном арбитраже

[8] Gal-Or, N. The Concept of Appeal in International Dispute Settlement / N. Gal-Or // The European Journal of International Law. – 2008. – Vol. 19, № 1. – P. 52.

против другого государства – члена Союза в отношении любых споров, «возникших в связи с инвестициями». Таким образом эти нормы давали инвестору возможность оспорить в том числе действия государства, принятые во исполнение им обязательств по праву ЕАЭС, и получить компенсацию (при том, что Суд ЕАЭС не вправе рассматривать требования о компенсации).

В этой ситуации вполне вероятны риски другого толкования права ЕАЭС со стороны инвестиционных арбитражей, отличное от толкования, данного Судом ЕАЭС, и нарушения монополии Суда ЕАЭС на толкование. Однако на сегодня уже завершены несколько арбитражных разбирательств по Протоколу № 16 к Договору ЕАЭС, но опубликовано полностью лишь одно, а именно по делу Manolium-Processing v. The Republic of Belarus[9]. В решении по этому делу трибунал пришел к выводу о том, что принятые Республикой Беларусь налоговые меры в отношении ответчика являются эквивалентом экспроприации с нарушением ст. 79 Протокола № 16 к Договору о ЕАЭС, и присудил заявителю компенсацию в размере $20,5 млн (истец просил $176 млн), при этом арбитражные расходы государства-ответчика составили $5,5 млн

Другой вариант конкуренции механизмов разрешения споров ЕАЭС возможен в силу того, что заключенные соглашения ЕАЭС с третьими странами предусматривают собственные механизмы по разрешению межгосударственных споров (арбитражи ad hoc по заимствованной из ВТО модели третейских групп). Эти арбитражи также имеют право на толкование и применение

[9] Manolium-Processing v. The Republic of Belarus. Case no. 2018-06. Final award of 22 June 2021.

норм Договора ЕАЭС в случае оспаривания действий ЕАЭС государством-заявителем – стороной такого соглашения. В этой ситуации обнадеживает то, что на практике государства очень редко используют созданные ими региональные механизмы по разрешению споров, предпочитая более понятный им ОРС ВТО, однако исключать их использование в практике ЕАЭС нельзя, особенно теми странами, которые не входят в ВТО (Иран), или если ответчиком будет ЕАЭС.

Выводы

В силу особенностей судебной системы ЕАЭС и общей недооценки рисков фрагментации права ЕАЭС, фрагментация права ЕАЭС в виде появления различных толкований практически неизбежно будет иметь место на практике.

На межстрановом уровне это будет проявляться в виде различной практики применения одних и тех же норм права ЕАЭС национальными судами стран – членов Союза в силу отсутствия у Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции. Консультативная юрисдикция может решать эти вопросы со значительным опозданием и не является полноценной альтернативой, однако решение этой проблемы возможно только через изменение Статута.

При этом мы видим понемногу растущую популярность параллельной юстиции (внутренний инвестиционный арбитраж), что, на наш взгляд, рано или поздно потребует вмешательства национальных судов, ЕЭК и Суда ЕАЭС.

Предусмотренные соглашениями ЕАЭС с третьими странами механизмы разрешения споров вряд ли будут задействованы (скорее, речь пойдет об исключительных случаях), но к этому надо быть готовым.

Влияние практики Органа по разрешению споров ВТО на практику Суда ЕАЭС

Д. С. Боклан
профессор Департамента международного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

(Стенограмма выступления)

В своем докладе я хочу остановиться на нескольких вопросах.

Первый относительно короткий. Зачем нам вообще необходимо учитывать практику органов разрешения споров ВТО в судопроизводстве Суда ЕАЭС? Если мы на него ответим как-то положительно, что зачем-то нам это нужно. Тогда возникают следующие вопросы: как соотносятся правовые режимы ВТО и ЕАЭС в системе международного права в целом? Третий вопрос: какое место право ЕАЭС занимает в правопорядке ВТО? То есть как ВТО смотрит на право ЕАЭС? И последний, наверное, самый интересный для нас. Наоборот, какое место право ВТО занимает в правопорядке ЕАЭС?

Начнем с первого вопроса. Зачем нам вообще практика органов разрешения спора ВТО применительно к судопроизводству в суде ЕАЭС?

На этот вопрос можно, наверное, отвечать до конца завтрашнего дня. Я приведу несколько примеров, отвечающих на этот вопрос.

Первый. Приложение № 31 к нашему Договору о Союзе относит право в ВТО к правовой системе ЕАЭС. То есть Суд

должен каким-то образом смотреть на право ВТО, раз это часть правовой системы ЕАЭС.

Второй момент, зачем нам практика Органа по разрешению споров ВТО. Договор наш является одним из 613 преференциальных торговых соглашений, ратифицированных ВТО. То есть ВТО знает о том, что у нас есть такой договор, и тоже выработало к этому факту определенное отношение.

Третий момент. Многие нормы нашего Договора основаны на нормах ВТО с определенными модификациями, что тоже очень важно для толкования его норм.

Четвертый момент. Орган по разрешению споров ВТО имеет богатейшую практику толкования таких норм, и стоит Суду в том числе обратить на эту практику внимание, как на положительные ее результаты, так и на отрицательные, при толковании аналогичных положений из права ЕАЭС. И, в конце концов, уже дважды, как минимум сегодня, упомянут запрос, с которым Министерство юстиции Беларуси обратилось в Суд. Это дело о разъяснении положения Договора о ЕАЭС в связи с применением ограничений воздушных перевозок. Здесь тоже есть вероятность того, что право ВТО нам понадобится в зависимости от того, как на три поставленных вопроса ответит Суд. Об этом я скажу в конце своей презентации.

Переходя ко второму вопросу, на нем остановлюсь очень коротко. Как соотносятся правовые режимы ВТО и ЕАЭС в системе международного права?

Комиссия международного права отнесла право ВТО, во-первых, к части международного права, во-вторых, назвала его так называемым самозамкнутым режимом, что в общем-то логично, со своей спецификой. То же самое нам говорит и сама

ВТО устами апелляционного органа, что право ВТО не должно рассматриваться в изоляции от общего международного права. То есть и комиссия, и сама ВТО смотрят на ВТО как на часть международного права, что выглядит абсолютно логично. Что же касается права ЕАЭС, то сам Договор нам говорит о том, что Союз осуществляет деятельность на основе общепризнанных принципов международного права.

Аналогичные положения у нас содержатся в п. 50 Статута Суда, где сказано, что Суд применяет нормы международного права, договоры, обычаи, международные договоры в рамках союза, международные договоры, участниками которых являются государства стороны спора. Таким образом, мы делаем очевидный вывод, что и право ЕАЭС, и право ВТО – часть международного права. В общем, ничего удивительного вроде бы в этом выводе нет.

Но следующая часть презентации напрямую не вытекает из предыдущего вывода, потому что ВТО не смотрит на право ЕАЭС как на право, что может показаться странным с первого взгляда. Право ВТО и органы по разрешению споров ВТО прежде всего смотрят на право интеграционных объединений, в том числе на право ЕАЭС, как на меры, принятые государствами-членами. Более того, государства-члены, в нашем случае Евразийского экономического союза, будут нести ответственность за решение органов Союза. То есть для ВТО право ЕАЭС – это не международное право, а это действие или бездействие государств – членов ЕАЭС. Более того, это говорит о том, что нормы права ЕАЭС можно оспорить в Органе по разрешению споров ВТО. И у нас есть такая практика, уже как минимум 4 дела, где решение органов ЕАЭС и даже некоторые положения Договора

о ЕАЭС была принята попытка оспорить в Органе по разрешению споров ВТО. Это три дела против России и одно дело против Казахстана. Таким образом, орган по разрешению споров ВТО пришел к выводу о том, что решения Евразийского экономического союза присваиваются каждому государству – члену Союза. Каждое государство – член Союза будет нести личную ответственность за эти решения, и, видите, президентская группа уточняет, что, несмотря на то, что решение не было принято Россией, оно было принято Евразийской экономической комиссией, однако это орган организации, членом которой является Россия, соответственно, Россия будет нести ответственность за такое решение в рамках разрешения споров в Органе по разрешению споров ВТО.

Поэтому здесь у нас получается противоположный вывод первому. Несмотря на то, что Комиссия международного права рассматривает и право ВТО, и право ЕС как часть международного права, сама ВТО рассматривает право ЕАЭС не как право, а как меры, которые принимаются государствами – членами ЕАЭС, которые могут быть и уже 4 раза были оспорены с разным успехом в Органе по разрешению споров ВТО. И нам это нужно учитывать при принятии решений на уровне Евразийской экономической комиссии и Союза в целом. Следующий, третий вопрос – самый для нас интересный. Какое же место права ВТО занимает в правопорядке ЕАЭС? И здесь несколько вопросов.

Являются ли нормы соглашения ВТО частью права ЕАЭС? Может ли Суд ЕАЭС, если мы положительно отвечаем на первый вопрос, применить соглашение о ВТО при разрешении споров, раз это часть права ЕАЭС? И как практика Органа по

разрешению споров ВТО может повлиять на разъяснение положений нашего Договора в связи с применением ограничений воздушных перевозок и в связи с нашим свежим запросом в Суд?

Как мы ответим на первый вопрос? У нас действительно в приложении № 31 к Договору сказано, что с даты присоединения любой из сторон к ВТО положения соглашения о ВТО становятся частью правовой системы Союза. То есть наш Договор относит соглашение о ВТО к правовой системе Союза. Дальше у нас сказано, что положения соглашения о ВТО имеют приоритет и над международными договорами в рамках Союза, и над решениями органов Союза. Имеют приоритет! При этом Статут Суда нам говорит о том, что Суд может применять иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора.

Возникает вопрос, исходя из этих трех слайдов: можем ли мы соглашение о ВТО отнести к таким иным договорам? И может ли, если да, Суд применить соглашение ВТО при разрешении спора?

Суд сам ответил на этот вопрос, о чем уже наш модератор говорила в предыдущей части нашей сессии. Нам нужны два кумулятивных условия, чтобы определить договор как иной договор между государствами – членами Союза: 1) членство всех государств; 2) договор должен относиться к единой политике. Пока Беларусь не член ВТО, очевидно, что одного из кумулятивных критериев нам не достает. Но если Беларусь станет членом ВТО, когда она уже была практически на пороге, будет ли это означать, что договоры ВТО относятся к источнику права Союза, который Суд может применять при разрешении споров?

И здесь мы сталкиваемся с еще более сложной ситуацией, потому что сама ВТО считает, что единственным органом по разрешению споров ВТО, который может применять соглашение о ВТО, является Орган по разрешению споров ВТО. Никакой другой суд, в том числе Суд ЕАЭС, с точки зрения ВТО, не может применять Соглашение о ВТО при разрешении споров. И тогда у нас возникает перед Судом такая проблема: с одной стороны, соглашение ВТО – часть правовой системы Союза, а с другой стороны, с точки зрения ВТО, соглашение о ВТО может применять при разрешении споров только Орган по разрешению споров ВТО. Что же делать Суду в такой ситуации? Тем более что у нас есть как минимум два случая, когда Суд ЕАЭС опирался, скажем так, на право ВТО при разрешении спора и вынесении консультативного заключения.

Это, соответственно, одно дело и консультативное заключение. В деле «АрселорМиттал Кривой Рог», посмотрите, Суд, непосредственно анализируя право применения, опирался на Генеральное соглашение по тарифам и торговле и на Антидемпинговое соглашение ВТО. И в литературе мы сталкиваемся с двумя разными позициями относительно этого решения.

Одна позиция критикует Суд и говорит о том, что Суд ЕАЭС применил право ВТО, а на применение права ВТО у Суда компетенции нет, потому что это исключительная компетенция Органа по разрешению споров ВТО. С моей субъективной точки зрения, здесь Суд не применил право ВТО, а истолковал право ЕАЭС в контексте права ВТО, что Суду позволяет сделать Венская конвенция о праве международных договоров. Собственно, то же самое Суд сделал и в консультативном заключении о разъяснении положений 29-й статьи Договора, где он тоже опирался

на ГАТТ (на Генеральное соглашение по тарифам и торговле), но опять-таки для толкования, а не для применения соглашений ВТО. И, собственно, вывод именно такой можно сделать, что Суд ЕАЭС не применил право ВТО, а именно истолковал его с учетом права ВТО и практики Органа по разрешению спора ВТО.

И здесь важно Суду иметь в виду, что такое толкование должно осуществляться в контексте целей и объекта Договора о Евразийском экономическом союзе, что, собственно, Суд и сделал в этих обоих случаях. Ну и в заключении, как же может сказаться это разъяснение по запросу Минюста Республики Беларусь на том, как связаны право ВТО и практика Органа по разрешению споров ВТО и право ЕАЭС.

Если на все три вопроса Суд ответит положительно, то у государства, которое применяет ограничения воздушных перевозок, будет усматриваться правонарушение и государство будет признано нарушающим нормы Договора о Евразийском экономическом союзе, потому что эти меры будут признаны ограничением для создания рынка транспортных услуг.

Какая тогда остается возможность у такого государства, которое фактически будет признано нарушителем Договора о Евразийском экономическом союзе? У него останется возможность сослаться на ст. 29 Договора о ЕАЭС и оправдать свое нарушение этой статьей. Эта статья разрешает нарушить, скажем так, Договор о ЕАЭС при определенных обстоятельствах. Мера должна быть не дискриминационной, и она должна быть необходима для ряда целей. В частности, в такие цели включается обеспечение обороны страны и безопасности государства-члена. Это очень сложная статья. Она является соединением двух

статей Генерального соглашения по тарифам и торговле, ст. XX, общие исключения в ее вводной части, и ст. XXI, в части параграфа. И у органов разрешения споров ВТО имеется богатейшая практика толкования этих положений. Например, что такое необходимость? Это очень непростой вопрос, и Орган по разрешению споров ВТО разработал специальный тест для ответа на этот вопрос. А что такое безопасность? Это вообще очень специфический, чувствительный вопрос, связанный не только с правом и экономикой, но и с политикой. Поэтому здесь у нас получается соединение в нашей 29-й статье двух статей ГАТТ. XXI:1 и, соответственно, XX-й статьи. И практика ВТО здесь очень богатая, и она может и быть полезной для толкования, в частности, п. 6 ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе, если Суд в своем заключении положительно ответит на три вопроса и действия одного из государств – членов Союза будут признаны нарушающими право ЕАЭС. Такое государство будет ссылаться на 29-ю статью для того, чтобы оправдать такое нарушение.

Поэтому я надеюсь, что в любом случае практика Органа по разрешению споров ВТО очень полезна для нашего Суда и Суд будет к ней обращаться, еще раз повторю, учитывая как позитивный, так и негативный опыт Органа по разрешению споров ВТО в целом ряде специфических вопросов.

Благодарю за внимание.

Спасибо.

Дизайн права физических лиц на подачу жалоб в Суд ЕАЭС

К. Ю. Молодыко
доцент кафедры международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета

В настоящее время компетенция Суда ЕАЭС, если описать ее максимально коротко, сводится к следующему: разъяснение положений договоров в рамках Союза по заявлениям государств-членов и органов Союза, сотрудников и должностных лиц органов Союза; разрешение межгосударственных споров – правда, таковой был рассмотрен только один; оспаривание решений ЕЭК как индивидуальных нормативных актов по делам о привлечении к ответственности хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в сфере экономической конкуренции, поскольку только в этой сфере ЕЭК может непосредственно привлекать их к ответственности; обжалование этим же кругом субъектов нормативных актов ЕЭК, иных действий и бездействия Комиссии – чаще всего это происходит в таможенной сфере.

Соответственно, Суд ЕАЭС уполномочен рассматривать обращения физических лиц непредпринимательского характера только одной очень специфической категории. Речь идет об обращениях сотрудников органов ЕАЭС, которые относятся к условиям их работы в органах Союза. В настоящее время Судом ЕАЭС рассмотрены только три таких дела. Интересующихся этой проблематикой более подробно в деталях отсылаем

к профильной работе А. Н. Поповой[1]. Мы не оспариваем значимости этой категории дел, поскольку нормальная работа любого органа Союза зависит от надлежащей организации работы его аппарата. Вместе с тем в настоящее время Суд ЕАЭС не может вынести юридически обязывающее решение по сути такого спора, он может только дать консультативное заключение. Мы полностью согласны в этом плане с мнением Ю. А. Лепешкова о том, что нужно предоставить Суду возможность разрешать указанные споры с вынесением юридически обязывающих решений[2]. Вместе с тем нам невозможно себе представить массовое ущемление и умаление трудовых прав сотрудников ЕЭК или Суда ЕАЭС со стороны их работодателей, поэтому эта категория дел в обозримом будущем будет оставаться немногочисленной. И по большому счету, дела, например, о Таможенном союзе и об экономической конкуренции, которыми сейчас в основном и занят Суд ЕАЭС, имеют все же более высокую степень общественной значимости.

По мнению К. Л. Чайки, физические лица – непредприниматели должны иметь право инициировать исполнение решений

---

[1] Попова, А. Н. Рассмотрение споров с международными служащими в Евразийском экономическом союзе: реальность и перспективы / А. Н. Попова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6 (121). – С. 15–18.

[2] Лепешков, Ю. А. Международное правосудие на постсоветском пространстве: итоги 30-летия и перспективы / Ю. А. Лепешков // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС. – Минск : Колорград, 2024. – С. 170; Лепешков, Ю. А. Востребованность Суда Евразийского экономического союза: текущее состояние и перспективы / Ю. А. Лепешков // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 3. – С. 28–32.

Суда ЕАЭС, если оно их затрагивает[3]. А. А. Дронов высказал позицию о том, что сегодня есть необходимость внесения поправки в Договор о ЕАЭС: она должна дать право физлицам на обжалование решений ЕЭК в отношении штрафных мер, которые Комиссия применяет за нарушение правил конкуренции в отношении физических лиц. В настоящее время это право в Договоре не закреплено[4]. В то же время А. С. Исполинов справедливо отмечает, что статус физических лиц в Суде ЕАЭС зависит от целеполагания. Например, цель Суда ЕС – это создание более тесного Союза, что предопределяет больше его диалог с национальными судами стран ЕС и ограничение на доступ частных лиц. Суд ЕАЭС защищает сейчас частных лиц, но только предпринимателей. Если цель Суда ЕАЭС – развитие интеграции, то это требует искать баланс между задачами создания единого рынка и обязательствами членов Союза по договорам о защите прав человека, и итоговый баланс не всегда может быть в пользу прав человека[5].

---

[3] Чайка, К. Л. Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза / К. Л. Чайка // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС. – Минск : Колорград, 2024. – С. 66.

[4] Какова роль суда ЕАЭС в евразийской интеграции? [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2024. – 27 нояб. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/11/27/sila-v-prave.html. – Дата доступа: 21.11.2024.

[5] Исполинов, А. И. Правовое наследие Суда ЕАЭС 2015–2023: сравнительно-правовое измерение / А. И. Исполинов // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС. – Минск : Колорград, 2024. – С. 191.

В некоторых практических случаях Суд ЕАЭС, давая заключение по запросу компетентных органов одного из государств Союза, фактически должен был высказаться о правах и обязанностях физических лиц в непредпринимательских отношениях. Однако такие решения Суда, на наш взгляд, имеют неодинаковый уровень качества. Продемонстрируем это на двух примерах. Например, очень качественное консультативное заключение Суда по профессиональным спортсменам совершенно очевидно подтолкнуло решение проблематики дела по существу. В частности, разъясняя п. 2 ст. 97 Договора о Союзе, в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами на территории Союза Суд пришел к четкому, конкретному и логически обоснованному выводу, что не допускается установление в законодательстве государств-членов и локальных актах организаций физической культуры и спорта, а также применение действующих количественных ограничений к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств – членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания[6].

В качестве противоположного примера можно привести неудачное, по нашему мнению, консультативное заключение Суда по перемещению денежных средств и/или денежных инструментов[7], из содержания которого невозможно понять,

[6] Консультативное заключение Суда ЕАЭС № Р-3/18 от 7 декабря 2018 г.

[7] Консультативное заключение Суда ЕАЭС № Р-2/18 от 15 октября 2018 г.

так нарушили белорусские пограничники право Союза или нет, потребовав у казахского гражданина М. Ж. Амирханова украинскую таможенную декларацию? Без разрешения этого вопроса рассмотрение дела не имело практического смысла. Вопрос же о том, нужна ему была казахская вывозная декларация или нет, не имел в обстоятельствах конкретного дела практического значения, поскольку М. Ж. Амирханов ее имел и предъявлял таможенным органам на въезде в Республику Беларусь. Заключение Суда, к сожалению, не дало четких ориентиров, как следует действовать в будущем другим лицам, которые попадут аналогичную ситуацию[8]. Все же Суд, давая консультативные заключения, пусть они и не могут налагать обязанности на национальные органы власти (что не вина Суда), должен четко высказываться по сути спорной проблемы.

Если говорить о создании единого (насколько это возможно) унифицированного правового поля в рамках ЕАЭС, то, разумеется, невозможно перейти на унифицированное регулирование Союза в любой сфере одномоментно, этот процесс всегда будет сильно растянут во времени с переходными периодами и компромиссами. В частности, сейчас таможенное регулирование, которое, наверное, является самой продвинутой в интеграционном плане сферой, – это фактически смесь из норм права ЕАЭС, других норм международного права и национальных норм. Ведь никакой полной передачи таможенного регулирования на уровень Союза не произошло. ЕЭК вправе принимать

[8] Не в смысле транзитных полетов через аэропорты конкретно Украины, которые сейчас не функционируют, а в смысле полетов через аэропорты других третьих стран, не входящих в Союз.

классификационные решения в целях обеспечения единообразия применения ТН ВЭД ЕАЭС, только если формулировка товарной позиции или субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС допускает неоднозначное толкование, что подтверждается неединообразной практикой классификации товаров в государствах-членах. На практике Комиссия де-факто в таких случаях утверждает решение Объединенной коллегии таможенных служб государств – членов Таможенного союза[9]. Если представить вполне возможную на практике ситуацию, что все 5 таможенных органов определяют код некого товара неправильно, но одинаково, то ЕЭК вообще не вправе в это вмешиваться, соответственно, не будет и предмета обжалования в Суде ЕАЭС. Это приводит к совершенно очевидному дуализму, когда решения о таможенной классификации параллельно могут приниматься как на национальном уровне, так и на наднациональном. И судебный контроль за ними, в том числе по жалобам физических лиц – предпринимателей, будет осуществляться в этих случаях разными судами по совершенно разным процессуальным правилам. Не установлено никакого способа урегулирования возможных разногласий между судами.

Считаем уместным в этом аспекте привести следующее мнение Д. В. Тютина. В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утвержден Президиумом Суда 22.07.2020 со ссылкой на определение от 19.03.2020 № 310-ЭС19-24856) отмечается, что, как следует из п. 2 ст. 25 Договора о Евразийском экономическом союзе,

[9] Решение Суда ЕАЭС по жалобе ООО «Севлад» № С-5/15 от 7 апреля 2016 г.

международной основой ТН ВЭД выступает Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации, функционирующая на основании Международной конвенции по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в Брюсселе 14.06.1983). С учетом этого участники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что осуществляемая в соответствии с Гармонизированной системой классификация товаров, имеющая значение в том числе для определения размера таможенных платежей, будет носить объективный, предсказуемый и прозрачный характер, унифицированный в большинстве государств мира, и не будет зависеть от усмотрения таможенных органов, что являлось бы недопустимым в публичных правоотношениях[10].

Также обратим внимание на тот факт, что таможенные правила ввоза в ЕАЭС товаров юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (ИП) с одной стороны и физическими лицами в непредпринимательских целях с другой стороны совершенно различны. Если в первом случае упор делается на начисление таможенной пошлины и НДС на основании классификации по коду Гармонизированной системы (правда, есть товары с нулевыми ставками, но их относительно немного), то во втором случае все упрощено. В частности, из решения Совета

[10] Тютин, Д. В. Право ЕАЭС и принципы права в интерпретации Суда ЕАЭС как важный элемент деятельности высших судебных органов Российской Федерации / Д. В. Тютин // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС. – Минск : Колорград, 2023. – С. 102.

Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107[11] усматривается совершенно очевидная дискриминация тех физических лиц, которые ввозят товары по земле. Для них установлен лимит беспошлинного ввоза новых товаров до 500 евро и до 25 килограммов. Но при ввозе товаров авиатранспортом лимиты беспошлинного ввоза – 10 000 евро (т. е. в 20 раз больше!) и вес 50 килограммов. Представим себе, что гражданин, у которого таможня потребовала уплатить пошлину при ввозе по земле 40 килограммов товаров за 8 000 евро, считает, что Совет ЕЭК превысил свои полномочия по Договору о Союзе, разрешив такой ввоз беспошлинно по воздуху, но запретив по земле. Ведь если фискальные цели государств ЕАЭС требуют жестких лимитов беспошлинного ввоза, то они должны быть таковыми для всех видов транспорта. А раз уж можно ввозить беспошлинно 8 000 евро по воздуху, то нет и никакой законно обоснованной цели запретить так ввозить по земле. Кроме того, поскольку налогообложение ввоза товаров юридическими лицами никак не зависит от используемого ими для импорта вида транспорта, физлица-непредприниматели дискриминируются по отношению к юрлицам. Более того, если некий гражданин одного из членов Союза Иван Иванов является ИП, то правила ввоза им одного и того же товара на любом транспорте на таможенную территорию Союза будут совершенно разными в зависимости от того, заявит он, что ввозит товары в предпринимательских целях, или нет. Все указанное невозможно обжаловать сейчас ни в одном суде, что совершенно ненормально.

[11] Здесь и далее мы будем подразумевать соответствующие приложения к этому решению.

При этом мы вовсе не предлагаем разрешить обжаловать в Суде ЕАЭС неограниченно все что угодно. Конечно, существует сфера глобальных общеполитических решений органов власти государств, которые никогда не будут подлежать судебному обжалованию. Например, невозможно разрешить обжалование физическими и юридическими лицами в национальные суды и Суд ЕАЭС политических решений властей их государств о подписании или, наоборот, отказе в подписании тех или иных соглашений в рамках Союза. Но вопрос различных правил беспошлинного ввоза товаров в Союз в зависимости от произвольных критериев совершенно точно не геополитический.

Еще пример из того же решения Совета ЕЭК от 20.12.2017. Им установлены лимиты беспошлинного ввоза физическими лицами на таможенную территорию Союза бывших в употреблении товаров для личного пользования. Проблема в том, что четкие единые лимиты установлены только для некоторых товаров, например: мобильные телефоны и смартфоны – 2 штуки; портативная звукозаписывающая, видеозаписывающая, воспроизводящая аппаратура, фотоаппаратура, портативные персональные компьютеры, планшеты, игровые приставки – не более 1 единицы каждого наименования. Некоторые товары никогда не признаются товарами для личного пользования даже при ввозе в единичном экземпляре, например, котлы центрального отопления или солярии для загара.

Установление же критериев беспошлинного ввоза многих других товаров для личного пользования по количеству, в том числе даже ювелирных изделий, Комиссия фактически делегировала национальным органам. Представим себе, что гражданин видит дискриминацию в том, что в каждом из 5 государств

ЕАЭС де-факто свои правоприменительные критерии и он лично попал на более жесткие. Какой суд его защитит? Тем более что таможнями применяется много оценочных критериев. В Telegram-группах таможенного профиля можно почитать многочисленные жалобы граждан на сомнительные отказы таможенных органов в беспошлинном ввозе товаров для личного пользования. Это обычно не касается авиатранспорта, поскольку там, как показано выше, высокие лимиты беспошлинного ввоза, но при ввозе по земле проблема достаточно острая.

Представим другую ситуацию, когда ЕЭК прямо запретила относить бывший в употреблении конкретный вид товара к товарам для личного пользования, например, солярий для загара. Нет вообще никакой возможности судебного обжалования такого решения, что ненормально. Допустим, без личного солярия для загара на даче можно прожить, но приведем пример другого рода. Допустим, гражданину России необходимо рецептурное лекарство от редкой болезни, не зарегистрированное в РФ, но никто его не хочет регистрировать в РФ либо продлять регистрацию, срок которой истек, в связи с недостаточным спросом. Ввезти в РФ такое лекарство больной может сейчас с рецептом в руках только сам лично либо (если мы говорим о несовершеннолетних и недееспособных) законный представитель больного[12]. В Казахстане правило другое: физическое лицо до ввоза должно получить специальное разрешение на ввоз

[12] Правила ввоза лекарственных средств для медицинского применения в Российскую Федерацию : утв. постановлением Правительства РФ № 853 от 1 июня 2021 г.

незарегистрированного лекарства[13]. И то неясно: а) дадут или нет на практике казахские власти такое разрешение гражданину России на ввоз лекарства для себя при наличии рецепта врача; б) дадут или нет на практике казахские власти такое разрешение гражданину России на ввоз лекарства при наличии рецепта врача не для себя, а для его друга или совершеннолетнего родственника.

Гражданин может быть уверен в том, что эти правила российского или казахского законодательства нарушают право ЕАЭС. Либо он может быть уверен в том, что ЕЭК допустила нарушение Договора о ЕЭАС в виде бездействия, не приняв по данному, без преувеличения, жизненно важному вопросу унифицированного решения. В настоящее время гражданину невозможно обратиться с этими вопросами ни в один суд, что невозможно признать нормальным.

С. И. Князькин предлагает разрешить физлицам-непредпринимателям обжаловать хотя бы только нормативные акты органов Союза в Суде ЕАЭС либо же альтернативно в национальных судах. Среди прочего он указывает, что наделение Европейского суда по правам человека «правом разрешения споров по жалобам физических лиц только укрепило значение Европейской конвенции по правам человека и основных свобод, поспособствовало практической конкретизации ее идей,

[13] Выдача согласования и (или) заключения (разрешительного документа) на ввоз (вывоз) зарегистрированных и не зарегистрированных в Республике Казахстан лекарственных средств и медицинских изделий : утв. приказом министра здравоохранения Республики Казахстан от 8 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-237/2020.

идеалов и ценностей. Этот успех объясняется тем, что споры с участием обычных граждан несут в себе больший объем информации о практике реализации тех или иных прав и свобод. Они более репрезентативны по сравнению со спорами, в которых участвуют только публично-правовые образования»[14]. Мы можем в какой-то степени понять такую позицию с той стороны, что, может, пять параллельных систем обжалования физлицами-непредпринимателями нормативных актов органов Союза при всех издержках будет лучше, чем ноль, как сейчас. Однако С. И. Князькин не предлагает ничего на случай, если начнутся разногласия, т. е., предположим, в одних странах национальные суды признают акт ЕЭК соответствующим Договору о Союзе, а в других – нарушающим этот Договор. Кроме того, если такие споры начинать «прогонять» по всем 3–4 инстанциям национальных судебных систем, то может начаться хаос. Если уж пойти по пути распределенного дизайна обжалования, полагаем возможным такой вариант, когда жалобы физлиц-непредпринимателей на нормативно-правовые акты органов Союза будут по первой инстанции рассматриваться национальными верховными судами, а в апелляционной инстанции – Судом ЕАЭС. Если слишком радикально разрешить апелляции в Суд ЕАЭС в любых случаях, то можно разрешить только при разногласиях между национальными верховными судами. Это может быть временным компромиссом, если пока что нет политической

[14] Князькин, С. И. Право на судебную защиту в ЕАЭС: международный и национальный аспекты / С. И. Князькин // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС. – Минск : Колорград, 2024. – С. 152–153.

воли разрешить физлицам-непредпринимателям прямые жалобы в Суд ЕАЭС на нормативные акты органов Союза.

Суммируя, расширение прав физических лиц на обращение в Суд ЕАЭС связано с необходимостью принять решения по следующим вопросам в отношении их жалоб.

- В каких случаях можно обжаловать нормативные акты органов Союза.
- В каких случаях можно обжаловать индивидуальные акты органов Союза.
- Можно ли обжаловать бездействие органов Союза, например, непринятие решения в установленный им для этого срок.
- В каких случаях необходимо сначала направить ходатайство о пересмотре акта в орган Союза, который его принял (обязательность попытки досудебного урегулирования).
- В каких случаях, если речь идет о применении норм права ЕАЭС на национальном уровне, сначала проходить вертикаль национальных судов, включая Верховный Суд.
- Когда национальный суд справе направлять преюдициальный запрос в Суд ЕАЭС.
- Каков объем права на обжалование у самозанятых граждан – адвокатов, нотариусов, аудиторов, арбитражных управляющих.
- Будет являться право физических лиц, имеющих и не имеющих гражданство одного из государств Союза, на обращение в Суд одинаковым либо нет.
- Обязательная сила и порядок исполнения решений.

Завершая, отмечу, что мы поддерживаем максимально широкое право национальных судов всех инстанций на обращение

в Суд ЕАЭС с преюдициальными запросами о толковании норм права ЕАЭС. Как наглядный пример подобного, сейчас много обсуждается свежее решение Суда ЕС о том, что санкции ЕС на оказание россиянам юридических услуг не охватывают нотариальные услуги. Это решение вынесено по преюдициальному запросу обычного берлинского суда, который рассматривал индивидуальную жалобу на отказ в нотариальном действии[15]. Но нужно учитывать, что если правовые позиции Суда ЕАЭС в ответах на такие преюдициальные запросы национальных судов будут для них необязательными, то это очень быстро демотивирует Суд ЕАЭС на них отвечать. В рамках данного небольшого материала мы не в состоянии в деталях обратиться к очень проблемной сфере исполнения решений Суда ЕАЭС. Отметим только, что возможным полем для компромисса здесь может быть применение по аналогии некоторых подходов действующего российского законодательства к юридической силе постановлений Конституционного Суда РФ. Например, можно установить, что решение Суда ЕАЭС носит обязательный характер, но вступает в силу с отсрочкой в 6 месяцев. И кроме того, что оно является основанием для пересмотра правоприменительных решений только в отношении непосредственно заявителя в Суд ЕАЭС. А в отношении других лиц решение учитывается без ретроактивности – только если их аналогичный спор через указанные 6 месяцев еще не прошел всю вертикаль обычных судов в одной из стран Союза.

[15] Court of Justice of the European Union. Judgment of the Court in Case C-109/23 dated 5 September 2024.

Таможенное регулирование и развитие внутреннего рынка Союза

О применении права ЕАЭС в сфере таможенного регулирования

Ю. Г. Иваненко
заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по экономическим спорам

Ежегодно в Российской Федерации арбитражными судами первой инстанции рассматриваются порядка 5 тысяч дел в сфере таможенного регулирования, часть из них непосредственно связана с применением права Евразийского экономического союза: Таможенного кодекса ЕАЭС, единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее также – Товарная номенклатура, ТН ВЭД ЕАЭС), решения Евразийской экономической комиссии.

По статистике Суда ЕАЭС за 2015–2024 гг. функционирование таможенного союза по предмету рассмотрения составляет почти половину дел.

Одними из наиболее актуальных дел в практике судов остаются дела, связанные с проверкой таможенными органами в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления или при камеральной таможенной проверке таможенных деклараций и иных документов, а именно их полноты, достоверности сведений о товаре, соответствующего кода товара по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС.

Изначально сложность отдельных случаев, возникающая еще на этапе таможенного декларирования, а впоследствии при возникновении таможенного спора и передачи его на рассмотрение компетентного суда по заявлению декларанта, имеет место ввиду различного толкования и применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами.

Как мы знаем, Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС является системой описания и кодирования товаров, которая используется для классификации товаров в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования, вывозных таможенных пошлин, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, ведения таможенной статистики.

Она может использоваться в целях налогообложения товаров и в иных целях, предусмотренных международными договорами и актами, составляющими право Союза, и (или)

законодательством государств-членов (ст. 19 Таможенного кодекса ЕАЭС).

Международной основой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств.

Имея названную основу, Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, как показывает в том числе судебная практика национальных судов и Суда ЕАЭС, представляет собой очень сложный нормативный документ, толкование которого требует не только определенных знаний и навыков, но и профессионального опыта. К сожалению, это не всегда является гарантией правильной классификации ввозимого товара, что отражается в соответствующих судебных актах.

Товарная номенклатура как часть права Союза находится в постоянном развитии. Ее основная обновленная редакция, утвержденная решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80 и действующая с 1 января 2022 г., в свою очередь, имеет уже 47 редакционных изменений.

Безусловно, правильному пониманию и толкованию положений Товарной номенклатуры при классификации товара способствуют рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии, содержащие вспомогательный рабочий материал, призванный обеспечить единообразную интерпретацию и применение Товарной номенклатуры, в виде пояснений к ней.

Изучая и применяя право Союза в сфере таможенного регулирования, можно констатировать, что в судебной практике критериями классификации товара для таможенных целей

являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. При этом предполагаемое назначение товара также представляет собой критерий при классификации для таможенных целей (абз. 6 подп. 7.2.1 решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 г.).

В решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 г. в качестве основного критерия для оценки обоснованности отнесения товара к определенной подсубпозиции указано функциональное назначение данного товара, в котором выражаются его объективные свойства.

Тем не менее весь существующий инструментарий не всегда позволяет обеспечить единообразное толкование Товарной номенклатуры.

Наглядным примером может послужить дело по заявлениям обществ с ограниченной ответственностью «Транспортейшн Рус» и «Шиптрейд» об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (в редакции решения Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 г. № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. № 15»).

Согласно решению Коллегии Комиссии от 31 января 2018 г. № 15 в редакции, действовавшей на момент декларирования спорных судовых дизельных двигателей, судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора

электрогенераторной установки, классифицируется в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

По мнению Комиссии, основным предназначением (функциональным назначением) судового дизельного двигателя является функция «вращения ротора электрогенераторной установки».

Согласно позиции Суда ЕАЭС, изложенной в решениях Коллегии от 18 июня 2019 г. № СЕ-1-2/1-19-КС и Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 31 октября 2019 г. № СЕ-1-2/6-19-АП, основным назначением рассматриваемых двигателей является приведение плавучих средств в движение, в том числе посредством электрической трансмиссии. В связи с этим классификация судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС признана противоречащей ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствующей нормам ст. 25, ст. 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., ст. 19 и ст. 22 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Несмотря на это, при исполнении решения Суда Коллегия Комиссии решением от 28 января 2020 г. № 20 внесла изменение в предыдущее решение, которое, по сути, сохранило прежний подход к классификации судового дизельного двигателя.

Эту же позицию разделял и национальный таможенный орган.

Вследствие данных обстоятельств два общества оспорили такое решение Комиссии.

Своими решениями от 13 июня 2023 г. № С-1/23 и от 2 октября 2023 г. № С-1/23 Суд ЕАЭС повторил ранее изложенные выводы о классификации товара.

Уже это обстоятельство послужило основанием для решения Коллегии Комиссии от 30 ноября 2023 г. № 169 о признании утратившим силу решения от 31 января 2018 г. № 15.

Таким образом, даже органы Союза не всегда занимают одинаковые позиции по толкованию и применению права Союза.

Нельзя не отметить, что при первичном рассмотрении т. н. дела о судовых дизельных двигателях судьи Коллегии Суда и Апелляционной палаты излагали особые мнения, отличные от принятых Судом.

В соответствии с п. 18 приложения № 1 к Договору о ЕАЭС решения Комиссии, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это.

Вместе с тем в решении Коллегии Комиссии от 30 ноября 2023 г. № 169 отсутствует прямое указание на возможность его применения с использованием принципа действия обратной силы нормативных правовых актов.

Есть и другой аспект. В рамках существующего правового регулирования признание Судом ЕАЭС решений Комиссии не соответствующими праву ЕАЭС не влечет их автоматическое изменение или утрату ими силы, поскольку в соответствии с п. 102 Статуса Суда ЕАЭС (приложения № 2 к Договору о ЕАЭС) решение Суда ЕАЭС не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права ЕАЭС, законодательства государств – членов ЕАЭС и не создает новых.

При этом согласно п. 111 Статута действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом ЕАЭС не соответствующими Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС, продолжается после вступления

в силу соответствующего решения Суда ЕАЭС до исполнения Комиссией данного решения Суда ЕАЭС.

Конечно, при наличии обоснованного ходатайства стороны спора действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, может приостанавливаться по решению Суда с даты вступления в силу такого решения Суда.

В то же время, говоря об эффективности и исполнимости актов Суда, нельзя не отметить тот факт, что, например, в практике судов Российской Федерации, которые, как правило, признают необходимость учета в сфере таможенного регулирования как решений Комиссии, так и решений Суда ЕАЭС, сложился подход, согласно которому акты Суда, не влекущие сами по себе непосредственно отмену (недействительность) оспоренных решений Комиссии, не имеют ретроактивного значения и не являются основанием для пересмотра судебных актов национальных судов.

Однако данный подход не исключает, что по находящимся в производстве судов делам, практика органов Союза может учитываться судами соответствующей инстанции.

Так, например, Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суд Российской Федерации (определение от 10 июля 2023 г. № 304-ЭС23-384 по делу № А45-29637/2021) было учтено решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 октября 2022 г. № 141 «О классификации аккумуляторной дрели-шуруповерта в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Одновременно с этим Судебная коллегия отметила, что в Российской Федерации практика классификации рассматриваемых товаров по коду 8467 21 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС признавалась правомерной некоторыми судами еще до принятия указанного решения на уровне Союза (дела №№ А56-67204/2021, А42-9177/2021).

Представляется, что в сфере таможенного регулирования и по иным предметам права Союза имеет значение своевременность решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров, которые в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС могут быть приняты и по собственной инициативе Комиссии при выявлении различной классификации товаров в принятых таможенными органами предварительных решениях о классификации товаров, в решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров.

Такое же значение могут иметь и консультативные заключения Суда, которых на сегодня 34.

Обозначенные решения Комиссии и консультативные заключения Суда, безусловно, обеспечивают правильное применение права Союза таможенными органами, что, в свою очередь, делает предсказуемыми их действия и решения в отношении классификации (декларирования) ввозимых или вывозимых товаров субъектами внешнеэкономической деятельности.

Такие акты органов Союза также способствуют формированию национальными судами государств-членов единообразной практики в сфере таможенного регулирования.

О компетенциях в вопросах классификации товаров для таможенных целей

Д. П. Александров
судья Суда Евразийского экономического союза

(Тезисы выступления)

VII Международная конференция, приуроченная к 10-летию подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, содержит в своей программе ряд тем, посвященных в той или иной степени компетенции Суда Союза. Обладая гибридной функцией конституционного и административного суда, Суд Союза при осуществлении своей компетенции стал одной из движущих сил евразийской интеграции. Конференция – яркое тому подтверждение.

Хочу затронуть вопрос компетенций применительно к делам об оспаривании хозяйствующими субъектами решений Евразийской экономической комиссии о классификации отдельных видов товаров.

Выбор этой темы обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, дела этой категории превалируют в статистике рассмотренных Судом дел (практика их рассмотрения показала, что нередко хозяйствующие субъекты стремятся посредством обращения в Суд Союза вернуться к вопросу оценки законности решений национальных судов и таможенных органов государств – членов Союза с ожиданием того,

что Суд выскажется по поводу классификационного кода товара).

Во-вторых, классификация товаров для таможенных целей – довольно сложный процесс, требующий наличия специальных познаний в разных областях, проведения экспертных исследований для определения физических, химических и иных характеристик и свойств товаров.

В-третьих, точность классификации имеет важнейшее значение для повышения объективности таможенной статистики внешней торговли, используемой при выработке государствами – членами Союза таможенной политики.

Классификация отдельных видов товаров, комплексное определение которым дано в ст. 21 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, преследует важную цель – обеспечение единообразного применения товарной номенклатуры.

Полномочием на принятие решений о классификации отдельных видов товаров наделены как таможенные службы федерального и республиканского уровня государств-членов, так и Евразийская экономическая комиссия.

Порядок принятия Комиссией этой категории решений установлен Порядком подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 г. № 284.

Согласно названному Порядку предложение о классификации вносится в Комиссию таможенным органом государства – члена Союза либо на основании решения Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов (ОКТС).

Евразийская экономическая комиссия вправе и по собственной инициативе принять решение о классификации, если выявит случаи различной классификации товаров в предварительных решениях региональных таможенных органов или в решениях о классификации отдельных видов товаров, принятых уполномоченными таможенными службами государств-членов.

Решение Комиссии о классификации отдельных видов товаров имеет нормативно-правовой характер, обладает обязательной силой для государств-членов, является частью права Союза, подлежит непосредственному применению на всей территории Союза.

Принятию такого решения предшествует многогранная, кропотливая работа профильных специалистов в сферах товароведения, различных отраслей промышленности и т. п. Проект решения предварительно согласовывается таможенными службами государств – членов Союза, может быть предметом обсуждения в ОКТС. Как правило, итоговый документ представляет собой одобренное всеми государствами и членами Комиссии решение.

Когда это решение становится предметом проверки в Суде Союза, его судьи, не являющиеся специалистами в технологии производства, химии, физике, электронике, медицине и прочих отраслях, помимо исследования решения Комиссии на предмет соответствия его исключительно нормам права Союза, исследуют, а порой делают попытки переоценить выводы технических специалистов об индивидуальных характеристиках и функциональном предназначении того или иного товара.

Вспомним отдельные вопросы технического характера, в изучение которых Суд погружался весьма глубоко с целью

проверки правильности определения Комиссией классификационных признаков товара:

влияние холодильного оборудования на физику температурного режима (дело № С-6/15, «чиллер»);

определение термина «препарат» как химического или фармацевтического продукта с анализом его состава из смесей «муравьиной и пропионовой кислот, формиата аммония» (дело № С-5/15, кормовые добавки);

определение основных функций дизельного двигателя посредством анализа принципа работы генератора электрического тока (дело № С-1/19, судовой двигатель);

оценка влияния клинических протоколов на возможность отнесения содержащего беззародышевые водные субстраты раствора к лекарственным средствам (дело № С-4/22, Хилак-форте).

В отдельных случаях Суд прямо указывал, как правильно классифицировать товар. Так, в решении по делу № С-3/18 изложены не только систематизированные характеристики инсулина-гларгина, но и прямой вывод: «одноразовые шприц-ручки следует классифицировать в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД». Вместе с тем Апелляционная палата Суда в решении по этому же делу отметила, что вопрос правильности классификации конкретного товара выходит за пределы предмета спора. Дискреция Суда не позволяет самостоятельно осуществлять классификацию товаров для таможенных целей.

В этой связи остается открытым вопрос: может ли Суд подменять, переоценивать мнение большого количества квалифицированных специалистов в таможенном деле, участвовавших

в процессе подготовки и принятия Комиссией соответствующего решения?

Цель Евразийской экономической комиссии при принятии решений о классификации отдельных видов товаров – обеспечение единообразного применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Союза.

Цель деятельности Суда – обеспечение единообразного правоприменения в рамках Союза (п. 2 Статута Суда).

Полагаю, решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров подлежит проверке исключительно на предмет соблюдения пределов ее компетенции в этом вопросе и процедуры принятия решения.

Право субъекта хозяйствования оспорить в Суде решение Комиссии зависит от наличия одного важного условия: решение должно непосредственно затрагивать права и законные интересы хозяйствующего субъекта, влечь их нарушение. Соответственно, для реализации права на обращение в Суд с соответствующим заявлением решение Комиссии должно носить индивидуально-определенный характер, т. е. устанавливать обязательные предписания в отношении индивидуально определенного лица (как, например, решения Комиссии, выносимые по результатам рассмотрения дел о нарушении правил конкуренции).

Если оспариваемое хозяйствующим субъектом решение содержит нормы общего характера, адресованные неопределенному кругу потенциальных участников таможенных правоотношений, а целью его принятия является обеспечение единообразия в применении товарной номенклатуры, иск не должен иметь шанса на удовлетворение.

Чрезмерное вторжение в специальную компетенцию Комиссии в вопросах таможенной классификации вряд ли способствует формированию в Союзе единой политики в области таможенного регулирования. Признание решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров не соответствующим праву Союза, даже если судебное решение ограничивается исключительно вопросами права, может стать труднопреодолимым препятствием в выборе Комиссией политики наднационального регулирующего органа, серьезно повлиять на ее приоритеты в области правоприменения в таможенной сфере.

Задачей Суда вижу предоставление гарантии того, что осуществляемый им нормоконтроль не будет избыточно вторгаться в выбор Комиссией политики регулятора и подменять ее компетенцию.

Высказанная мною точка зрения может не совпадать с позицией экспертов, коллег. Тем более будет интересным в ходе работы конференции услышать и другие мнения по озвученному мною вопросу.

Миссию Суда вижу в конструктивном взаимодействии с государствами-членами, с Евразийской экономической комиссией на пути построения эффективного правопорядка, целостность и достойное качество которого станут благом для народов наших стран.

Таможенное регулирование в условиях современных вызовов, связанных с развитием международной торговли

С. Н. Исмаилов
начальник отдела по юридической работе
Правового управления Государственной таможенной
службы при Министерстве финансов Кыргызской Республики

За прошедшие 10 лет мы стали свидетелями множества изменений и достижений. Был создан уникальный механизм, который обеспечивает экономическую интеграцию, способствует свободному движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Обеспечение единообразного применения права ЕАЭС является одним из ключевых факторов для создания стабильной и благоприятной деловой среды.

В этой связи, безусловно, возрастает значимость судебной системы ЕАЭС, которая играет ключевую роль в обеспечении правосудия и правоприменения в рамках ЕАЭС.

Суд ЕАЭС был создан в целях обеспечения единообразного применения права ЕАЭС государствами-членами и органами ЕАЭС, договорно-правовой базы ЕАЭС и решений органов ЕАЭС и с момента создания продемонстрировал свою важность в разрешении споров, возникающих по вопросам реализации Договора о ЕАЭС и других актов, составляющих право ЕАЭС. Деятельность Суда способствует формированию единого правового пространства, что является основополагающим

для обеспечения экономической интеграции и стабильности в нашем регионе.

Ключевыми задачами Суда являются не только рассмотрение споров, но и выработка правовых позиций, которые способствуют единообразному применению норм права и оказывают влияние на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС.

Однако с каждым новым шагом перед нами встают новые вызовы, требующие коллективных усилий и совместных решений.

Новые вызовы, такие как изменения в международной экономике, требуют от нас адаптации и готовности к реформам.

Один из таких вызовов, считаем, связан с развитием международной торговли, которая на протяжении всей истории человечества являлась двигателем экономического роста, обмена знаниями и культурного взаимодействия.

В этом процессе возрастает роль таможенных служб, которые должны обеспечивать как быстрый пропуск товаров через границы, так и контроль за соблюдением законов, связанных с безопасностью и налогообложением.

Основные вызовы, с которыми сталкиваются таможенные органы в условиях растущей глобальной торговли, включают:

– увеличение объема документации и данных;

– усложнение процессов контроля и проверки на соответствие товаров нормативам;

– рост рисков нарушений.

За период своего становления таможенная служба Кыргызской Республики как современная, многофункциональная система заняла особое место в экономической структуре

республики, выполняя важную роль в системе государственного регулирования внешнеэкономических связей.

Многие виды деятельности и действия в сфере внешнеэкономической политики страны не только жизненно важны с точки зрения осуществления общей реформы и модернизации таможенной службы, но и в значительной мере взаимосвязаны с вопросами содействия торговле, реализации национальной повестки дня и достижения всеобъемлющих целей.

В целях обеспечения содействия внешней торговле и обеспечения эффективности внешнеэкономической деятельности за счет повышения качества и результативности таможенного администрирования и внедрения современных инновационных проектов в таможенной сфере Кабинетом Министров Кыргызской Республики была утверждена Концепция развития таможенной службы на 2022–2025 гг.[1]

Так, реализация мер, предусмотренных данной Концепцией, позволила обеспечить выполнение следующих задач:

– совершенствование законодательной базы и нормативных правовых актов для упрощения процедур торговли;

– упрощение процедур и формальностей, направленных на содействие развитию торговли;

– создание цифровой таможни с целью обеспечения оперативного управления таможенными процессами и прозрачности таможенной службы;

---

[1] Об утверждении Концепции развития таможенной службы на 2022–2025 годы : постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 08.04.2022 № 202.

– совершенствование системы управления и повышение кадрового потенциала;

– развитие инфраструктуры таможенных объектов и оснащение современными техническими средствами.

Разработка новых подходов в таможенной сфере, предполагаемых Концепцией, обусловлена с учетом Основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.[2], Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 г.[3], Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023», одобренной решением Совета безопасности Кыргызской Республики от 14.12.2018 № 2, положений международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС.

Значительным шагом на пути либерализации и упрощения внешней торговли стало расширение практики электронного декларирования, предварительного информирования, сокращения срока выпуска товаров.

Немаловажным является развитие таможенной инфраструктуры и повсеместное использование технических средств в целях автоматизации и ускорения таможенных процессов, а также интегрированность работы данных технических средств с основной информационной системой и ее аналитическими компонентами.

---

[2] Об Основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12.

[3] О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 года : Указ Президента Кыргызской Республики от 12.10.2021 УП № 435.

Проводится работа по внедрению передовых технологий управления процессами прохождения товаров и транспортных средств через пункты пропуска, такими как автоматизированная система управления границей (интеллектуальный пункт пропуска), включающей в себя процессы использования системы учета, регистрации товаров и транспортных средств, автоматизации технических средств таможенного контроля, распознавания рентген снимков с использованием искусственного интеллекта, электронную очередь транспортных средств с фиксацией времени прохождения.

В целом с развитием международной торговли, которая в последнее десятилетие стремительно ускорилась, перспективные таможенные технологии играют ключевую роль, способствуя не только ускорению процессов торговли, но и снижению издержек, повышению безопасности и улучшению прозрачности операций.

Несмотря на достигнутые успехи, мы должны понимать, что правовая система постоянно эволюционирует. Поэтому важнейшим аспектом нашей работы остается развитие механизмов и совершенствование правоприменительной практики.

Таможенная стоимость и дивиденды: проблема правовой определенности

А. А. Наку
доцент кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России

Нынешней осенью тема таможенной стоимости стала одной из наиболее актуальных в деятельности Суда ЕАЭС. 14 ноября состоялось заседание Апелляционной палаты по делу ООО «БГ-ТУЛС-МСИ», а 21 октября Суд принял к рассмотрению жалобу компании «Порше Руссланд» на бездействие Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия), которое, по мнению истца, выражается в отсутствии разъяснений по вопросам возможности и условий включения дивидендов в таможенную стоимость.

Тенденция включения дивидендов в таможенную стоимость ввозимых товаров обозначилась в деятельности таможенных органов России после 2020 г., когда о необходимости контроля над этим было сказано в отчете российской Счетной палаты. С начала 2022 г. начала формироваться соответствующая судебная практика, наиболее показательными примерами чего стали определения Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) по делам «Шанель»[4], «Пулл энд Беар СНГ»[5] и «Бершка

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2022 г. по делу № А40-20125/2021.

[5] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2022 г. по делу № А09-1129/2021.

СНГ»,[6] поддержавшие позицию таможенных органов о корректировке таможенной стоимости на размер дивидендов, выплаченных компаниями своим участникам. Обозначился и тренд на комплексный подход со стороны таможни: включение в таможенную стоимость одновременно и дивидендов, и роялти или иных доначислений.

В 2023 г. вышел Обзор судебной практики ВС РФ № 1[7], который закрепил следующий подход: дивиденды, полученные от реализации на таможенной территории ЕАЭС импортных товаров и выплаченные иностранному лицу, одновременно выступающему поставщиком товаров и учредителем организации-импортера, включаются в таможенную стоимость, если они связаны с ввозимыми товарами. При этом Верховный Суд установил презумпцию отнесения дивидендов к ввезенным товарам при совпадении учредителя и поставщика, а также сформулировал условие их включения в таможенную стоимость – наличие отрицательной разницы между ценой сделки и средней внешнеторговой ценой на аналогичные товары и при этом отсутствие доказательств соответствия стоимости сделки и действительной стоимости товара, предоставленных импортером. То есть если ранее российские суды возлагали бремя доказывания наличия признаков манипулирования элементами таможенной

---

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2022 г. по делу № А09-1751/2021.

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2023.

стоимости на таможенные органы, то теперь декларант должен доказать отсутствие таких признаков.

Понятие «учредитель», как следует из российской судебной практики, не обязательно означает единственного участника (акционера). Так, в деле ООО «Грегуар-Бессон Восток»[8] закупка сельхозоборудования производилась у участника ООО, доля которого в уставном капитале общества составляла 82 %.

Наиболее тревожным в позиции ВС РФ для правопорядка ЕАЭС выглядит отсутствие ссылки на ранее озвученную позицию ЕЭК о том, что выплаты дивидендов, которые по своей сути соответствуют ч. 1 ст. 43 Налогового кодекса Российской Федерации, не должны включаться в таможенную стоимость ввозимых товаров, поскольку они не являются ни частью цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате за товары, ни дополнительными начислениями к ней, перечень которых установлен ст. 40 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС). Более того, ВС РФ не берет во внимание консультативные заключения и рекомендации Всемирной торговой организации (ВТО), принимаемые в соответствии с п. 2 ст. 18 Соглашения по применению ст. VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (далее – Соглашение о таможенной оценке).

Казалось бы, ВС РФ должен был поставить точку в разногласиях при рассмотрении споров о дивидендах и таможенной стоимости в российских судах. Более того, анализируя географию иностранных компаний – получателей дивидендов и период принятия вышеупомянутых судебных актов, явно

[8] Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2023 № 19АП-696/2022 по делу № А08-3672/2021.

прослеживается политический подтекст, что вроде бы дает надежду на более мягкий подход российских таможенных и судебных органов в отношении импорта из стран, не относящихся к «недружественным».

Однако вопросы остаются. Главный из них – выполнение требований ст. 38 ТК ЕАЭС. Процедуры определения таможенной стоимости товаров должны быть общеприменимыми, т. е. не различаться в зависимости от источников поставки товаров, в том числе от происхождения товаров, вида товаров, участников сделки и других факторов. Различия в подходе к дивидендам между государствами-членами (а на данный момент практика их включения в таможенную стоимость в государствах-членах, кроме России, не распространена) ставит вопрос о единообразии применения права Союза на всей его территории и эффективности функционирования единого рынка товаров.

Другой вопрос – вектор развития административной и судебной практики России после принятия вышеупомянутого Обзора ВС РФ в 2023 г. Есть решения о корректировке таможенной стоимости на размер дивидендов, выплаченных из полученной более трех лет назад прибыли, или дивидендов, которые не могут быть выплачены в силу действующих в России ограничений на платежи в «недружественные» страны. Неоднозначна практика в отношении таможенной стоимости товаров, приобретенных не у взаимосвязанных с импортером продавцов, а у третьих лиц. Так, арбитражный апелляционный суд в одном из решений установил неправомерность включения дивидендов в таможенную стоимость товаров, приобретенных у поставщиков, не являющихся участниками импортера. Но и это решение вызывает вопросы: как быть в случае, когда поставки

от иностранного участника легко могут быть направлены через формально независимого, но подконтрольного посредника? Масштаб проблемы с каждым новым судебным решением только увеличивается.

Не ясны и критерии манипулирования при декларировании таможенной стоимости. В рассмотренных выше примерах ВС РФ исходит из того, что решение о выплате дивидендов принимается исключительно по усмотрению иностранного поставщика или взаимосвязанных с ним участников группы компаний, что «порождает существенный риск манипулирования элементами стоимости товара, формирующими его таможенную стоимость». Вопрос – в чем могут состоять цели такого манипулирования? Известно, что размер дивидендов определяется исходя из размера чистой прибыли хозяйственного общества, а чистая прибыль – это часть прибыли, остающаяся у общества после уплаты налогов, сборов, отчислений и других обязательных платежей в бюджет. Налог на прибыль в России составляет 20 %, после чего дивиденды, выплачиваемые из этой прибыли иностранной материнской компании, облагаются налогом у источника по ставке 5–15 % в зависимости от применимого соглашения об избежании двойного налогообложения. Выплата дивидендов считается самым затратным с точки зрения налогообложения способом перевода прибыли от дочерней компании. Есть исследования, согласно которым занижение таможенной стоимости для последующего перевода части прибыли от оборота импортированных товаров в виде дивидендов имеет экономический смысл лишь при высоких, выше 15–20 %, ставках ввозных пошлин. При импорте товаров с низкими ставками ввозных пошлин взаимосвязанные стороны сделки зачастую

прибегают к обратной практике – завышению таможенной стоимости для последующей «экономии» на налоге на прибыль путем увеличения затрат налогоплательщика-импортера.

То есть наличие риска манипулирования элементами таможенной стоимости не означает, что такое манипулирование (посредством занижения таможенной стоимости) в действительности имеет место в силу неочевидности получения какой-либо экономической выгоды для сторон внешнеторговой сделки. Другое дело, что в условиях применения Российской Федерацией фактически заградительных ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от ставок Единого таможенного тарифа ЕАЭС, в отношении ряда товаров, происходящих в «недружественных» странах[9], появление у импортера экономической выгоды в связи с занижением таможенной стоимости товаров, облагаемых адвалорными ставками, вполне вероятно. Но даже это обстоятельство вряд ли оправдывает отход от ключевого для ЕАЭС принципа единообразия таможенного регулирования и нарушение вышеупомянутых требований ст. 38 ТК ЕАЭС.

Где же находится источник сложившейся правовой неопределенности? В соответствии с п. 1 ст. 39 ТК ЕАЭС таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, т. е. цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате (далее – ЦФУ) за эти товары при их продаже

[9] Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2022 № 2240.

для вывоза на таможенную территорию Союза и дополненная в соответствии со ст. 40 ТК ЕАЭС. Согласно п. 9 ст. 39 ТК ЕАЭС, ЦФУ относится к товарам, перемещаемым через таможенную границу Союза, в связи с чем перечисляемые покупателем продавцу дивиденды или иные платежи, *если они не связаны с ввозимыми товарами*, в таможенную стоимость последних не включаются. При определении таможенной стоимости товаров по стоимости сделки к ЦФУ добавляется часть полученного в результате последующих продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров дохода (выручки), которая прямо или косвенно причитается продавцу.

Приведенные нормы ТК ЕАЭС основаны на соответствующих положениях Соглашения о таможенной оценке, а п. 9 ст. 39 является переводом п. 4 примечания к ст. 1 Соглашения. На английском языке это примечание выглядит так: «The price actually paid or payable refers to the price for the imported goods. Thus the flow of dividends or other payments from the buyer to the seller *that do not relate to the imported goods* are not part of the customs value». При лингвистической интерпретации этого примечания возникает вопрос, относится ли выделенная курсивом часть только к другим платежам (other payments from the buyer to the seller) или и к дивидендам тоже? Анализ публикаций зарубежных авторов по данной теме показывает, что большинство из них придерживаются первого подхода и, безусловно, выводят дивиденды из-под ЦФУ. Аналогичный подход отмечается и в комментариях разработчиков Соглашения о таможенной оценке: дивиденды – это, по сути, возврат инвестиций компании и, следовательно, они не связаны с конкретными внешнеторговыми сделками; с учетом экономической

сущности дивидендов они, как платежи, не связанные с товарами, не подлежат включению в таможенную стоимость.

Практика исчисления таможенной стоимости в зарубежных странах показывает, что дивиденды либо однозначно не включаются в таможенную стоимость, либо не включаются при условии, что они не относятся к импортируемым товарам (т. е. единообразие отсутствует и в мировой практике). При этом в большинстве таможенных территорий данный вопрос не урегулирован законодательно, а разрешен на уровне издаваемых таможенными органами руководств и рекомендаций. Так, таможенные службы Великобритании и США в своих документах указывают, что дивиденды не включаются в таможенную стоимость[10]. Аналогичной позиции придерживается Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (который является Таможенным союзом) – стоимость товара для таможенных целей не включает дивиденды или иные платежи от покупателя продавцу, которые не относятся к импортируемым товарам. Европейская комиссия не столь категорична: дивиденды, выплаченные продавцу, могут быть исключены из таможенной стоимости[11].

Насколько правомерным и целесообразным представляется вмешательство ЕЭК в вопрос о дивидендах? Компетенция Комиссии по принятию актов, направленных на обеспечение единообразного применения методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, предусмотрена в п. 17 ст. 38 ТК

[10] HM Revenue & Customs Guidance, Last updated 28 October 2024; Customs and Border Protection Valuation Encyclopedia 1980–2015.

[11] Customs Manual on Valuation, last reviewed October 2024.

ЕАЭС. Такие акты должны приниматься исходя из соответствующих положений Соглашения о таможенной оценке, включая пояснительные примечания к нему, а также документов по таможенной стоимости товаров, принятых Комитетом по таможенной оценке ВТО и Техническим комитетом по таможенной оценке Всемирной таможенной организации[12]. Принцип правовой определенности, согласно позиции Суда, применяется как один из принципов права Союза, а его несоблюдение рассматривается Судом в качестве самостоятельного основания для признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза. Представляется, что ввиду потенциально негативного влияния на внутренний рынок Союза правовой неопределенности, сложившейся в связи с формирующейся в Российской Федерации правоприменительной практикой по дивидендам, вмешательство Комиссии было бы весьма целесообразным. Но каким образом Комиссия могла бы устранить правовую неопределенность в отношении включения дивидендов в таможенную стоимость?

Однозначное и безусловное исключение дивидендов из таможенной стоимости внесло бы, пожалуй, максимальную определенность, но вряд ли такое решение отвечает уровню компетенции ЕЭК, поскольку оно требует внесения изменения в п. 9 ст. 39 ТК ЕАЭС. Кроме того, реалии сегодняшнего дня, как в государствах – членах Союза, так и в других странах, не позволяют исключить риски манипулирования элементами таможенной стоимости со стороны участников внешнеэкономической деятельности, в том числе с помощью оптимизации структуры

[12] Решение Суда ЕАЭС по делу ООО «БГ-ТУЛС-МСИ» от 11.09.2024.

взаимных платежей. Но и не прибегая к столь радикальному решению, на уровне акта Комиссии можно существенно снизить сложившуюся правовую неопределенность и обеспечить максимально возможное единообразие в применении методов определения таможенной стоимости. В частности, акт Комиссии мог бы:

а) уточнить, что в ТК ЕАЭС и Соглашении о таможенной оценке существует достаточный набор инструментов для определения таможенной стоимости ввозимых товаров по сделке между взаимозависимыми лицами; если декларант не может доказать, что взаимосвязь сторон не влияет на цену сделки, последовательно применяются резервные методы определения таможенной стоимости;

б) пояснить критерии, по которым различаются дивиденды, связанные и не связанные с ввозимыми товарами (например, минимальная доля иностранного участника-продавца в уставном капитале покупателя; порядок определения периода времени между ввозом товаром и выплатой дивидендов; критерии взаимосвязанности для продавцов-посредников и т. д.);

в) разъяснить, что манипулирование элементами стоимости товара может иметь место только тогда, когда стороны сделки способны извлечь реальную экономическую выгоду из занижения таможенной стоимости с учетом всех применимых правил налогообложения и бухгалтерского учета, а также уточнить понятие «существенный риск манипулирования».

Решение Суда ЕАЭС по иску «Порше Руссланд» может внести существенный вклад в укрепление единообразия в деятельности таможенных органов и судов государств-членов по применению единого таможенного регулирования.

Пути улучшения таможенной практики в странах Союза посредством судебных механизмов ЕЭАС

А. В. Кирильченко
руководитель практики таможенного права и международной торговли, юридическая фирма «БГП Литигейшн»

Суд ЕАЭС, разрешая правовые споры и предоставляя толкование союзных норм права, выполняет незаменимые функции для формирования и поддержки правового фундамента евразийской интеграции.

За 10 лет работы Союза под призму Суда ЕАЭС попадали разные вопросы евразийской интеграции: таможенное, техническое регулирование, меры защиты внутреннего рынка, трудовые, конкурентные и другие вопросы. Большинство них (более 40 %) составляли различные аспекты функционирования Таможенного союза[1].

Для исследования таможенного регулирования в контексте взаимодействия таможенных органов и компаний наиболее важны акты Суда ЕАЭС по спорам хозяйствующих субъектов

---

[1] Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 22 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/b57/mvhsq0ha8ipk4n239430mvpctvala3s1/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%2022.07.24.pdf. – Дата доступа: 19.11.2024.

наших стран с Евразийской экономической комиссией. В части таможенного регулирования компании обращались в Суд ЕАЭС в основном по вопросам классификации товаров по ТН ВЭД (более 60 %).

Классификационные вопросы имеют несомненное практическое значение, от них зависит ставка таможенных пошлин и ввозного НДС, меры нетарифного регулирования, запреты и ограничения. Но в сфере ВЭД судебной оценки на союзном уровне требуют такие вопросы, как таможенная стоимость, антидемпинговые и иные защитные меры, таможенные льготы, применение технических регламентов, ввозные и вывозные санитарные требования и т. д.

У правоприменителей на территории ЕАЭС – у таможенных органов, участников ВЭД, судей национальных судов – расходятся по наиболее сложным вопросам таможенного права. Например, таможенные нормы о дополнительных начислениях к таможенной стоимости: как учитывать в таможенной стоимости лицензионные платежи, конструкторские и инжиниринговые работы, дивиденды и иные расходы продавца и покупателя, не включенные в цену товаров; как трактовать нормы о влиянии взаимосвязи между продавцом и покупателем на таможенную стоимость товаров и т. д.

На текущий момент Суд ЕАЭС рассмотрел только несколько дел о таможенной стоимости товаров, что составляет около 5 % от споров хозяйствующих субъектов ЕАЭС с Комиссией.

Дисбаланс в сторону классификационных вопросов ослабляет союзное правоприменение, снижает уровень единообразия

и мешает формированию единого правового пространства в ЕАЭС.

Объясняется эта проблема не отсутствием интереса или запроса на толкование таможенных норм, а отсутствием подходящих для этого процессуальных форматов.

Данная проблема видна на примере рассмотрения Судом ЕАЭС споров о таможенной стоимости по заявлениям российских компаний «БГ-ТУЛС-МСИ» и «Порше Руссланд» против Комиссии.

Истец «БГ-ТУЛС-МСИ» просил признать не соответствующим ТК ЕАЭС (подп. 7 п. 1 ст. 40) Правила Комиссии о применения метода 1 при определении таможенной стоимости в части п. 3(1) (решение ЕЭК от 20 декабря 2012 г. № 283). Истец не смог обосновать такое несоответствие, о чем указал Суд ЕАЭС в своих судебных актах[2].

Относительно доводов о слишком общем и неконкретном характере нормы Суд ЕАЭС отметил, что «*общий характер нормы п. 3(1) Правил, содержащейся в разделе I "Общие положения", с учетом нормотворческой техники ее изложения не предполагает необходимости приведения в ней перечня всех условий учета лицензионных договоров и платежей по ним для целей исчисления таможенной стоимости товаров. Данная норма взаимосвязана с подп. 7 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС и п. 9 Правил, которые, в свою очередь, содержат конкретизирующие положения. Таким образом, формулировки правовых предписаний не противоречат нормам права Союза*».

[2] Решение Суда Евразийского экономического союза от 11.09.2024 № С-5/24.

С доводами о правовой неопределенности обжалуемых норм Суд ЕАЭС не согласился, констатировав, что «*уяснение содержания оспариваемого п. 3(1) Правил в совокупности с иными нормами правовых актов, регламентирующих вопросы таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, приводит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных истцом требований*».

Такая ситуация может быть объяснена тем, что Статут Суда ЕАЭС не дает подходящей процессуальной формы для того, чтобы ответить на истинный запрос истца о толковании норм о дополнительных начислениях к таможенной стоимости в виде ноу-хау в ситуации, когда ноу-хау используется не только для производства лицензионной продукции, но и в целях ремонта оборудования и для иных производственных нужд. Такую ситуацию нельзя назвать единичной, правовой интерес к единым подходам и критериям при применении таможенных норм к таким ситуациям имеется как минимум у производственных компаний в ЕАЭС, у таможенных и судебных органов.

Подходов и критериев к учету ноу-хау в таможенной стоимости Суд ЕАЭС не предложил в своих судебных актах, что может быть объяснено ограничениями процессуального порядка при рассмотрении таких заявлений.

В деле по заявлению компании «Порше Руссланд» против Комиссии[3] по вопросу учета дивидендов в таможенной стоимости Суд ЕАЭС выразил правовую позицию по существу поставленного компанией вопроса, которая состоит в следующем: *«...стоимость сделки с ввозимыми товарами может быть*

[3] Дело № С-10/24.

дополнена иными платежами, которые создают доход продавца с таможенной территории соответствующего государства и, следовательно, считаются формирующими часть цены, используемой для таможенных целей, даже если они не были включены в контрактную цену товаров. Таким образом, ТК ЕАЭС в данном контексте допускает возможность учета сумм, поименованных в качестве дивидендов и являющихся таковыми лишь по форме, при определении действительной таможенной стоимости товаров».

Тем самым Суд ЕАЭС донес сутевую правовую позицию по одному из вопросов таможенной стоимости через мотивировочную часть своего решения как обязательную к применению. Как сформулировал Суд ЕАЭС на примере дела «Транспортейшн Рус» и «Шиптрейд» против Комиссии[4], «*обязательность решения не ограничивается его резолютивной частью, а также включает мотивировочную часть решения, которая содержит правовую оценку и обоснование выводов Суда по рассматриваемому делу*».

Таким образом, Суд ЕАЭС не всегда дает толкование по существу вопросов таможенного права при рассмотрении споров по заявлениям хозяйствующих субъектов. Потребность в этом со стороны последних позволяет поднять вопрос о расширении процессуальных форм для обращений в суд со стороны хозяйствующих субъектов.

Стоит подумать о возможности и формах судебной оценки рекомендательных актов Комиссии, что позволит поправлять и дополнять их правовое содержание или даже быть поводом

[4] Дело № С-1/23.

для формирования новых рекомендательных актов. Возможен вопрос: допустимо ли подвергать судебной оценке акты, имеющие не обязательный, а рекомендательный характер? В этом контексте стоит отметить, что рекомендации ЕЭК применяются наряду с классическими правовыми актами и в этом смысле становятся полноценной частью мягкого права, формируя правила поведения в таможенных правоотношениях. При таком рассмотрении рекомендаций Комиссии их судебная оценка, наряду с нормативными правовыми актами, представляется обоснованной и полезной для совершенствования единого правового поля в ЕАЭС.

Суду ЕАЭС стоит обратить внимание на опыт Конституционного Суда РФ, функции которого схожи в части проверки конституционности норм российского законодательства и придания им толкования, обязательного для всех участников российского правового поля. Как отмечает Секретариат этого судебного органа, КС РФ «*при необходимости обеспечивает такое соответствие путем истолкования либо указывает нормотворческим органам на необходимость устранения выявленных дефектов правового регулирования*». Обязательность решений КС РФ обеспечивается следующим[5].

Во-первых, решения КС РФ действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами.

---

[5] О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон. – Ст. 79, 80.

Во-вторых, юридическая сила постановления КС РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

В-третьих, решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением КС РФ неконституционными либо примененных в истолковании, расходящемся с данным КС РФ в постановлении истолкованием, должны быть пересмотрены (а до пересмотра не подлежат исполнению).

В-четвертых, если решением КС РФ нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации и в данном КС РФ истолковании вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании нормотворческий, орган обязан их устранить.

Статистика КС РФ показывает, что такие гарантии работают на уровне РФ достаточно эффективно. В 2023 г. в порядке ст. 80 ФКЗ о КС приняты 27 федеральных законов[6].

Обеспечение актов Суда ЕАЭС схожими гарантиями позволит снять имеющиеся на текущий момент проблемы с их исполнением и с их рецепцией правовой практикой стран ЕАЭС.

Акты Суда ЕАЭС должны действовать непосредственно в странах Союза, а нормы права Союза применяться в странах ЕАЭС в истолковании, приданном им Судом ЕАЭС.

---

[6] Информационно-аналитический отчет об исполнении решений конституционного суда российской федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2023 г. [Электронный ресурс]. – С. 5. – Режим доступа: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2023.pdf. – Дата доступа: 19.11.2024.

Стоит установить запрет на преодоление решений Суда ЕАЭС повторным принятием Комиссией акта с тем же правовым содержанием.

Предоставление Суду ЕАЭС права на признание обжалуемого акта не соответствующим праву Союза с момента принятия такого акта позволит исправить дефекты его применения, а передача вопросов реализации таких решений на уровень стран ЕАЭС позволит учесть особенности каждого государства и установить ограничения и реституционные механизмы, соответствующие интересам каждой страны в ЕАЭС.

Свобода учреждения в ЕАЭС и роль интеграционного судебного органа в развитии корпоративного права

А. И. Анищенко
старший преподаватель кафедры евразийских исследований факультета международных отношений БГУ,
партнер юридической фирмы Anischenko Laptev

Свобода учреждения, наряду со свободой торговли услугами, деятельности и осуществления инвестиций, традиционно рассматривается в качестве наиболее сложной по своему регулированию. Она носит комплексный характер, предназначена для работы хозяйствующих субъектов государств-членов на едином рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и должна обеспечивать свободу передвижения капиталов и услуг. Актуальность вопросов свободы учреждения или свободы перемещения компаний в условиях формирующегося нового многополярного мира не утрачена. Напротив, появляются новые сложные и интересные теоретические и практические вызовы, как это можно, например, наблюдать на примере активизировавшихся процессов корпоративной релокации и редомициляции. Кроме того, продолжает совершенствоваться и гармонизироваться национальное законодательство государств – членов ЕАЭС. Хороший пример тому – недавняя новелизация гражданского законодательства Республики Беларусь, в рамках которой,

среди прочего, закреплена возможность создания в Беларуси филиалов юридических лиц[1].

До настоящего времени проблематика этой сферы экономических отношений, крайне важной для формирования эффективно функционирующего общего рынка ЕАЭС, еще не попадала в фокус внимания Суда ЕАЭС при рассмотрении судебных дел[2]. Это, однако, вовсе не означает, что роль интеграционного судебного органа в обеспечении свободы учреждения и развитии корпоративного права незначительна.

Как показывает опыт других интеграционных образований, в частности Европейского союза, значение правовых позиций, сформулированных Судом ЕС в своих решениях, прежде всего в решении по делу *Centros* (1999) и целой серии дел, последовавших за этим решением, сложно переоценить. Поэтому несомненно, что Суд ЕАЭС еще скажет свое веское слово и внесет свой вклад в реализацию провозглашенной

---

[1] Царева, Л. Филиалы иностранных организаций: что предлагает новая редакция ГК [Электронный ресурс] / Л. Царева. – Режим доступа: https://ilex.by/news/filialy-inostrannyh-organizatsij-chto-predlagaet-novaya-redaktsiya-gk/. – Дата доступа: 03.02.2025.

[2] Статистические данные о деятельности Суда ЕАЭС по состоянию на 31 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/cc1/51ytdfaf6bfgl5ajfu4h7kobap9cp1fu/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE-%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.24.pdf. – Дата доступа: 03.02.2025.

в п. 2 ст. 66 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) цели по обеспечению свободы учреждения с соблюдением принципов либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, закрепленных в ст. 67 Договора.

В настоящей публикации затронем стратегический аспект правового регулирования свободы учреждения и развития евразийского корпоративного права в целом, в котором позиция Суда ЕАЭС может оказаться крайне важной, если не определяющей. Речь о проблеме потенциального конфликта юрисдикций, или регуляторной конкуренции, и о том, как в ЕАЭС разрешится дилемма между упором на гармонизацию и унификацию корпоративного права, с одной стороны, и правом государств-членов самостоятельно определять порядок и условия учреждения на своей территории.

В Европейском союзе эта же дилемма была в свое время разрешена в широко известном решении Суда ЕС по делу *Centros* (1999) и последовавшей вслед за ним целой серии решений по таким делам, как *Überseering* (2002), *Inspire Art* (2003), *Cadbury Schweppes* (2006) и др. Эти судебные решения имели основополагающее значение для развития европейского права в рассматриваемой области, поскольку в них Судом ЕС были сформулированы общие подходы к гармонизации и унификации национального корпоративного права государств – членов ЕС, а также заложены основы, принципы *наднационального* европейского корпоративно-правового регулирования. При этом дискуссии теоретиков и практиков европейского права относительно занятой Судом ЕС позиции не утихают до сих пор, и совсем нельзя исключать, что в какой-то момент Суд ЕС может

принципиально изменить свою позицию, как это, например было сделано в подходе к квалификации мер, равнозначных количественным ограничениям после решения по делу *Keck*.

В ЕС вопросы права учреждения урегулированы как на уровне первичного права ЕС, этому посвящена гл. 2 раздела IV Договора о функционировании ЕС, так и на уровне вторичного права ЕС, имеется множество регламентов и директив, регулирующих самые различные вопросы – от трансграничных реорганизаций и банкротств до минимальных требований к уставным фондам и объему публикуемой финансовой информации.

В ЕАЭС ситуация обстоит иначе и нормативно-правовое регулирования пока остается только на уровне первичного права. На уровне Союза правовое регулирование свободы учреждения в целом и свободы учреждения компаний в частности находится в начальной стадии своего развития, по сути, ограничиваясь нормами Договора, где соответствующие вопросы урегулированы в разделе 6, и положениями Протокола о торговле услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору.

Представляется, что такое положение дел, во-первых, ограничивает инициативу Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), а во-вторых, сдерживает, пусть и косвенно, правоприменительную и в особенности судебную практику. Как убедительно показывает статистика дел Суда ЕАЭС, в тех областях правового регулирования, где Комиссия обладает более широкими нормотворческими и распорядительными полномочиям, например, в области таможенного, технического регулирования, в области права конкуренции, и регулярно их реализует, субъекты хозяйствования и государства-члены гораздо

активнее пользуются инструментами юридической защиты своих интересов на уровне Союза, включая и обращение за судебной защитой.

Однако более важным представляется выбор стратегического подхода к обеспечению свободы учреждения в ЕАЭС и стимулированию развития корпоративного права, которому будет следовать и Комиссия, и Суд ЕАЭС.

Согласно теоретикам европейской интеграции авторы Договора о ЕС понимали, что если деятельность компаний, субъектов хозяйствования должна способствовать интеграции национальных рынков в общий рынок, то правовой режим должен предоставить этим субъектам хозяйствования возможность перейти от классической экспортно-импортной модели функционирования сугубо к такой модели, когда они могли бы быстро и беспрепятственно перемещаться путем создания относительно постоянных учреждений за пределами национальных границ[3].

В качестве частных примеров решения этой глобальной задачи можно упомянуть существующую в ЕС возможность создания наднациональных юридических лиц, перенос места нахождения юридического лица из одного государства-члена в другое, современное регулирование M&A сделок и т. п.

К сожалению, в ЕАЭС эти вопросы пока лишь обсуждаются на уровне идей. Хотя если бы подобные инструменты были сегодня доступны бизнесу, то многие вопросы производственной

[3] Weiss, F. European Union Internal Market Law / F. Weiss, C. Kaupa, – Cambridge : Cambridge University Press. – 2014. – P. 197.

кооперации в рамках ЕАЭС могли бы решаться быстрее и эффективнее.

К примеру, в 2021 г. авторы доклада Комиссии «Об условиях создания и деятельности совместных предприятий в производственных секторах услуг», отмечая нереализованный потенциал инвестиционного сотрудничества государств – членов ЕАЭС и незначительную долю взаимных инвестиций в рамках ЕАЭС в общем объеме привлекаемых прямых иностранных инвестиций, делали вывод о том, что страны Союза при использовании наилучшей практики на основании норм раздела XV Договора о ЕАЭС смогут обладать более существенным инвестиционным потенциалом и получат значительные возможности для активизации сотрудничества[4]. А в Стратегических направлениях развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных Высшим евразийским экономическим советом, отмечалась актуальность и важность формирования такой практики и подчеркивалось, что *«для успешной работы на внутреннем рынке Союза и мировых площадках необходимо продолжить проработку вопроса создания совместных евразийских корпораций, которые при выходе государств-членов на внешние рынки позволят работать во взаимодействии и взаимопонимании. Повышению уровня локализации производства и импортозамещению будет способствовать*

[4] Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eek-podgotovlen-obzor-po-sozdaniyu-sovmestnyh-predpriyatij-%20v-sfere-proizvodstvennyh-uslug/. – Дата доступа: 03.02.2025.

формирование совместных финансово-промышленных групп и евразийских транснациональных корпораций»[5].

Однако говорить о серьезном прогрессе в этом направлении пока, к сожалению, не приходится, и уж точно в этом нельзя упрекнуть Суд ЕАЭС. При этом не вызывает сомнений крайне важная роль Суда ЕАЭС в том, чтобы даже в случае послаблений для национальных регуляторов не допустить негативных проявлений регуляторной конкуренции, когда государства в стремлении увлечь бизнес на свою территорию позволят занижение стандартов государственного регулирования, не заботясь об интересах кредиторов и трудовых коллективов (т. н. *race to the bottom*[6]), допускают злоупотребления со стороны бизнеса, вовлекаются в т. н. *forum shopping*[7], когда выбор, где регистрировать компанию, определяется не добросовестными рациональными экономическими соображениями, а преимущественно

---

[5] Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php. – Дата доступа: 03.02.2025.

[6] Гонка по нисходящей, гонка уступок (англ. race to the bottom – букв. «гонка на дно»), ситуация, при которой государства стремятся повысить национальную привлекательность для зарубежного бизнеса путем отмены существующих ограничений, предоставления налоговых льгот или социальных гарантий и т. п.

[7] Виноградов, А. А. Forum Shopping и право Европейского союза / А. А. Виноградов // Московский журнал международного права. – 2010. – № 4. – С. 141–154.

налоговым планированием или препятствованием исполнению обязательств перед кредиторами.

Весьма показательно в этом смысле мнение Генерального адвоката Трстеняка, высказанное им по делу *Idryma Typou AE* (2010): *«Есть много причин предпринимать усилия по сближению корпоративного права государств-членов. Главное – это принцип свободы учреждения. В случае с компаниями, однако, они могут и будут пользоваться своим правом на учреждение только в гармонизированной правовой среде. Еще больший стимул для гармонизации – это осознание того, что решения компаний о месте их нахождения должны приниматься в интересах экономики Союза в целом на основе рациональных экономических факторов, а не исходя из того, где существует более благоприятная среда для предприятий с точки зрения национального корпоративного права. Более того, сближение национальных правовых порядков имеет целью обеспечение одинаковых конкурентных условий для всех компаний Союза. Наконец, существование сопоставимой корпоративной правовой среды помогает обеспечить осуществление трансграничных инвестиций на благо экономического и социального развития союза»*[8].

[8] Case C-81/09, Idryma Typou AE [2010] ECR I-10161? Opinion of Advocate General Trstenjak, para. 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf;jsessionid=5A3BD0C7B703860876F5B35D826E0621?text=&docid=81189&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=28029579. – Дата доступа: 03.02.2025.

К счастью, т. н. эффект штата Делавэр, как это было в ЕС после решения по делу Centros[9], в ЕАЭС маловероятен и пока дисбаланса в количестве юридических лиц, регистрируемых в государствах – членах ЕАЭС не наблюдается. Представляется, что историческая общность и отсутствие принципиальных различий (личный закон юридического лица, участие работников в управлении и т. п.) в корпоративном праве государств – членов ЕАЭС (в отличие, например, от стран ЕС или BRICS) является позитивным фактором для гармонизации и хорошим подспорьем для спокойного и устойчивого развития, а не оголтелой конкуренции.

К сожалению, отмеченное выше отсутствие у Комиссии нормотворческой компетенции в области свободы учреждения и регулирования частноправовых (корпоративных) отношений пока сдерживает реализацию интеграционных инициатив в области корпоративного права. Согласно ст. 66 Договора сфера применения норм о свободе учреждения ограничена двумя обязательствами государств-членов:

1) не вводить новые дискриминационные меры в отношении учреждения и деятельности лиц других государств-членов;

2) проводить поэтапную либерализацию условий учреждения, деятельности и осуществления инвестиций.

---

[9] Bonnevier-Dudzik, S. The Delaware Effect – A Comparison between Institutional Competition and Harmonisation in the Field of Corporate Law [Электронный ресурс] / S. Bonnevier-Dudzik. – Режим доступа: https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=1556430&fileOId=1563986. – Дата доступа: 03.02.2025.

С учетом вышеизложенного и в зависимости от выбора государствами – членами ЕАЭС и Комиссии активной или пассивной стратегии преобразований можно условно выделить два базовых, крайних сценария развития событий с точки зрения реализации провозглашенных интеграционных целей и интересов в области свободы учреждения:

- *оптимистичный* – успешное регулирование корпоративных вопросов на наднациональном уровне, последовательная гармонизация с органичным переходом к унификации и постепенному отмиранию серьезных национально-правовых различий;
- *пессимистичный* – сохранение корпоративного права как преимущественно национального с его минимальной гармонизацией, явной или латентной конкуренцией юрисдикций и невостребованность интеграционных инициатив предложений по созданию наднациональных организационно-правовых форм

Естественно, только время покажет, кто именно – государства-члены, Комиссия или, может быть, Суд ЕАЭС – выступит локомотивом соответствующих преобразований и на что будет сделан упор: на унификацию, гармонизацию или регуляторную конкуренцию в определенных Договором о ЕАЭС рамках, а главное – что реально получиться реализовать в рамках имеющихся у интеграционных органов полномочий и определенных государствами-членами приоритетов.

Однако уже сейчас можно высказать ряд предложений, реализация которых позволит, по нашему мнению, направить интеграционные усилия в данной области в более практичное и конкретное русло.

Во-первых, представляется целесообразным проведение под эгидой Комиссии глубокого и системного мониторинга национального корпоративного права с целью выявления различий и существующих ограничений свободы учреждения в ЕАЭС, выработки дорожной карты гармонизации, а также создания и поддержания в актуальном состоянии единого информационного портала, содержащего актуальную информацию как минимум по следующим трем направлениям:

- национальное корпоративное законодательство;
- данные государственных реестров о регистрации хозяйствующих субъектов;
- публичная финансовая отчетность, которая бы давала хотя бы минимальные гарантии кредиторов, безусловно, с учетом соблюдения принципа пропорциональности.

Представляется, что создание и функционирование такого портала в полной мере соответствовало бы требованиям транспарентности, определенным в ст. 69 Договора.

Во-вторых, представляется разумным продолжить работу по сокращению, цифровизации и унификации корпоративных процедур и формальностей в процессе создания, функционирования и прекращения деятельности субъектов хозяйствования, углубление цифровизации всего жизненного цикла юридических лиц, пока национальных, а в будущем, надеюсь, и евразийских. В этом плане показателен пример упрощения регистрационных процедур, которые на заре евразийской интеграции, например, в Республике Беларусь, могли занимать до нескольких месяцев, а сейчас их соблюдение укладывается в несколько дней и по большому счету не требует вовлечения внешних юридических консультантов.

В-третьих, хотелось бы ускорить создание наднациональной евразийской корпоративной правосубъектности. Рассматривая наднациональный уровень регулирования, предстоит определиться, ограничивать ли создание наднациональных юридических лиц публичными евразийскими акционерными компаниями, что более релевантно для крупного бизнеса и государственных корпораций, или предоставить такую возможность также среднему и малому бизнесу, предусмотрев, например, возможность создания евразийских обществ с ограниченной ответственностью. И если ранее вторая опция могла показаться нерелевантной, то сейчас, наблюдая, как быстро и успешно частный бизнес государств – членов ЕАЭС выстраивает горизонтальные кооперационные связи в новой экономической реальности, она выглядит не только реализуемой, но и весьма актуальной и востребованной.

Как известно, соответствующая работа уже давно ведется Комиссией в рамках выполнения соответствующего поручения Евразийского Межправсовета[10], однако хочется надеяться на ее активизацию и скорейшее появление в публичном пространстве как минимум дорожной карты, а как максимум – вынесения проектов соответствующих правовых актов на общественное обсуждение.

В-четвертых, остается актуальной и перспективной проработка не только на национальном (как, например, в Армении

[10] Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-predstavili-predlozheniya-po-sozdaniyu-nadnatsionalnykh-evraziyskikh-kompaniy-/. – Дата доступа: 03.02.2025.

и России), но и на евразийском уровне механизмов трансграничной реорганизации и редомицилирования.

В целом принципиальных проблем в реализации провозглашенных Договором целей по обеспечению свободы учреждения не просматривается, в то время как перспективы свободного движения компаний и осуществления инвестиций в ЕАЭС, развития евразийского корпоративного права весьма заманчивы, а выгоды от этого очевидны. При этом принципиально важно, чтобы органы Союза, включая Суд ЕАЭС, не допустили непродуктивной конкуренции юрисдикций, обеспечив гармонизацию и эволюцию корпоративного права государств – членов ЕАЭС, а также формирование общего корпоративного права ЕАЭС в общих интересах всего Союза и его отдельных государств-членов.

Практика применения в ЕАЭС мер защиты внутреннего рынка

Ю. Г. Падрез
начальник главного управления тарифного и нетарифного регулирования Государственного таможенного комитета Республики Беларусь

В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) создан единый механизм применения защитных мер в отношении импорта товаров из третьих стран.

Одним из важнейших инструментов противодействия неблагоприятному влиянию внешней конкуренции становится применение мер защиты внутреннего рынка – специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, используемых в международной торговле для эффективной **нейтрализации ущерба** отечественной промышленности от демпингового, субсидируемого или возросшего импорта иностранных товаров.

В соответствии со ст. 48 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) решение о применении специальных защитных, антидемпинговых или компенсационных мер принимает Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) по итогам проводимого расследования.

Согласно положениям Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам заявление о проведении расследования подается производителем или объединением

производителей, осуществляющих выпуск не менее 25 % от общего объема производства в ЕАЭС аналогичного или непосредственно конкурирующего товара (при подаче заявления о применении специальной защитной меры) либо аналогичного товара (при подаче заявления о применении антидемпинговой или компенсационной меры).

На официальном сайте Комиссии опубликованы **методические рекомендации по подготовке заявления о применении компенсационной, антидемпинговой и специальной защитной меры.**

Рекомендации разработаны с целью оказания помощи производителям в государствах – членах ЕАЭС в подготовке соответствующих заявлений и содержат разъяснения требований к объему информации, которую необходимо привести в заявлении и которая может служить основанием для принятия решения о начале расследования, предшествующего введению компенсационной, антидемпинговой и специальной защитной мер.

В настоящее время применяются **24 меры защиты внутреннего рынка в форме антидемпинговых пошлин или одобренных ценовых обязательств**, принятых экспортерами или производителями иностранного товара о повышении своих экспортных цен до уровня, устраняющего демпинг.

Перечень действующих в ЕАЭС антидемпинговых мер размещен на сайте Комиссии.

Договором о ЕАЭС установлено, что для целей применения мер **защиты внутреннего рынка** применяются правила определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, установленные решением Совета Комиссии

от 13 июля 2018 г. № 49 (непреференциальные правила определения происхождения товаров).

В соответствии с Непреференциальными правилами в случаях, когда в отношении ввозимого товара в ЕАЭС применяется мера защиты внутреннего рынка (в привязке к конкретной стране происхождения), происхождение аналогичных товаров, ввозимых из других стран, подтверждается сертификатом о происхождении товара (за исключением небольших партий до 1 500 евро).

Таким образом, основными документами, подтверждающими, что ввозимые товары не подпадают под действие защитных мер, являются **сертификат о происхождении товара** (подтверждающий иное происхождение, нежели установлено в соответствующем решении) и **сертификат производителя** (в случае если такой документ предусмотрен соответствующим решением Коллегии Комиссии).

При проведении таможенного контроля таможенные органы в целях обеспечения соблюдения антидемпинговых мер применяют следующие формы таможенного контроля:

проверка документов и (или) сведений, заявленных в таможенной декларации, в части достоверности сведений, содержащихся в документах о происхождении товаров;

проведение таможенного осмотра и (или) досмотра товаров.

Кроме того, уполномоченными должностными лицами может быть принято решение о проведении таможенной экспертизы.

Также может осуществляться верификация документов о происхождении товаров с целью проведения проверки достоверности сведений, содержащихся в сертификате

о происхождении товара, а также установления подлинности сертификата о происхождении товара, получения дополнительных документов, сведений в соответствии с правилами определения происхождения ввозимых товаров.

Комиссией по обращениям компетентных органов государств – членов ЕАЭС и производителей аналогичной продукции на территории ЕАЭС проводятся дополнительные расследования в целях выявления путей обхода действующих антидемпинговых мер.

К примеру, объектом повторного расследования являлись грузовые шины из Китайской Народной Республики (далее – КНР), поставляемые на таможенную территорию ЕАЭС как самостоятельно, так и в комплекте с колесным диском, классификация которых осуществляется в подсубпозиции 8708 70 990 9 ТН ВЭД ЕАЭС.

Как показало расследование, после начала применения антидемпинговой меры наблюдалось изменение практики поставок грузовых шин, которое заключалось в:

– снижении объемов ввоза из КНР грузовых шин как таковых и увеличении объемов поставок колес в сборе;

– раздельной последующей реализации грузовой шины и диска, ввезенных в составе колеса в сборе.

При этом нереализованные на рынке ЕАЭС диски вывозились обратно в КНР для последующего укомплектования грузовой шиной.

В результате основная часть импорта китайских грузовых шин (с учетом грузовых шин в составе колес в сборе) осуществлялась по демпинговым ценам и без уплаты антидемпинговой пошлины, в обход антидемпинговой меры, следствием чего

явилось снижение объемов производства и реализации грузовых шин, производимых в государствах – членах ЕАЭС, в условиях недобросовестной конкуренции со стороны аналогичных товаров китайского производства.

Наличие указанных фактов явилось основанием для принятия решения о распространении действия антидемпинговой меры, установленной решением Коллегии Комиссии от 17 ноября 2015 г. № 154, также и на грузовые шины, ввозимые в составе (комплекте) колес в сборе и классифицируемые кодом 8708 70 990 9 ТН ВЭД ЕАЭС.

Государствами – членами ЕАЭС в рамках функционирования **Объединенной коллегии таможенных служб государств – членов ЕАЭС** проводится на постоянной основе работа по единообразному применению специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Таким образом, можем констатировать, что в рамках ЕАЭС создан эффективный механизм применения мер защиты внутреннего рынка при импорте соответствующих товаров из третьих стран.

Право ЕАЭС в национальной правоприменительной практике

Правоприменительная практика в сфере экономических правоотношений: актуальные тенденции

Ю. В. Кобец
заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь

Как известно, любая система функционирует и развивается по определенным законам. Но также известно, что любое развитие сопровождает разрешение тех противоречий, которые проявляются при функционировании системы. Если говорить о государстве, в частности о Республике Беларусь как суверенном независимом государстве, экономическую основу которого составляют рыночные отношения, оно также обладает свойствами системы, а движущие силы, которые направляют его развитие, в настоящее время представлены, с одной

стороны, защитой национальных, государственных интересов, с другой стороны, необходимостью выполнения международных обязательств в рамках различных интеграционных объединений.

В 2024 г. Республика Беларусь – это член ШОС, государство – партнер БРИКС, государство – член СНГ, Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), участник одного из самых эффективных объединений – Союзного государства.

Поиск баланса национальных и интеграционных интересов оказывает влияние не только на нормотворчество, но и на правоприменение. Сегодня Республика Беларусь выстраивает свое национальное законодательство с учетом национальных и интеграционных приоритетов, и все это происходит в условиях массированного внешнего недружественного воздействия со стороны третьих стран. Сообразно регуляторике строится правоприменительная практика. Приведенный тезис, собственно, задает тенденции последней.

Так, в Республике Беларусь складывается судебная практика по реализации норм, направленных на защиту национальных интересов в связи с действиями недружественных стран. В прошлом году вступили в силу и активно реализуются на практике Закон «О применении специальных ограничительных мер» и Закон «О вопросах передачи под временное внешнее управление».

Оба закона направлены на защиту национальных интересов и безопасности Республики Беларусь, ее суверенитета, политической и экономической стабильности, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций Республики Беларусь в связи с недружескими действиями иностранных государств.

Как правило, такие действия связаны с введением в отношении нашей страны незаконных санкций и решением иностранных собственников ликвидировать успешно работающие на территории Республики Беларусь предприятия.

Кроме указанного, наши субъекты столкнулись и с проблемой фактического недопуска к правосудию в странах, провозгласивших себя развитыми демократиями. Так, резиденты Республики Беларусь лишены возможности перечислять денежные средства, необходимые для обращения в международные суды, их представителям отказывают в предоставлении виз для участия в судебных заседаниях, а адвокатские конторы европейских стран отказываются заключать договора на представление интересов наших предприятий без указания каких-либо причин.

Абсолютно естественной в таких условиях является необходимость на основе общепризнанных принципов и норм международного права уже на национальным уровне принимать меры, направленные на исключение негативных последствий недружественных действий иностранных государств в отношении Республики Беларусь, ее граждан и организаций.

Всего за период действия вышеназванных законов поступило 50 заявлений в рамках принятия специальных ограничительных мер, в том числе 11 – о запрете рассмотрения дела в иностранном арбитраже и 39 – о признании недействительными заключенных сделок, а также экономическими судами республики рассмотрено 17 дел с участием субъектов хозяйствования, в отношении которых применен Закон «О вопросах передачи под временное внешнее управление».

Республика Беларусь для обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в целях предупреждения

несостоятельности или банкротств реформировала законодательство в данной сфере, результатом чего стало принятие Закона «Об урегулировании неплатежеспособности», который вступил в силу 1 октября 2023 г.

Закон содержит концептуальные отличия, касающиеся компетенции, роли и полномочий суда по вопросу урегулирования неплатежеспособности.

Законом пересмотрен действующий ранее подход о полном судебном сопровождении рассмотрения дела об урегулировании неплатежеспособности. С суда сняты несвойственные функции по его активному участию в проведении процедур санации и ликвидационного производства, т. е. по последующему исполнению принятых им решений до момента восстановления платежеспособности должника либо до его ликвидации, в том числе по решению вопросов, касающихся финансово-хозяйственной деятельности должника, распоряжения его имуществом.

За судом сохранена функция разрешения спорных вопросов, возникающих между лицами, участвующими в деле, в ходе любой процедуры, применяемой в ходе производства по делу об урегулировании неплатежеспособности. Однако такие споры подлежат рассмотрению в рамках новых категорий дел – по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством, либо при рассмотрении предусмотренных Законом самостоятельных процессуальных обращений – ходатайств.

Существенные изменения претерпели и положения норм материального и процессуального права, начиная с вопросов принятия мер по предупреждению несостоятельности и банкротства должников, оснований для подачи заявлений о несостоятельности или банкротстве (заявления об урегулировании

неплатежеспособности), категорий дел (разделены на дела о несостоятельности или банкротстве) и заканчивая вопросами ликвидации (прекращения деятельности) должников. Существенно изменены подходы, касающиеся проведения процедур, применяемых в ходе производства по делу о несостоятельности или банкротстве и подлежащих разрешению судом в их ходе вопросов.

Анализ правоприменительной практики с момента вступления в силу названного Закона за истекший период выявил необходимость и актуальность разъяснения Пленумом Верховного Суда отдельных новелл Закона, в частности по организации процесса принятия заявления и возбуждения производства по делу, назначения управляющих, введения защитного периода, а также подходов, связанных с правильным и обоснованным рассмотрением дел про существу, выработки единых подходов в понимании судами задач и роли суда при рассмотрении дел по урегулированию неплатежеспособности, реагирования судами на выявленные при рассмотрении таких дел недостатки.

С целью их разрешения и формирования единообразной практики применения законодательства об урегулировании неплатежеспособности Верховным Судом Республики Беларусь завершается работа над проектом постановления Пленума по соответствующей тематике.

Кроме того, на днях (19 ноября 2024 г.) вступили в силу обновленные положения Гражданского кодекса Республики Беларусь, и мы с интересом ожидаем, каким образом новеллы воспримет практика. В первую очередь те из них, которые касаются деятельности юридических лиц, направления юридически значимых сообщений, правил сделок, в особенности новых институтов для широкого круга лиц – заверения об обстоятельствах, и, конечно,

вопросов взыскания неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами и возмещения убытков.

Следует констатировать, что корректировка отраслевого законодательства нередко влечет увеличение числа споров в связи с изменившимися подходами.

Здесь ярким примером является сфера государственных закупок. В связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 31 января 2024 г. «Об изменении Закона Республики Беларусь "О государственных закупках товаров (работ, услуг)"» скорректированы правила включения в т. н. черный список (список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок), одностороннего отказа от исполнения договора и иные. Сейчас в судебной практике мы наблюдаем увеличение числа требований, сводящихся к исключению субъектов из такого списка, оспариванию одностороннего отказа от исполнения договора государственной закупки. Как правило, здесь преследует одна цель – исключиться из черного списка и получить возможность снова участвовать в процедурах государственных закупок.

Также в сфере государственных закупок наблюдается тенденция появления требований о возмещении убытков в связи с заключением замещающих сделок. В частности, речь о том, что, если договор государственной закупки по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств поставщиком расторгнут, а впоследствии заказчиком заключен новый договор, но по более высокой цене требуемого заказчику товара, разница между ценой прежнего и нового договора формирует убытки для заказчика, а следовательно, для бюджета,

возмещение которых позволяет обеспечить эффективность использования бюджетных средств.

Если соотнести интеграционные процессы и правоприменительную практику, то особого внимания заслуживает практика Суда ЕАЭС. Для национальных судов, белорусских в том числе, представляют практическую ценность и значимость решения Суда ЕАЭС по сферам, где в ЕАЭС проводится единая политика, в частности в таможенной сфере. Правовые позиции Суда ЕАЭС по таможенным спорам принимаются во внимание белорусскими судами при рассмотрении споров по соответствующей категории дел в части, касающейся применения норм права ЕАЭС и Таможенного кодекса ЕАЭС в частности.

Но мы также с интересом наблюдаем за судебной практикой Суда ЕАЭС по иным категориям дел и видим следующее. Как в национальной системе, так и в рамках интеграции различные сферы отношений и их правовое регулирование пересекаются и требуют взвешенной оценки разноотраслевых норм.

Так, отмечу консультативное заключение Суда ЕАЭС от 13 ноября 2024 г., в котором Судом дана оценка одновременного действия норм права ЕАЭС, регулирующих вопросы конкуренции и государственных закупок. Среди наиболее важных, с нашей точки зрения, выводов, которые, уверен, будут оказывать влияние и на практику белорусского антимонопольного органа – Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, и на судебную практику, отмечу два. Первый – о том, что понятия «товарный рынок» и «закупки» соотносятся друг с другом через общую понятийную категорию – приобретение товаров, работ, услуг.

Второй вывод состоит в том, что независимо от того, приобретается товар в результате проведения конкурентных процедур государственных закупок или неконкурентных, мы все равно остаемся в пределах товарного рынка.

Как следствие, при проведении государственных закупок действуют те же подходы к обеспечению конкуренции, как если бы такие процедуры не проводились и обращение товаров на товарном рынке осуществлялось в отсутствие его специального правового регулирования.

Примечательным также является тот факт, что в данном консультативном заключении Суд ЕАЭС, по сути, проанализировал экономические основы функционирования ЕАЭС, конкуренции и государственных закупок, что, несомненно, придает еще большую ценность сделанным выводам.

О том, как преломляется защита прав на результаты интеллектуальной деятельности – товарные знаки – в сфере конкурентных отношений, мы также вскоре увидим в решении Суда ЕАЭС по делу по заявлению индивидуального предпринимателя Е. А. Курко.

Не сомневаюсь, что выводы Суда по данному делу будут ценны и для нашей правоприменительной практики.

Завершая, позволю себе подчеркнуть: какие бы тенденции ни прослеживались в правоприменительной практике, какие бы внешние условия ни складывались, и национальные суды, и интеграционные всегда должны служить той цели, для которой они созданы, соответственно, реализовывать конституционные и интеграционные ценности и приоритеты, принимая во внимание содержание конкретных экономических отношений.

Конкуренция и согласие в контексте взаимодействия Суда Союза и национальных судов государств – членов ЕАЭС

Ю. В. Айрапетян
доцент кафедры гражданского права и гражданского процессуального права Российско-Армянского университета

Как известно, за время своей успешной работы Суд Евразийского экономического союза сформировал обширную практику рассмотрения споров, возникающих по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также заявлений о разъяснении права Союза, где четко вычерчивается приоритет права Союза в вопросах регулирования внутрисоюзных правоотношений в судебной практике. В подтверждение этому Высшие судебные инстанции Российской Федерации[1]

[1] О некоторых вопросах применения таможенного законодательства : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2013 г. № 79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_155037/. – Дата доступа: 21.11.2024; О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197839/. – Дата доступа: 21.11.2024.

и Республики Казахстан[2] в своих судебных актах подчеркивали, что нижестоящим судам следует учитывать правовые позиции Суда Союза при толковании права Союза.

Это факт служит основанием полагать, что правовые позиции Суда Союза следует считать частью правовых систем государств – членов Союза через учет практики Суда в ходе отправления правосудия на национальном уровне. Попробуем проанализировать несколько наиболее известных примеров подобного учета.

Одним из примеров учета правовых позиций Суда Союза высшими национальными судебными органами является ***Дело о критериях допустимости вертикальных соглашений,*** в котором Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд с заявлением о разъяснении положений ст. 74, 75, 76 Договора, посвященных общим принципам и правилам конкуренции. Пункт 3 ст. 74 предоставляет государствам-членам право закреплять в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных ст. 75 и ст. 76 Договора. В своем запросе заявитель просил разъяснить, вправе ли государство-член устанавливать в национальном законодательстве иные критерии допустимости вертикальных соглашений.

Суд ЕАЭС указал, что Договором не предусмотрено право государств-членов изменять установленные критерии

[2] О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/19kz0007/. – Дата доступа: 21.11.2024.

допустимости вертикальных соглашений, а также что понятие «товарный рынок товара», закрепленное в праве Союза, следует толковать как товарный рынок товара, являющегося предметом вертикального соглашения, а не как любой товарный рынок.

Позиция Суда ЕАЭС была воспринята Конституционным Судом Республики Беларусь в решении от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017.

Конституционный Суд Республики Беларусь указал, что с учетом положений п. 7 ст. 76 Договора из сферы действия Закона о противодействии монополистической деятельности исключаются отношения, урегулированные общими правилами конкуренции на трансграничных рынках, контроль за соблюдением которых относится к компетенции Евразийской экономической комиссии в соответствии с международным договором Республики Беларусь. Конституционный Суд Республики Беларусь также уточнил, что критерии отнесения рынка к трансграничному устанавливаются в соответствии с международным договором Республики Беларусь[3].

---

[3] Обзор влияния практики Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/27c/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A-1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf. – Дата доступа: 21.11.2024.

В соответствии с нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 7 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» акты Суда ЕАЭС должны учитываться судами при разрешении споров, связанных с применением норм права Союза, соответствие которых Договору о Союзе было предметом рассмотрения в Суде ЕАЭС.

Следующим интересным примером того, как высшие судебные органы ссылаются на позиции Суда Союза, может служить ***дело о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза.*** В нем обращение Евразийской экономической комиссии в Суд Союза было обусловлено различным пониманием государственными органами Российской Федерации и Комиссией системы регулирования пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов Союза. В консультативном заключении Суда о разъяснении п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору) сформулирована правовая позиция, согласно которой уровень прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах, в связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 17 июня 2020 г. по делу общества с ограниченной ответственностью «Цеппелин» сослался на сформулированную Судом ЕАЭС правовую позицию в подтверждение недопустимости придания обратной силы

решениям ЕЭК, ухудшающим положение физических и (или) юридических лиц[4].

Примером применения права Союза судебными органами Кыргызской Республики служит постановление Верховного Суда от 9 ноября 2017 г. В данном судебном акте, оценивая законность взыскания антидемпинговых пошлин, Верховный Суд начал свою аргументацию с уяснения ст. 48 Договора о Союзе о правомерности их применения, а затем обратился к толкованию решения ЕЭК[5], которым введена соответствующая пошлина для установления ее применимости к обстоятельствам рассматриваемого дела[6].

Однако вышеописанные правовые явления в большинстве своем иллюстрируют согласие как главный фактор правового симбиоза между Судом Союза и высшими национальными судебными инстанциями, и они не носят абсолютного

---

[4] Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 20 декабря 2018 г. по делу по заявлению ЕЭК (дело о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза), № Р-5/18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/P-5.18/. – Дата доступа: 21.11.2024.

[5] О мерах по защите экономических интересов производителей металлопроката с полимерным покрытием в Таможенном союзе : решение ЕЭК от 24 мая 2012 г. № 49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/. – Дата доступа: 21.11.2024.

[6] Дьяченко, Е. Б. Применение права ЕАЭС национальными судебными органами и развитие межсудебного диалога / Е. Б. Дьяченко // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 244–260. DOI: 10.52468/ 2542-1514.2022.6(4). – С. 251.

и безграничного характера в случаях взаимодействия, например, с конституционными судами. Так, Конституционный Суд Республики Армения, рассмотрев дело «Об определении вопроса соответствия Конституции Республики Армения обязательств, закрепленных в подписанном 11 апреля 2017 г. Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза», признал обязательства, закрепленные в Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, соответствующими Конституции Республики Армения. Вместе с тем Конституционный Суд РА пришел к выводу о том, что «нормы права, являющиеся источником наднационального права, соответствующие в аспекте содержания категории "закон" и регулирующие вертикальные правовые отношения, могут стать предметом конституционного контроля в Конституционном Суде в порядке "последующего конституционного контроля", учитывая также толкование, данное в правоприменительной практике какому-либо закрепленному в них положению». Также следует отметить, что, рассматривая норму международного договора в порядке последующего конституционного нормоконтроля в вышеуказанном контексте, речь не должна идти о возможности признания соответствующей нормы неконституционной. При выявлении противоречащего Конституции РА толкования оспариваемой нормы Таможенного кодекса ЕАЭС Конституционный Суд вправе истолковать эту норму исходя из требований Конституции РА[7].

[7] Постановление Конституционного Суда Республики Армения по делу об определении вопроса соответствия Конституции Республики Армения

В Российской Федерации от Суда ЕАЭС ожидается уважение основополагающих конституционных принципов. В противном случае Конституционный Суд Российской Федерации вправе задействовать механизм, описанный в п. 5.1 ст. 125 Конституции, и решить вопрос о неисполнении в Российской Федерации решения Суда ЕАЭС. Следовательно, по общему правилу национальные судебные органы учитывают практику Суда ЕАЭС, при этом национальный конституционный правопорядок вправе поставить вопрос о возможности исполнения решения Суда ЕАЭС в том случае, если практика Суда ЕАЭС не соответствует Конституции данного государства – члена ЕАЭС[8].

Как справедливо замечают Е. Дьяченко и К. Энтин, Конституционный Суд РФ продемонстрировал в известном Определении еще от 3 марта 2015 г. № 417-О, что, несмотря на передачу государствами-членами полномочий по таможенному регулированию на наднациональный уровень, включая рассмотрение соответствующих дел Судом ЕврАзЭС (в настоящее время – Судом ЕАЭС), он сохраняет «спящие полномочия» по контролю за соответствием актов права Союза нормам национальной Конституции[9]. Таким образом, членство в международных

обязательств, закрепленных в подписанном 11 апреля 2017 г. Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза.

[8] Мысливский, П. П. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза / П. П. Мысливский // Московский журнал международного права. – 2021. – № 3. – С. 90.

[9] Дьяченко, Е. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность / Е. Дьяченко, К. Энтин // Международное правосудие. – 2017. – № 3 (23). – С. 92.

интеграционных объединениях не должно создавать потенциальных угроз основам конституционного строя и нарушениям основополагающих прав человека. Конституционный Суд РФ прямо говорит о возможном приоритете своих судебных актов над судебными актами Суда Союза тогда, когда вопрос связан с правами человека.

Некоторые ученые считают, что конкуренция Суда ЕАЭС и национальных конституционных судов из разряда теоретических вопросов может перерасти в реальность. В подтверждение своих опасений, часто приводятся аргументы в виде нескольких решений КС РФ, в которых Суд постановил, что действующий в ЕАЭС Таможенный кодекс Таможенного союза применяется на территории России в толковании, данном КС.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что правовые позиции Суда Союза зачастую учитываются национальными судами при толковании права Союза за исключением тех случаев, когда Суд Союза может «посягать на конституционный правопорядок», что, безусловно, должно являться основой для формирования единообразного подхода в рамках ЕАЭС.

Крайне актуальной представляется необходимость в расширении дальнейшего сотрудничества Суда Союза и высших судебных органов государств-членов. Несмотря на то, что страны неохотно принимают решение о расширении компетенции органов Союза, так, например, до сих пор нет официальных разъяснений позиции Кассационного Суда Республики Армения по вопросам значения решений Суда Союза, их учета при рассмотрении и разрешении дел национальными судами, необходимо выработать эффективные предложения, которые позволят привести практику применения права Союза в государствах-членах

к единой цели. В некоторых случаях существует дисбаланс правоприменительной практики одних и тех же норм в государствах-членах, что приводит к возникновению препятствий на внутреннем рынке.

Видится целесообразным выстроить горизонтальную судебную структуру с участием высших судебных инстанций государств-членов и Суда Союза в целях создания действенного механизма, который позволит координировать деятельность национальных судебных органов по применению права Союза и минимизировать количество возможных конкурентных явлений. Думается, что следующим шагом в становлении системы евразийского права должна стать выработка единообразных позиций всеми высшими судами стран ЕЭАС, что позволит преодолеть опасения национальных судов за свою независимость и правосубъектность, иначе Суд Союза не сможет претендовать на звание полноценного судебного органа интеграционного объединения. Лишь превращение Суда Союза в эффективно действующий и авторитетный механизм позволит решить проблему потенциальной конкуренции с другими судами[10].

И одним из главных направлений в этой связи хотелось бы выделить формирование единого подхода к праву на судебную защиту и доступность правосудия в рамках ЕАЭС. Именно этой теме была посвящена международная конференция, организованная Судом ЕАЭС два года назад.

[10] Исполинов, А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств – членов Евразийского экономического союза / А. С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 164.

Отрадно, что многие предложения, представленные евразийскому юридическому сообществу тогда, начали получать свою реализацию и закрепление. Доступность правосудия является базовым элементом любой правовой системы, обеспечивающим восстановление нарушенных прав и свобод заинтересованных лиц, соответствующие институциональные положения доступности правосудия реализованы в Договоре о ЕАЭС и позволяют субъектам хозяйствования отстаивать свои интересы в судебном порядке. Безусловно, ведущая роль в формировании эффективного и доступного правосудия принадлежит Суду ЕАЭС.

Стремление ЕАЭС сделать право на судебную защиту в рамках системы союзного права более доступным для хозяйствующих субъектов совершенно оправдано, ведь от этого напрямую зависит успех всего интеграционного объединения. Но в этом вопросе, на наш взгляд, важно понимать, насколько доступным является правосудие в государствах – членах ЕАЭС. Процесс евразиации, в том числе и правовой, должен носить взаимный и взаимодополняющий характер. Уровень доступности правосудия в национальных правовых системах непосредственно влияет на общесоюзный уровень доступности правосудия и наоборот.

В свою очередь, считаем, что в числе основных тенденций формирования единого подхода к праву на судебную защиту и доступность правосудия в ближайшие годы в рамках евразийской интеграции на национальном уровне должно стать совершенствование таких институтов-критериев доступности правосудия, как: 1) постатейное закрепление принципа доступности правосудия в процессуальном законодательстве; 2) институт

бесплатной юридической помощи; 3) размеры государственных пошлин, а также льготы по ее уплате при подачи заявлений в суд; 4) цифровизация судебного разбирательства. Указанные институты до сих пор имеют ряд принципиальных отличий в государствах-членах.

Роль Суда ЕАЭС в разрешении противоречий национального правоприменения: необходимость наднациональной оценки спорных норм таможенного права

В. П. Шавшина
руководитель группы таможенного регулирования и международной торговли, партнер компании «Б1», доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

1. Почему мы говорим о спорных нормах права ЕАЭС?

Любое развитие происходит при взаимодействии сторон в конфликтной ситуации. Норма права – это не все то право, в котором мы пребываем. Право – абсолютно живая материя, и мы понимаем, что, как правило, возвращаясь к теории права, нормы, к сожалению, не всегда успевают за развитием отношений, которые происходят в обществе, в том числе в экономической составляющей этого общества. Только через дуальность и единство в одной противоположности возможен переход на новый уровень регулирования тех или иных отношений.

В рамках законодательства такие категории, как роялти и дивиденды, довольно ограничены в действующем регулировании. Таможенные органы тяготеют к включению в таможенную стоимость ввозимого сырья стоимости соответствующих прав на производственный объект интеллектуальной собственности.

Возникает вопрос: на каком основании происходит данное включение в таможенную стоимость, если лицензионный продукт только частично состоит из импортного сырья, и как определить, какая часть роялти относится к сырью? Какие подходы к методу расчета могут быть в таком случае?

Относительно дивидендов важно обратить внимание на п. 9 ст. 39 ТК ЕАЭС: ЦФУ относится к товарам, в связи с чем перечисляемые покупателем продавцу дивиденды или иные платежи в случае, если они не связаны с ввозимыми товарами, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров. Понятие «иные платежи» широкое, но и само по себе в таможенном законодательстве встречается неоднократно. Понятие «дивиденды» в таможенном законодательстве более не встречается.

Необходимость наднациональной оценки спорных норм права связана с отсутствием единого мнения в судебной практике и на уровне государственных органов РФ относительно включения дивидендов и роялти в таможенную стоимость возимых товаров.

По вопросу включения роялти в таможенную стоимость товаров.

Позиция Минфин РФ: роялти не делятся и включаются в полном объеме; при отсутствии документального разделения у таможенного органа отсутствует право самостоятельного разделения.

При обращении к комментарию Компендиума ЕС по таможенной оценке читаем: нельзя включать все, нужно определить часть для включения по предложенному подходу.

Верховный Суд рассуждает о том, что тоже включать все нельзя, необходимо определить часть причитающихся сумм

«гибко, но не произвольно». Опять же достаточно субъективные формулировки.

Заметен значительный разброс на уровне локального правоприменения, в связи с чем у таможенных органов возникают трудности с формированием однозначной позиции по данному вопросу.

Если говорить о вопросе дивидендов, судебная практика только развивается.

До 2019 г. включения дивидендов в таможенную стоимость существовал единственный прецедент, который был разрешен в пользу таможенных органов, однако широкого распространения в практике таможенных органов не нашел.

После 2019 г. таможенные органы РФ пересмотрели подход в отношении включения дивидендов в таможенную стоимость. Первично российская судебная система вплоть до Верховного Суда РФ не поддержала таможенные органы.

Далее Верховный Суд РФ в конце 2022 г. постановил, что дивиденды включаются, но при определенных условиях, что стало триггером для таможенных органов, которые с этого момента начали масштабные проверки и идут по пути включения дивидендов в таможенную стоимость. При этом в практике арбитражных судов РФ условия трактуются крайне неоднородно.

2. Тренды судебного правоприменения: по следам разъяснений Верховного Суда

Если обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ: относительно вопроса роялти в отношении импортированного сырья при соблюдении условий для включения необходимо включать, но частично. Расчет части, включаемой таможенную стоимость, может производиться гибко, но непроизвольно.

В отношении дивидендов обязательно учитывать не только форму дивидендов, но и суть платежа. Верховный Суд РФ предлагает новое понятие – манипулирование элементами таможенной стоимости, которое можно приравнять к влиянию взаимосвязи на стоимость сделки.

Можно предположить, что к манипулированию элементами таможенной стоимости декларант прибегает в целях экономии, с его точки зрения, оно должно быть экономически оправдано. Однако на практике, как правило, ситуации не сопряжены с повышенными пошлинами, применяется стандартное обложение таможенными пошлинами, и, тем не менее, российская таможенная система трактует это сейчас очень однозначно, как вышеупомянутое манипулирование и по большому счету приравнивает к влиянию взаимосвязи на цену сделки.

3. Тренды судебного правоприменения: частичное включение роялти

Ключевые тренды текущего судебного правоприменения – имеем три ключевых кейса: относительно первых двух дел – компания «Тимкин» № А56-73599/2022 и «Фанагория» № А32-5147/2022 – они находятся на новом круге рассмотрения, бизнес рассчитывает на разумный и справедливый подход.

В деле компании Мобис Модуль СНГ № А56-26496/2024 важным является следующий аспект формирующегося правоприменения: таможенные органы соглашаются с частичным включением роялти тогда, когда декларант сам предоставил определенные калькуляции по товарам, указанным в Декларации на товары. Данное решение обусловлено тем, что калькуляции могут быть взяты таможенным органом за основу для частичного

включения в таможенную стоимость соответствующих сумм роялти.

4. Тренды судебного правоприменения: дивиденды

На данный момент можно из уже сформированной судебной практики выделить 4 основных подхода по включению дивидендов в таможенную стоимость товаров.

Первый подход: дивиденды включаются в таможенную стоимость тех товаров, которые поставляются учредителям, а если поставщик не является учредителем, то дивиденды не включается в таможенную стоимость. Относительно пеней, которые уплачиваются за несвоевременно исполненную обязанность по уплате таможенных платежей, они начисляются не с даты регистрации и декларирования товаров, а фактически с даты выплаты соответствующих дивидендов.

Пример: дело № А06-3555/2023 ООО «Маскио-Гаспардо Руссия».

Второй подход: дивиденды включаются в таможенную стоимость товаров, поставляемых в том числе и не учредителем. Подход по пени совпадает с обозначенным выше.

Пример: дело № А06-3555/2023 ООО «Маскио-Гаспардо Руссия».

Третий подход: дивиденды не подлежат включению в таможенную стоимость сырья, используемого в производственной деятельности компании для изготовления готового продукта.

Четвертый подход: дивиденды включаются в таможенную стоимость сырья, используемого в производстве готового продукта, предназначенного для реализации. Подход по пени совпадает с обозначенным выше.

5. Роль Суда ЕАЭС

Внимание бизнес-сообщества было приковано к двум кейсам.

Кейс по дивидендам – дело № С-5/24 ООО «БГ-ТУЛС-МСИ» об оспаривании п. 3^1 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 г. № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)». Коллегия Суда признала решение № 283 ЕЭК соответствующим договорам ЕАЭС.

Кейс по роялти – дело № С-10/24 ООО «ПОРШЕ РУС-СЛАНД» об оспаривании бездействия ЕЭК ввиду непринятия мер по урегулированию правовой неопределенности, связанной с включением дивидендов в таможенную стоимость товаров, не соответствующих п. 9 ст. 39 и подп. 3 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС, об оспаривании п. 51 и п. 52, подп. «в» п. 8, подп. «в» п. 9 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 г. № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)». Коллегия Суда признала решение № 283 ЕЭК соответствующим договорам ЕАЭС.

6. Предложения к расширению роли Суда ЕАЭС для разрешения противоречий национального правоприменения

- Обмениваться проблематикой не только с регуляторами, но и с бизнес-сообществом.
- Суд ЕАЭС может стать мостом для национальных судов, Евразийской экономической комиссии, для национальных регуляторов в аспекте единообразного применения права ЕАЭС.
- Рассмотреть возможность обращения в Суд ЕАЭС за консультациями для хозяйствующих субъектов.

Вопросы защиты конкуренции и регулирования госзакупок

Антимонопольное регулирование закупок в Республике Казахстан

Е. И. Добриян
юридический консультант, заместитель Председателя Совета ОО «Евразийский альянс антимонопольных экспертов»

Антимонопольное регулирование закупок в Республике Казахстан сейчас весьма актуально, поскольку в последнее время Агентством по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан акцент смещен в большей степени на выявление нарушений на торгах и закупках.

В отчете о состоянии конкуренции на отдельных товарных рынках и принимаемых мерах по ограничению монополистической деятельности антимонопольный орган указывает, что важным аспектом являются закупки, государственные и квазисектора.

Совместно с Национальной палатой предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» на платформе «Единого окна закупок» внедрена поисковая система «Өрмек», которая анализирует поведение и связи между участниками торгов для выявления признаков сговора[1].

В антимонопольном праве Республики Казахстан установлен ряд правовых запретов, касающихся сферы закупок, в частности в ст. 169, 169-1 и 174 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан[2].

Сегодня хотелось бы поговорить о таком правонарушении, как злоупотребление доминирующим или монопольным положением субъектами рынка.

Так, в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан прямо предусмотрена компетенция антимонопольного органа в части установления, поддержания монопольно высоких цен на товарном рынке.

В 2018 г. антимонопольный орган был наделен полномочиями по установлению монопольно высоких цен на торгах, проведенных на товарных биржах и электронных торговых площадках, в установленном им порядке.

Пунктом 1 ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе также запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), результатом которых являются или могут являться

---

[1] https://www.gov.kz/memleket/entities/zk/documents/details/682347?lang=ru [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 21.11.2024.

[2] https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375 [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 21.11.2024.

недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе такие действия (бездействие), как установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара.

Учитывая позицию Суда Евразийского экономического союза, изложенную в консультативном заключении от 18 июня 2019 г. *(о невозможности одновременного осуществления компетенции в сфере контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках Евразийской экономической комиссией и уполномоченными органами государств-членов)*, а также экономическую природу закупок, возник вопрос о наличии компетенции Евразийской экономической комиссии по установлению монопольно высокой цены на закупках и возможности признания закупки, согласно праву Союза, товарным рынком.

С определенными сложностями было направлено и принято к производству заявление от Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе.

13 ноября 2024 г. вынесено консультативное заключение, и в этой связи хотелось бы озвучить свое субъективное мнение по данному заключению Большой коллегии Суда.

Во-первых, следует отметить, что из 7 поставленных Агентством по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан вопросов принято к производству заявление в части вопросов 1 и 5. Отказано в принятии к производству заявления Агентства в части вопросов 2, 3, 4, 6 и 7 заявления.

Во-вторых, в обоснование отказа в принятии к производству большей части вопросов Большая коллегия Суда указывает следующее:

«По смыслу пп. 46, 47 Статута Суд решает вопросы права, то есть разъясняет конкретные положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. В своем заявлении применительно к вопросам 2, 3, 4, 6, 7 Агентство не указало конкретные положения Договора, требующие разъяснения, не конкретизировало положения, которые, по его мнению, являются неопределенными, вызывают противоречивое толкование, указывают на отсутствие единообразия в правоприменении полномочными органами.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в части вопросов 2, 3, 4, 6 и 7 поступившее заявление не соответствует требованиям п. 46 Статута и подп. «в» п. 1 ст. 10 Регламента.

В силу предписания подп. «а» п. 1 ст. 73 Регламента Суд отказывает в принятии к производству заявления о разъяснении, если оно не соответствует требованиям, предусмотренным ст. 10 Регламента. При таких обстоятельствах Большая коллегия Суда не находит оснований для принятия к производству заявления в части вопросов 2, 3, 4, 6, 7».

Вместе с тем при принятии к производству заявления Министерства юстиции Республики Беларусь Большая коллегия Суда уже не столь требовательна, несмотря на то, что в вопросах, поставленных Министерством юстиции, не указаны конкретные положения Договора, требующие разъяснения, а по принятию к производству заявления в части 3-го вопроса возникают обоснованные сомнения в целом о возможности его принятия, с учетом правовой позиции Суда, изложенной по заявлению Агентства по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан, – это взгляд со стороны.

В этой связи все же хотелось бы большей правовой определенности в подходах Суда Евразийского экономического союза по оценке заявлений о разъяснении на предмет соответствия требованиям, предусмотренным Статутом и ст. 10 Регламента Суда ЕАЭС, поскольку подобный избирательный подход ставит заявителей в неравное положение.

Что касается выводов Большой коллегии Суда ЕАЭС, хочу отметить следующее.

Если вывод, указанный в п. 16.1 консультативного заключения, вопросов не вызывает в силу его очевидности, то вывод, указанный в п. 16.2, с моей точки зрения, оспорим и не конкретен.

Полагаю, что в первую очередь это связано с позицией Большой коллегии Суда ЕАЭС, что *«исходя из вопросов заявителя, по настоящему делу необходимо разъяснение контрольных полномочий Комиссии именно в сфере конкуренции. Разъяснение же положений Договора о контрольных полномочиях Комиссии по обеспечению права Союза о государственных (муниципальных) закупках заявителем не запрашивается».*

Все же видится, что разъяснение контрольных полномочий Евразийской экономической комиссии в сфере конкуренции в части установления монопольно высокой цены на закупках из одного источника либо у единственного поставщика не может рассматриваться в отрыве от норм права о закупках, равно как невозможно дать оценку действиям хозяйствующего субъекта на товарном рынке на предмет наличия нарушений без анализа норм отраслевого законодательства.

Налицо противоречие между поставленным заявителем вопросом и суждением Большой коллегии Суда. Предполагается,

что подобное стало допустимым в силу непринятия к производству заявления в части иных пяти вопросов.

В консультативном заключении закупка из одного источника как экономическое понятие не раскрыто. Большая коллегия Суда, указывая, что пресечение нарушений в процедурах самих закупок, где регулирование отношений устанавливается законодательством государства-члена, относится к компетенции уполномоченных в данной сфере органов власти государства – члена Союза, не рассматривает поставленный заявителем вопрос в контексте допустимости или недопустимости признания монопольно высокой ценой цены поставщика в соответствии с законодательством в сфере закупок.

Все же в консультативном заключении хотелось бы увидеть выводы Большой коллегии Суда по следующим вопросам:

Во-первых, под правовой запрет в соответствии с п. 1 ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе попадают действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц.

Таким образом, возникает вопрос: «При проведении закупки из одного источника может ли хозяйствующим субъектом быть ограничена или устранена конкуренция, учитывая, что это неконкурентный способ закупки и решение о проведении закупки таким способом отнесено к исключительной компетенции заказчика, а не потенциального поставщика?».

Может ли хозяйствующий субъект-поставщик самостоятельно своими действиями ограничить или устранить

конкуренцию либо ущемить интересы других лиц, поскольку действие правового запрета возникает лишь при соблюдении вышеуказанных условий?

Во-вторых, как указано выше, «монопольно высокая цена» – цена, установленная занимающим доминирующее положение хозяйствующим субъектом (субъектом рынка).

В этой связи, по моему мнению, разрешению подлежали и следующие вопросы:

- Исходя из права Союза, цена при закупке из одного источника устанавливается заказчиком или хозяйствующим субъектом (потенциальным поставщиком)?
- Можно ли в целом считать монопольно высокой ценой цену, основанную на расчетах и обоснованиях цены договора (контракта) о закупке, которые также производит заказчик?

В-третьих, цена может признаваться монопольно высокой, если она превышает цену, которая сформировалась в условиях конкуренции на товарном рынке. Следовательно, необходимо установить, имеет ли место данный факт при закупках из одного источника, учитывая, что цена, установленная заказчиком, может превышать максимальную цену на товарном рынке только в случае нарушения процедуры ее установления заказчиком, т. к. если она установлена в соответствии с требованием законодательства – она является средней ценой.

В-четвертых, может ли поставщик в одностороннем порядке влиять на установление заказчиком цены закупки? Полагаю, что если формирование цены заказчиком произведено на основании ценовых предложений, то тут речь может идти о возможном картельном сговоре, в определенных случаях может быть вертикальное антиконкурентное соглашение или соглашение

с органами власти. Но может ли идти речь о единоличном неправомерном волевом поведении хозяйствующего субъекта – потенциального поставщика, приводящем к установлению монопольно высокой цены при закупках из одного источника?

Именно с учетом ответов на эти вопросы хотелось бы увидеть выводы Большой коллегии Суда.

На указанные мной вопросы есть ответы в особом мнении судьи Аскара Булатовича Кишкембаева, и очень радует, что оно сформировано с учетом экономико-правового анализа.

Согласно п. 42 Статута Суда ЕАЭС в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией, помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Принцип формальной определенности закона является одной из основополагающих конституционных ценностей, смысл которой заключается в том, что участник правоотношений при применении того или иного нормативного акта должен не только однозначно понимать норму права, но и предвидеть последствия своего поведения.

При признании компетенции Евразийской экономической комиссии по выявлению монопольно высокой цены на закупках существует риск нарушения п. 42 Статута Суда ЕАЭС и расширения компетенции Комиссии за пределы права Союза.

Требования к доказательствам и их объему при рассмотрении Судом ЕАЭС дел о разрешении спора в сфере общих принципов и правил конкуренции: практические аспекты

А. Г. Сушкевич
руководитель практики экономических исследований консалтинговой компании Kulik&Partners Law. Economics

(Тезисы выступления)

Судебная проверка решений ЕЭК по делам о нарушении общих правил конкуренции предполагает анализ Судом ЕАЭС доказанности нарушения общих правил конкуренции. Право ЕАЭС очень скупо регламентирует требования к доказательствам нарушения, процесс доказывания, а также распределение бремени доказывания. Цель доклада – выявить особенности доказывания по делам о нарушениях в сфере общих правил конкуренции и вытекающие из этих особенностей выводы практического характера. Ключевая особенность доказывания по делам такого рода – необходимость исходить из очень общих формулировок права Союза, интерпретировать их с учетом обстоятельств рассматриваемого дела, основываться на понимании товарного рынка, разработанного экономической наукой специально для целей рассмотрения конкретного дела. Перечисленные особенности заставляют Комиссию формулировать *ad hoc* перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию,

а также набор сведений, которые эти обстоятельства характеризуют, в условиях выбора Комиссией наиболее реалистичной трактовки конкретного товарного рынка. С учетом преобладающего влияния выводов экономического анализа на выбор Комиссией доказательств и доказывания нарушения общих правил конкуренции, сложности и многоступенчатости этого процесса автор доклада предлагает несколько практических рекомендаций оценки Судом ЕАЭС решения ЕЭК по делам о нарушении общих правил конкуренции с целью внедрения и поддержания высоких и единообразных требований к доказательствам и их полноте по делам указанного рода.

Ключевые слова: ЕЭК, Суд Евразийского экономического союза, доказательства, общие правила конкуренции

В своем выступлении постараюсь сказать о требованиях к доказательствам, которые, как я считаю, должен предъявлять Суд ЕАЭС при рассмотрении дел в сфере общих принципов и правил конкуренции.

Тема оценки полноты и качества доказательств в антимонопольном деле сама по себе уже хорошо проработана в российской юридической и экономической науке. Выделю такие работы, как

– докторская диссертация Е. Б. Дьяченко «Отправление правосудия в судах интеграционных объединений», вторая глава которой полностью посвящена рассматриваемому вопросу и содержит также анализ доказывания в Суде Европейского союза и ЕАЭС по спорам в сфере защиты конкуренции;

– статьи Г. Г. Шинкарецкой и Н. Б. Крылова (посвящены обзору и толкованию доказательств в Суде ЕАЭС),

А. Р. Султанова (исследование вопроса вины в делах в сфере общих принципов и правил конкуренции в Суде ЕАЭС), А. Ю Кинева и А. П. Тенишева (особенности доказывания картелей), статьи Е. Н. Соколовской, П. П. Мысливского, А. Т. Айтжанова, затрагивающие отдельные вопросы доказывания нарушений правил конкуренции;

– статьи и книги А. Е. Шаститко, К. В. Дозмарова, Н. С. Павловой, которые представляют взгляд экономической науки на вопросы доказывания в антимонопольных делах.

В англоязычной литературе последняя работа обзорного характера Адриани Калинтири «Стандарты доказывания в правоприменительной практике ЕС» датируется 2019 г. и дает полное представление о предмете.

При рассмотрении указанной категории дел Суд проверяет решение ЕЭК о нарушении общих правил конкуренции на соответствие Договору о ЕАЭС, в то же время углубляясь в вопросы **доказанности фактов**. Тем самым Суд оценивает **доказанность** тех или иных выводов комиссии; более того, как я постараюсь показать, право Союза предполагает активное вовлечение Суда ЕАЭС в оценку доказательств нарушения общих правил конкуренции, их полноты и убедительности.

Сначала необходимо решить вопрос общего характера: каковы должны быть требования к доказательствам и распределению бремени доказывания по делам в сфере общих принципов и правил конкуренции? Исходя из тяжести наказания и возможных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности по национальному праву (например, за участие в картеле), разумно склониться к трактовке доказательств и доказанности, как они понимаются в уголовном процессе; такое понимание

соответствует решениям Европейского суда по правам человека. Формулировка УПК РФ известна: будем исходить из представления о доказательствах как о сведениях, подтверждающих наличие (отсутствие) обстоятельств, подлежащих доказыванию при установлении комиссией факта нарушения общих правил конкуренции.

Первая проблема, которая возникает в процессе выявления нарушения общих правил конкуренции, – отсутствие в праве ЕАЭС ясного перечня обстоятельств, которые должны быть доказаны, чтобы нарушение считалось выявленным, а также правил доказывания (в частности, в решении по делу компании «Дельрус» Суд ясно указал на то, что **объем доказательств нарушения зависит от обстоятельств рассматриваемого дела**). Указанная проблема, по-видимому, прямо связана с природой права конкуренции, которое в своей основе состоит из двух запретов очень общего вида (запрета на ограничение конкуренции по **соглашению** участников рынка, а также запрета на ограничение конкуренции одним участником рынка, обладающим рыночной властью). Это право не предписывает обязательного рыночного поведения и применяется к потенциально бесконечному разнообразию видов поведения участников рынка. Поэтому же охраняемый этим правом **общественный интерес** – свободная конкуренция как общественно-необходимая характеристика рынка – не может быть сведен к какому-то законченному перечню обстоятельств, характеризующих его полноценное либо ущербное состояние.

Конечно, доказыванию подлежат и иные, намного более определенные обстоятельства (например, период нарушения,

длящийся характер нарушения), которые мы пока не будем затрагивать

По этой же причине нормативные формулировки обстоятельств, подлежащих доказыванию в любом деле (**ограничение конкуренции, соглашение или доминирующее положение**), крайне многозначны. Явно или неявно, комиссия по рассмотрению дела формулирует применительно к каждому рассматриваемому делу, что является обстоятельствами, подлежащими доказыванию и **какие сведения** эти обстоятельства характеризуют (это особенно актуально в отношении рынков в сфере цифровой экономики). Учитывая процедуру рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции, комиссия по рассмотрению дела о нарушении общих правил конкуренции самостоятельно разрешает в каждом конкретном деле вопрос о качественном составе (наборе) сведений, которые характеризуют подлежащие доказыванию **ограничение конкуренции** как цель или результат рыночного поведения (1), **соглашение** (2), **доминирующее положение** (3), **а также вопрос их достаточности (т. е. объема доказательств).** Ключевую роль в решении этого вопроса играет понимание (интерпретация) комиссией нормативных формулировок обстоятельств, подлежащих доказыванию, в условиях рынка, на котором действует потенциальный нарушитель.

Формулируя предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также вытекающие из их определения сведения о них) применительно к обстоятельствам дела, в ходе добросовестного и правильно организованного рассмотрения дела комиссия опирается на выводы экономической науки, т. е.

результаты экономического анализа, который фактически разрешает вопросы общего характера в делах о нарушении правил конкуренции (в этой связи можно упомянуть о часто выдвигаемой идее отдельной коллегии Суда по рассмотрению дел в сфере общих правил конкуренции, а также о специальном образовании магистров-антимонопольщиков, которая обосновывается особым взаимодействием экономического анализа и правовой квалификации деяний, свойственным антимонопольному расследованию).

Установление предмета доказывания происходит как бы «за пределами права», в рамках выводов экономического исследования. Более того, выводы экономического исследования могут модифицироваться в ходе рассмотрения дела по мере того, как перед комиссией по рассмотрению дела раскрываются данные об участниках рынка: уточняется предмет доказывания, получают новую оценку те или иные сведения и информация, изменяется предварительная квалификация поведения участников рынка. Процедурно, до окончания рассмотрения дела комиссией и вынесения Коллегией ЕЭК решения по делу у комиссии есть только **гипотеза** обстоятельств, подлежащих доказыванию, и **гипотеза** соответствующих этим обстоятельствам сведений, которые могут доказывать либо опровергать существование указанных обстоятельств.

Модификация выводов экономического исследования в ходе рассмотрения дела в ЕЭК неизбежна: комиссия в ходе рассмотрения дела получает доступ к данным, которые не могут быть доступны экономической науке и которыми располагают зачастую лишь лица, привлеченные в рассмотрение дела в качестве ответчиков. В полной мере такая картина типична

для цифровых рынков: всей полнотой информации о них обладают только их крупнейшие участники.

Последствия специфики доказывания в антимонопольных делах. В чем трудность такой специфической взаимосвязи экономического знания и правовой оценки поведения потенциального нарушителя

Во-первых, трудность судебной оценки представлений комиссии о составе и достаточности объема доказательств состоит в том, что такое представление явно не отражается в тексте решения по делу и не обосновывается комиссией.

В идеале в тексте решения ЕЭК должна быть убедительно показана взаимосвязь интерпретации нормативных положений запретов на антиконкурентное поведение и установленного в решении ЕЭК перечня специфических для рассматриваемого рынка доказательств нарушения антимонопольных запретов.

Учитывая общий характер нормативного регулирования, а также *ad hoc* установление состава и объема доказательств, нерешенным остается вопрос распределения **бремени доказывания**. По-видимому, хотя это ясно и не сформулировано в праве ЕАЭС, бремя доказывания распределяется на основе принципа *ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat* (доказательство лежит на том, кто говорит, а не на том, кто отрицает). Лишь в одном случае Договор о ЕАЭС прямо устанавливает, кто вправе доказывать обстоятельства нарушения (речь идет о том, что лишь хозяйствующий субъект вправе доказывать допустимость соглашения, в котором он участвует, что сразу же порождает проблему полноты доказательства наличия нарушения, поскольку иные обстоятельства нарушения доказывает антимонопольный орган).

Во-вторых, Суду нужно учитывать, что в такой ситуации затруднено осуществление защиты лицами, в действиях которых комиссия усматривает признаки нарушения общих правил конкуренции, не только и не столько за счет принципиально неустранимого неравенства возможностей комиссии и потенциального нарушителя в получении доказательств своих позиций, сколько за счет неопределенности самого предмета доказывания вплоть до рассмотрения иска Судом ЕАЭС. На всех стадиях дела, вплоть до вынесения Коллегией ЕЭК решения о нарушении общих правил конкуренции, предмет доказывания может изменяться, что требует модификации защиты от обвинения в нарушении общих правил конкуренции. Ограниченные сроки рассмотрения дела ставят потенциального нарушителя в заведомо невыгодное положение.

Хотя это никак не урегулировано Договором о ЕАЭС, но самый действенный способ защиты в антимонопольном деле – оправдание своих действий **объективными обстоятельствами.** Однако право ЕАЭС оставляет открытым вопрос о том, достаточно ли потенциальному нарушителю просто указать на такие обстоятельства. Право не устанавливает участника антимонопольного дела, в обязанность которого входит доказывание наличия объективных обстоятельств, оправдывающих действия потенциального нарушителя. Но можно ли считать доказанным комиссией по рассмотрению дела факт нарушения общих правил конкуренции, если она не проверила все возможные «оправдания объективными обстоятельствами»? Понятно, что такая проверка возможна только в условиях взаимодействия потенциального нарушителя и комиссии (например, когда потенциальный нарушитель указывает на такие обстоятельства,

а комиссия прилагает все возможные усилия, чтобы собрать соответствующие доказательства его невиновности).

Аналогичная логика применима к случаю выявления комиссией антиконкурентного соглашения, которое может подпадать под действие общего исключения: кто должен доказывать наличие проконкурентных эффектов соглашения? Комиссия по рассмотрению дела или участник такого соглашения, являющийся лицом, в действиях которого усматриваются признаки нарушения? Можно ли считать доказанным антиконкурентный характер соглашения без сбора и оценки всех возможных доказательств его проконкурентных эффектов?

Как я уже упоминал, есть и проблема общего характера, свойственная делам об оспаривании индивидуальных правовых актов публичных органов в Суде, а именно очевидное принципиальное различие возможностей антимонопольного органа и потенциального нарушителя в сборе доказательств: нужно ли балансировать эти различия на этапе судебной оценки представленных сторонами доказательств? И если нужно, то как?

Вообще, при всей своей добросовестности антимонопольный регулятор заинтересован в выявлении нарушения: действует ли он самостоятельно либо помогает потенциальному нарушителю доказывать отсутствие нарушения общих правил конкуренции (например, собирая по его ходатайствам информацию о соответствии соглашения потенциального нарушителя критериям допустимости), регулятор не может быть полностью отождествлен с нейтральным агентом, действующим исключительно в интересах потенциального нарушителя. Поэтому у Суда, по моему мнению, всегда должно оставаться обоснованное подозрение в недостаточности доказательств невиновности

нарушителя, и, следовательно, Суду разумно предпринимать активные действия по поиску таких доказательств (действуя как нейтральный агент и стремясь уравновесить возможности сбора доказательств комиссии и потенциального нарушителя).

Сегодня нужен **осознанный подход к доказыванию и доказательствам,** к вопросам распределения бремени доказывания в антимонопольном процессе. По-видимому, нужна ясная артикулированность этого элемента решения ЕЭК непосредственно в его тексте, глубокая судебная оценка доказанности всех обстоятельств нарушения общих правил конкуренции, судебная оценка альтернативных экономических трактовок рассматриваемых обстоятельств дела, судебная оценка полноты реализации права потенциального нарушителя на защиту на досудебной стадии, поддержка сбора и представления доказательств стороной, противостоящей ЕЭК в процессе. Полезными представляются обобщающие оценки Судом убедительности доказывания комиссией нарушений общих правил конкуренции, которые могут отражаться в судебных решениях, а также в особых мнениях судей Суда ЕАЭС.

Особняком стоят вопросы сугубо практического плана. Например, нужно ли в целях помощи в осуществлении права на защиту от антимонопольного преследования обязать комиссию по рассмотрению дела формулировать и оставлять в неизменном виде определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также перечень соответствующих сведений до начала комиссионного рассмотрения дела по итогам соответствующего расследования? Такое правило существенно повысит определенность обвинения, т. е. признаков вменяемого ответчику по делу нарушения и соответствующих доказательств такого

нарушения, однако может привести к серьезному увеличению сроков рассмотрения дела (переквалификации нарушения, прекращению дела и началу нового), если в ходе его рассмотрения оценка рынка и поведения участников на этом рынке изменятся.

Наконец, вклад Суда ЕАЭС в формирование доктринальных представлений о доказательствах в делах о нарушении общих правил конкуренции может способствовать решению давних проблем антимонопольного правоприменения, например, установлению доминирующего положения хозяйствующего субъекта на основе качественных критериев (т. е. без установления его рыночной доли), а также определению требований к косвенным доказательствам антиконкурентных соглашений.

«Ребрендинг» законодательства Республики Беларусь о государственных закупках: влияние права Союза и практики Суда ЕАЭС

О. А. Бакиновская
заместитель руководителя Института правовых исследований – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь

В Республике Беларусь 31 января 2024 г. Законом № 354-З внесены существенные корректировки в Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З, направленные на совершенствование порядка осуществления государственных закупок.

Следует отметить, что сфера государственных закупок всегда была в центре внимания законодателя, поскольку государственные закупки позволяют обеспечивать основные потребности получателей бюджетных средств в товарах, работах, услугах на принципах гласности и прозрачности, обеспечения развития конкуренции, беспристрастного отношения к потенциальным поставщикам (подрядчикам, исполнителям). При использовании механизма государственных закупок государство выражает свои предпочтения в экономической сфере, стимулируя, например, инновации, внедряя ресурсосберегающие технологии в различных сферах производства и потребления, оказывая

поддержку определенным поставщикам (подрядчикам, исполнителям), к числу которых могут быть отнесены субъекты малого и среднего предпринимательства, организации, использующие труд инвалидов, и ряд иных субъектов.

Принятие вышеуказанного закона позволило осуществить, по сути, ребрендинг белорусского законодательства о государственных закупках, в том числе при работе над законопроектом были учтены отдельные, ранее невостребованные со стороны белорусского законодателя нормы Договора о ЕАЭС, а также определенная, немногочисленная по данному вопросу практика Суда ЕАЭС.

Следует отметить, что Республика Беларусь при корректировке национального законодательства о государственных закупках исходит из необходимости обеспечения его соответствия нормам Договора о ЕАЭС и, в частности, разделу XXII «Государственные и муниципальные закупки», а также Протоколу о порядке регулирования закупок, содержащемуся в приложении № 25 к Договору о ЕАЭС, последовательно претворяя в национальный нормативный материал принцип Договора о регулировании отношений в сфере закупок законодательством государства-члена о закупках и международными договорами государств-членов. Можно утверждать, что в целом в Республике Беларусь законодательство о государственных закупках отражает все возможности, подходы и приоритеты в сфере государственных закупок, предоставляемые на наднациональном уровне.

Вместе с тем ряд возможностей, предоставляемых Договором о ЕАЭС, впервые получил свое закрепление на национальном уровне.

В первую очередь хотелось обратить внимание на появление в Законе Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» правовой конструкции договора (контракта) жизненного цикла. В частности, п. 24 Протокола № 25 предусматривает право государства-члена установить в своем законодательстве требование о заключении договора (контракта) о закупке, предусматривающего закупку товара или работы, последующее обслуживание, эксплуатацию в течение срока службы, ремонт и утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта (договор (контракт) жизненного цикла).

Договор жизненного цикла в Республике Беларусь рассматривается как договор, предметом которого является приобретение товара или работы, последующие обслуживание, ремонт и (или) эксплуатация в течение срока службы и (или) утилизация приобретенного товара или созданного в результате выполнения работы объекта (ст. 1 Закона о ГЗ Республики Беларусь).

Специфика договора жизненного цикла по законодательству Республики Беларусь заключается в следующем.

1. Может быть заключен при приобретении медицинской техники, а также иных товаров, работ, перечень которых может быть определен Советом Министров Республики Беларусь. На момент подготовки настоящего материала Совет Министров Республики Беларусь не реализовал такую возможность. Таким образом, предметом договора ЖЦ в Республике Беларусь является приобретение товаров или выполнение работ, т. е., по сути, должен заключаться договор поставки или договор подряда. Исходя из определения договора ЖЦ, он будет заключаться по модели смешанного или непоименованного договора.

2. Обязательно наличие обеспечения исполнения обязательств по договору ЖЦ, в качестве которого могут быть банковская гарантия и (или) перечисление заказчику денежных средств. В Республике Беларусь практика использования обеспечения исполнения обязательств при осуществлении государственных закупок не получила широкого распространения, в силу этого и иных факторов можно предположить определенную настороженность участников процедур государственных закупок, проводимых по модели жизненного цикла, поскольку предоставление обеспечения исполнения обязательств несет дополнительную финансовую нагрузку.

3. Обязательными условиями договора ЖЦ являются стоимость товара или работы, стоимость последующего обслуживания, ремонта и (или) эксплуатации в течение срока службы и (или) утилизации поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта.

4. Может быть заключен на срок свыше 1 года.

При закупке товаров, работ по модели договора ЖЦ допускается объединение в предмете закупки и (или) его части (лоте) технологически и функционально не связанных друг с другом неоднородных товаров и работ.

Договор ЖЦ не может быть заключен по результатам электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений, биржевых торгов. Соответственно, договор ЖЦ может быть заключен по результатам открытого (закрытого) конкурса либо процедуры закупки из одного источника. Ограничение видов процедур, по результатам которых может быть заключен договор ЖЦ, представляется оправданным, поскольку в электронном аукционе, процедуре запроса ценовых предложений

и биржевых торгах выбор потенциального поставщика или подрядчика осуществляется по единственному критерию – цена предложения участника (например, в электронном аукционе победителем может быть признан участник, сделавший последнюю или предпоследнюю ставку, а в запросе ценовых предложений – участник, предложивший наименьшую цену и соответствующий требованиям документов по процедуре). Выбор же потенциального поставщика или подрядчика по договору ЖЦ, полагаем, должен осуществляться по нескольким критериям. Цена, безусловно, имеет значение, но не является определяющим критерием для выбора победителя. Использование же нескольких критериев возможно только при проведении открытого или закрытого конкурса. При проведении процедуры закупки из одного источника белорусский законодатель как таковые критерии выбора участника для заключения с ним договора ЖЦ не поименовывает, предполагая, что, руководствуясь принципом эффективного расходования бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов, заказчик примет сбалансированное решение, основанное в том числе и на учете цены. Вместе с тем при заключении договора ЖЦ в расчет будет приниматься в первую очередь реальная возможность со стороны потенциального поставщика или подрядчика надлежаще исполнить договор.

Далее, рассматривая новеллы белорусского Закона № 354-З, следует отметить следующий момент.

В определении заказчика, предлагаемого п. 2 Протокола № 25, установлен запрет на передачу организатору функций заказчика по заключению договора (контракта) о закупке. По сути, все иные функции заказчика могут быть переданы

организатору, что решает вопросы профессионализма заказчика, освобождает его от администрирования процесса закупок. Ранее белорусское законодательство исходило из запрета на передачу организатору таких функций, как определение потребительских, функциональных, технических, качественных и эксплуатационных показателей (характеристик) предмета государственной закупки (далее – требования к предмету государственной закупки), требований к участникам, существенных условий договора и заключение договора. В настоящее время Закон о государственных закупках Республики Беларусь исходит из запрета на передачу организатору только функций по заключению договора государственной закупки, тем самым произошло более тесное сближение национального Закона о государственных закупках с положениями Протокола № 25 в его диспозитивной части.

Часть 2 п. 13 Протокола № 25 допускает возможность включения в реестр недобросовестных поставщиков государства-члена сведений об учредителях, членах коллегиальных исполнительных органов, лицах, исполняющих функции единоличного исполнительного органа лица, включенного в такой реестр. Законом от 31 января 2024 г. № 354-З Совету Министров Республики Беларусь предоставлено право включения в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок (далее – Список), сведений об учредителях, членах коллегиальных исполнительных органов, лицах, исполняющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица, включенного в Список (в *настоящее время полномочие не*

реализовано). Тем самым Законом от 31 января 2024 г. № 354-З Совету Министров Республики Беларусь предоставлено резервное полномочие на устранение возможных злоупотреблений со стороны учредителей, членов коллегиальных исполнительных органов, лиц, исполняющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица, включенного в Список, связанное с потенциальной возможностью обхода ограничений, связанных с нахождением в Списке (запрет на участие в проводимых процедурах государственных закупок в течение двух лет с момента включения в Список), путем учреждения и регистрации нового субъекта хозяйствования для целей участия в государственных закупках.

Нормы Закона Республики Беларусь о государственных закупках также были дополнены положением о том, что не допускается установление условий договора (проекта договора), которые влекут за собой ограничение количества потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением случаев, установленных законодательством о государственных закупках, что полностью коррелирует подп. 1 п. 22 Протокола № 25. В целом данное дополнение скорее носило, на наш взгляд, технический характер, поскольку в целом его непосредственное отсутствие в нормах Закона о государственных закупках компенсировалось возможностью прямого действия норм Договора о ЕАЭС и принципами обеспечения развития конкуренции, а также обеспечения справедливого и беспристрастного отношения к потенциальным поставщикам (подрядчикам, исполнителям).

В содержание Государственной информационно-аналитической системы управления закупками (ГИАС) включена

адресация (гиперссылка) на евразийский реестр промышленных товаров государств – членов ЕАЭС. Следует отметить, что согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 выписка из евразийского реестра промышленных товаров государств – членов Евразийского экономического союза, полученная в соответствии с п. 24 Правил определения страны происхождения отдельных видов товаров для целей государственных (муниципальных) закупок, утвержденных решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 г. № 105, в ряде случаев подтверждает право на применение префпоправки при государственной закупке товаров.

Применение в практике государственных закупок Республики Беларусь выписок из евразийского реестра промышленных товаров государств – членов Евразийского экономического союза развивает потенциал правовых инструментов, предлагаемых правом Союза, и позволяет унифицировать правовое обеспечение государственных закупок в государствах-членах.

Среди практики Суда ЕАЭС определяющее значение для осуществления государственных закупок в государствах – членах ЕАЭС имеют два акта: консультативное заключение БК от 11.01.2021 по делу Р-3/20 о государственных закупках и консультативное заключение БК от 22.11.2022 по делу Р-4/22 о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок. Первое для Республики Беларусь подтвердило принятый законодательный подход о неоднократном установлении особенностей осуществления отдельных видов товаров (работ, услуг), что ранее имело место в отношении государственных закупок товаров (работ, услуг) при строительстве. Консультативное

заключение БК от 22.11.2022 по делу Р-4/22 о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок подтвердило соответствие подходов, принятых в Законе Республики Беларусь о государственных закупках, подходам, предусматриваемым в Протоколе № 25.

По предварительной оценке, существенное потенциальное влияние на практику осуществления государственных закупок и законодательство Республики Беларусь может оказать консультативное заключение БК от 13.11.2024 по делу Р-3/24 по заявлению Республики Казахстан в лице Агентства по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

Разъясняя понятие «товарный рынок» (подп. 19 п. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору), консультативное заключение БК от 13.11.2024 по делу Р-3/24 отмечает, что товарный рынок как сфера обращения товара, в пределах которой этот товар может быть приобретен, не содержит ограничений по признаку правового положения приобретателя и источнику финансирования покупки. При этом приобретение товара заказчиком посредством закупок, с учетом определения понятий «заказчик» и «закупки» в абз. 3 и 4 п. 2 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), осуществляется на соответствующем товарном рынке.

Согласно консультативному заключению БК от 13.11.2024 по делу Р-3/24 государственная (муниципальная) закупка товара, в том числе закупка из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), не является отдельным

товарным рынком. Также Договор не предусматривает исключение товаров, приобретаемых посредством закупок, из общего объема товарного рынка, на котором этот товар обращается. Данные подходы необходимо учитывать при решении вопроса о наличии/отсутствии ограничения конкуренции при осуществлении государственных закупок.

Таким образом, можно предположить дальнейшее позитивное развитие национального правового регулирования государственных закупок с использованием инструментария права Союза и правовых позиций Суда ЕАЭС. Полагаем, что на уровне консультативного заключения Суда ЕАЭС позитивную роль сыграло бы определение вида проводимой в ЕАЭС политики в сфере государственных закупок (согласованной или скоординированной по тем либо иным вопросам в области государственных закупок). Одновременно на сегодняшний момент можно констатировать увеличивающийся разрыв между государствами – членами ЕАЭС в правовом регулировании осуществления государственных закупок на национальном уровне, несмотря на тот твердый базис, который сформирован Протоколом № 25. Позитивные достижения национального законодательства могут быть также восприняты Договором о ЕАЭС и подняты на наднациональный уровень при сохранении оправдавших себя подходов Протокола № 25.

Право ЕАЭС и юридическое сообщество

Факторы, сдерживающие хозяйствующих субъектов от обращений в Суд ЕАЭС

А. А. Косов
партнер, руководитель практики таможенного и внешнеторгового регулирования юридической компании «Пепеляев Групп»

Передав полномочия по нормативному регулированию на наднациональный уровень, государства должны были обеспечить своим гражданам возможность получать надлежащую правовую защиту от злоупотребления Евразийской экономической комиссией (ЕЭК, Комиссия) предоставленной ей властью. Такую функцию должен выполнять Суд ЕАЭС как орган по судебному нормоконтролю.

Наибольшее количество обращений хозяйствующих субъектов касаются вопросов функционирования Таможенного союза, и среди них подавляющее большинство – это обжалование решений о классификации отдельных видов товаров, принятых ЕЭК.

Комиссия наделена правом издавать разъяснения о классификации отдельных видов товаров в двух формах: 1) в виде решений, которые представляют собой н. п. а., и 2) в виде рекомендаций, которые не входят в состав права Союза.

Сначала Суд ЕАЭС выразил позицию о том, что решения могут издаваться в случаях, когда в государствах-членах (т. е. не в одном из них, а в разных) сложилась неединообразная практика классификации соответствующего товара в силу того, что формулировка товарной позиции или субпозиции ТН ВЭД допускает неоднозначное толкование[1]. Однако затем Суд сделал вывод, что наличие неединообразной практики применения ТН ВЭД в разных государствах – членах Союза не является обязательным условием для принятия таких решений[2]. Вместе с тем непонятно, как данная позиция соотносится с п. 6 ст. 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, согласно которому, если таможенные службы государств-членов имеют одинаковое мнение о классификации таких товаров, разъяснения об их классификации могут быть приняты Комиссией только в виде рекомендации.

За почти 15 лет ЕЭК и ее предшественницей – Комиссией Таможенного союза издано более 220 решений о классификации (рекомендации – ни одной). Инициативой на принятие ЕЭК разъяснений о классификации наделены только таможенные службы государств – членов Союза и сама ЕЭК. У хозяйствующих субъектов такого права нет.

---

[1] Решение Суда ЕАЭС от 07.04.2016 по делу ООО «Севлад», п. 7.2.8.

[2] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 15.02.2021 по делу ООО «Монокристалл», п. 5.2.

В подавляющем большинстве случаев инициатором принятия решений выступала Федеральная таможенная служба России (ФТС России). К сожалению, практика показывает, что нередко обращения ФТС России в ЕЭК обусловлены целью преодолеть негативную для таможенных органов судебную практику.

На этапе рассмотрения проектов таких решений вроде бы хозяйствующим субъектам предоставляется возможность повлиять на их содержание, выразив свое профессиональное мнение о классификационных признаках, имеющих значение для правильной классификации соответствующего товара: проект решения публикуется для общественного обсуждения. Но такое опубликование происходит после одобрения проекта решения всеми государствами – членами Союза, что снижает вероятность пересмотра проекта до минимума. При этом публикуемые материалы не содержат информации о том, какие альтернативные товарные позиции или коды рассматривались, почему они были отклонены, почему были применены или отклонены те или иные основные правила интерпретации (ОПИ), какие примечания к разделам, группам ТН ВЭД, положения пояснений к ТН ВЭД учитывались, принималась ли во внимание практика классификации соответствующего товара в других странах. Например, в решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31.01.2018 № 19 указано, что код ТН ВЭД определен в соответствии с ОПИ 1, 3 (в) и 6. Это означает, что ОПИ 2 (б), 3 (а) и 3 (б) были отклонены, но почему, непонятно.

На предоставленные хозяйствующими субъектами замечания со стороны ЕЭК преобладают формальные ответы с простым цитированием правовых норм. Оставление без внимания

результатов национальной судебной практики, без оценки аргументов, легших в обоснование судебных решений, просто со ссылкой на то, что решения судов государств – членов Союза не являются обязательными для Комиссии, вызывает недоумение. Настораживает подход, когда для противопоставления аргументам импортеров по инициативе ЕЭК или ФТС России получается зачастую ничем не обоснованное мнение внутренних производителей аналогичных товаров, для которых импортеры – это прямые конкуренты.

Фактически не имея возможности повлиять на принятие ЕЭК разъяснения о классификации, в том числе в определенной форме, хозяйствующие субъекты рассматривают возможность обращения в Суд ЕАЭС для оценки принятого ЕЭК решения, в частности, на его соответствие п. 1 и п. 6 ст. 22 ТК ЕАЭС.

Таким образом, отказавшись от выяснения того, были ли у ЕЭК основания для принятия разъяснения о классификации отдельных видов товаров в форме решения, Суд ЕАЭС снизил уровень правовой защиты интересов хозяйствующих субъектов.

В качестве наиболее ярких примеров приведу кейсы по ирригаторам полости рта и судовым дизельным двигателям для привода генератора.

По ирригаторам претензии российских таможенных органов начались в 2013 г. Импортеры их заявляли в товарной позиции 9019 (0 % ввозная пошлина, 0 % НДС). Таможенные органы отнесли их к товарной позиции 8509 (5 % и 20 %). Импортеры выигрывали споры в судах от Дальнего Востока до Северо-Запада. Вроде бы финальную точку поставила Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда в определении от

21.09.2022 (дело № А56-24796/2021). Но 28.09.2022 (т .е. через неделю) ЕЭК принимает решение о классификации № 131, которым ирригаторы отнесены к товарной позиции 8509. Отрадно, что в отказном определении на надзорную жалобу по указанному выше делу № А56-24796/2021 судья Верховного Суда РФ не стала руководствоваться разъяснением, приведенным в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49, которым узаконено ретроспективное применение решений ЕЭК, ухудшающих положение хозяйствующих субъектов, а сослалась на базовое правило о невозможности такого применения нормативных правовых актов.

По судовым дизельным двигателям таможенные органы в 2014 г. начали изменять код ТН ВЭД с 8408 10 (0 % пошлина) на 8408 90 (от 4 % до 9 % в зависимости от мощности). Начались судебные споры. В рамках данных споров Ремдизель пытался обжаловать в Суде ЕАЭС положение пояснений к ТН ВЭД, которые к тому времени были приведены уже в рекомендации ЕЭК. Суд отказал в принятии к рассмотрению данной жалобы в связи с тем, что формально в его компетенцию не входит рассмотрение жалоб на акты ЕЭК, принятые в такой форме, поскольку они не входят в право Союза[3], несмотря на то, что ранее сам Суд ЕАЭС отнес пояснения к ТН ВЭД к мягкому праву, немотивированное отклонение от которого не допускается.

При таком статусе пояснений к ТН ВЭД, которые во многих случаях играют определяющую роль при классификации товаров, самоограничение Судом ЕАЭС своей компетенции по нормоконтролю в силу формальной причины также лишает

[3] Постановление Суда ЕАЭС от 08.04.2016.

хозяйствующих субъектов права на защиту своих законных интересов.

Решение о классификации данного вида товаров было принято ЕЭК 31.01.2018 (решение № 15). Первый раз это решение было признано Судом ЕАЭС несоответствующим праву Союза 31.10.2019. Помогло ли это декларантам восстановить их нарушенные права? К сожалению, нет.

Верховный Суд РФ в определении СКЭС по делу № А27-12875/2020 от 24.01.2022 указал, что действие решения ЕЭК, признанного Судом ЕАЭС не соответствующим праву Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда ЕАЭС до исполнения ЕЭК данного решения Суда ЕАЭС.

По жалобе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области, поданной в интересах того же Ремдизеля, Конституционный Суд РФ в определении № 191-О от 10.02.2022 обратил внимание на то, что согласно п. 102 Статута Суда ЕАЭС его акты о признании решений Комиссии не соответствующими праву Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены указанных решений. Решение Комиссии, признанное Судом не соответствующим праву Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, должно быть приведено Комиссией в соответствие с правом Союза, если иной срок не установлен в решении Суда (п. 111 Статута).

В определении от 01.06.2022 по делу № А27-11118/2020 Верховный Суд РФ дополнил, что по ходатайству стороны спора действие решения Комиссии, признанного Судом не

соответствующими праву Союза, может быть только приостановлено Судом ЕАЭС с даты вступления в силу такого решения Суда (п. 112 Статута).

ЕЭК внесла изменения в решение № 15 только 20.01.2020, т. е. через 81 день. При этом ЕЭК фактически проигнорировала решение Суда ЕАЭС. В результате Суд ЕАЭС второй раз 02.10.2023 признал решение № 15 (в ред. решения № 20) не соответствующим праву Союза.

Только с 03.01.2024 решение № 15 отменено. Таким образом, изначально неверное решение применялось 5 лет. Все это время импортеры платили повышенную пошлину, и возвращать ее таможенные органы не собираются. Некоторых участников ВЭД привлекли еще и к административной ответственности.

Бизнес всегда практичен. Какое бы плохое и несправедливое было бы нормативное предписание, если оно одинаково ухудшает положение всех заинтересованных участников ВЭД, то с точки зрения рыночной конкуренции оно нейтрально. Поэтому бизнес готов нести судебные расходы только тогда, когда решение суда может иметь именно для него индивидуальный положительный эффект. Если такого эффекта нет, коммерческий интерес утрачивается. Хозяйствующие субъекты заинтересованы в полноценном Суде ЕАЭС, решения которого могли бы оказать реальную правовую защиту конкретному субъекту, который за ней обращается. К сожалению, в текущих условиях на это рассчитывать не приходится.

Представляется необходимым обратить внимание еще на следующие факторы.

Таможенные правоотношения характеризуются неравным положением их субъектов: сильного – обладающего властными полномочиями таможенного органа, и слабого – хозяйствующего субъекта. Принципами судебного производства, в том числе и в Суде ЕАЭС (п. 53 Статута), является равенство сторон и состязательность. Вместе с тем зачастую эти принципы не выполняются и в судебном процессе.

На прошедшей 20 и 21 ноября 2024 г. конференции Суда ЕАЭС представители Комиссии не раз призывали судей Суда ЕАЭС теснее взаимодействовать и чуть ли не согласовывать проекты решений, разработанные Комиссией, отнюдь не только те, которые касаются деятельности Суда. О каком равноправии можно будет говорить в такой ситуации? Сможет ли Суд оставаться объективным и беспристрастным при рассмотрении жалобы на решение ЕЭК, которое было им согласовано? Такое сращивание ветвей власти является опасным для самих органов власти.

Позиция Всемирной таможенной организации (ВТамО) не имеет для Суда ЕАЭС обязательной силы, но очевидно, что является значимым доказательством. В отличие от ЕЭК, которая самостоятельно и через ФТС России может получить позицию ВТамО в рамках информационного обмена, хозяйствующие субъекты такой возможности не имеют.

В свою очередь, Суд ЕАЭС в целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела направляет запросы в научные, научно-практические и образовательные учреждения и организации государств – членов ЕАЭС. Помимо органов и организаций государств – членов Союза и органов Союза, что предусмотрено п. 55 Статута, имели место случаи направления

Судом запросов во Всемирную таможенную организацию, а также в Европейскую комиссию[4].

Хозяйствующие субъекты не против расширения компетенции Суда ЕАЭС на получение необходимых для рассмотрения дел материалов. Вместе с тем, как известно, ответ во многом зависит от того, как сформулирован запрос. Отсутствие у хозяйствующих субъектов возможности повлиять на формулировки вопросов или задать дополнительные вопросы усугубляет процессуальное неравенство.

В этой связи представляется целесообразным наделить хозяйствующих субъектов правом ходатайствовать перед Судом о постановке дополнительных вопросов перед экспертами, отклонение которых Суд обязан мотивировать.

Декларативным выглядит и право сторон заявлять отводы специалистам, экспертам (п. 2 «б» ст. 29 Регламента). Как реально хозяйствующий субъект может реализовать это право, если Суд не уведомляет о направлении запросов специалистам и экспертам?

В деле по обжалованию решения о классификации поликристаллических резцов[5] Генеральная прокуратура Российской Федерации на стадии апелляции воспользовалась правом на вступление в дело в качестве заинтересованного участника спора, предусмотренным п. 60 Статута Суда государствам – членам

---

[4] См. решение Суда ЕАЭС от 07.04.2016 № СЕ-1-2/1-16-КС по обращению ООО «Севлад», решение Суда ЕАЭС от 21.12.2018 № СЕ-1-2/8-18-КС по обращению ЗАО «Санофи-Авентис Восток».

[5] См. решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 23.09.2024 по делу № С-2/24 по обращению ООО «ВНТС».

Союза и ЕЭК. Представляется, что целью данной нормы является предоставление возможности дополнить позицию той или иной стороны правовыми аргументами, которые не были ранее высказаны.

Вместе с тем хозяйствующие субъекты такого права лишены вовсе. Формально иные хозяйствующие субъекты могли подать отдельную жалобу на это же решение ЕЭК, которая в дальнейшем могла быть объединена Судом с жалобой заявителя – ООО «ВНТС». Но в силу необходимости соблюдения досудебной процедуры и сроков ее прохождения, того, что такое объединение невозможно на стадии апелляции, вряд ли можно рассматривать такой способ в качестве равносильной альтернативы.

Таким образом, и здесь процессуального равенства нет. Эту ситуацию также нужно исправлять.

Как сделать Суд ЕАЭС понятным и доступным для бизнеса: практические шаги и информационные инициативы

В. П. Шавшина
руководитель группы таможенного регулирования и международной торговли, партнер компании «Б1», доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

В. С. Грицкова
менеджер группы таможенного регулирования и международной торговли компании «Б1»

1. Раскрытие принципа правовой определенности

Принцип правовой определенности в контексте оспаривания решений Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) о классификации отдельных видов товаров остается одной из самых сложных тем для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Решения ЕЭК о классификации отдельных видов товаров, как отмечал судья Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Дмитрий Петрович Александров на VII Международной конференции Суда ЕАЭС, направлены на обеспечение единообразного применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) ЕАЭС. Цель Суда ЕАЭС – обеспечить не только единообразное применение актов Союза, но и защиту прав субъектов Союза, включая участников ВЭД. В этой связи судья Д. П. Александров

выразил мнение о том, что Суд ЕАЭС может проверять решения ЕЭК исключительно на предмет соблюдения процедуры их принятия.

Такое узкое толкование может, на мой взгляд, значительно сократить возможности для участников ВЭД защищать свои интересы. Хотя решения ЕЭК действительно имеют статус норм права Союза, они касаются крайне сложной и специализированной области – классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. В данном случае принцип правовой определенности – это, очевидно, не только вопрос соблюдения процедуры принятия решения как акта права Союза и не только вопрос ясности и определенности решения для самой Комиссии, но и вопрос того, насколько ясным и определенным это решение представляется для тех, кого оно непосредственно затрагивает. Речь идет о неопределенном круге различных участников ВЭД, которые обладают специальными знаниями и экспертизой в области своих индустрий и продуктов, а также непосредственными являются непосредственными субъектами классификации товаров.

Принцип правовой определенности требует, чтобы правоприменение было предсказуемым и справедливым. Однако в контексте решений ЕЭК этот принцип зачастую оказывается размытым из-за сложности материальных норм и процедур классификации. Участники ВЭД часто сталкиваются с ситуациями, когда решения ЕЭК, хотя и принятые в рамках установленных процедур, приводят к неоправданным последствиям для бизнеса из-за недостаточной ясности в правилах классификации.

На наш взгляд, необходимо разработать более четкие критерии для оценки соблюдения принципа правовой определенности

при рассмотрении решений о классификации в рамках обращений в Суд ЕАЭС. Это может включать не только проверку соблюдения процедурных требований, но и оценку материальной обоснованности классификации, а также анализ последствий для участников ВЭД. Такой подход позволит создать более сбалансированную систему, в которой интересы Комиссии и участников ВЭД будут учитываться в равной степени, что, в свою очередь, повысит доверие к институтам Союза и обеспечит более справедливое правоприменение.

2. Регламентация участия сторон в спорах Суда ЕАЭС

В деле С-2/2024, инициированном по заявлению ООО «ВНТС» к Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) об оспаривании решения ЕЭК от 07.03.2023 № 25 «О классификации поликристаллических алмазных резцов в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС», на этапе апелляционного рассмотрения произошло событие, ставшее уникальным для практики Суда ЕАЭС. Российская Федерация в лице уполномоченного органа – Генеральной прокуратуры Российской Федерации – вступила в процесс в качестве заинтересованного участника спора.

Особенность ситуации заключается, во-первых, в том, что Российская Федерация вступила в дело уже на этапе апелляционного обжалования, несмотря на то, что она была осведомлена о споре на стадии его рассмотрения Коллегией Суда ЕАЭС и уже представляла свою позицию в рамках первоначального разбирательства. Участие в апелляции потребовало уточнения объема ее прав и позиций непосредственно в ходе судебного процесса. Это создало уникальный прецедент, подчеркивающий необходимость детального регламентирования процедуры

участия сторон в спорах, особенно в рамках апелляционного разбирательства.

Во-вторых, присутствие Российской Федерации в лице Генеральной прокуратуры в одном судебном процессе с хозяйствующим субъектом, таким как ООО «ВНТС», продемонстрировало особую значимость дела. Вместе с тем подобное участие может вызывать вопросы равенства сторон и правовой определенности в таких спорах, поскольку для хозяйствующих субъектов взаимодействие с суверенными государствами в судебной плоскости – это редкость, сопряженная с правовыми и процедурными сложностями.

Этот случай подчеркивает необходимость четкого регулирования прав и обязанностей всех сторон в спорах Суда ЕАЭС. Принципы равенства сторон и правовой определенности требуют устранения любых возможностей для неоднозначного толкования процедур или неравенства в рамках процесса. Участие государств – членов Союза, таких как Российская Федерация, должно быть максимально прозрачным и предсказуемым, чтобы обеспечить баланс интересов между государством, хозяйствующими субъектами и Комиссией.

Дело С-2/2024 стало значимым примером того, как важно совершенствовать регламентацию судебных процедур в рамках ЕАЭС. Это поможет устранить правовую неопределенность, обеспечить равные возможности для всех участников споров и повысить доверие к судебной системе Союза.

3. Сбор доказательной базы Судом ЕАЭС

В рамках своей деятельности Суд ЕАЭС обладает полномочиями запрашивать мнения у специализированных учебных заведений, государств – членов Союза и сторон спора. Вместе

с тем в действующих нормативных документах отсутствует четкая регламентация процедур, определяющих, как именно Суд формулирует вопросы и выбирает экспертов для предоставления таких мнений. Это особенно важно в спорах, связанных с классификацией товаров, где экспертные заключения могут существенно повлиять на исход дела.

Недостаточная прозрачность в выборе экспертов и формулировании вопросов может привести к сомнениям в объективности и беспристрастности судебного процесса. В отсутствие четких критериев и процедур существует риск субъективного подхода к отбору специалистов, что может негативно сказаться на доверии к судебной системе ЕАЭС.

Для повышения прозрачности и предсказуемости судебного процесса необходимо разработать и внедрить детализированные процедуры, регулирующие:

- **критерии отбора экспертов**: определение требований к квалификации, специализации, подтверждения компетенции, опыту и независимости специалистов, привлекаемых к рассмотрению дел;
- **процедуру формулирования вопросов**: установление стандартов для разработки четких и нейтральных вопросов, направляемых экспертам, чтобы избежать двусмысленности и предвзятости;
- **механизмы проверки и оспаривания экспертных заключений**: предоставление сторонам спора возможности оценивать и при необходимости оспаривать представленные экспертные мнения.

Внедрение таких процедур позволит обеспечить более справедливое и объективное рассмотрение дел, повысит доверие

участников внешнеэкономической деятельности к судебной системе ЕАЭС и укрепит правовую определенность в спорах, связанных с классификацией товаров.

4. Процедура мониторинга

Анализ существующей правовой базы и судебной практики выявляет два ключевых аспекта, требующих внимания.

1. Отсутствие прямого закрепления права инициировать мониторинг. Действующее право ЕАЭС не содержит четкой нормы, дающей участникам ВЭД право инициировать мониторинг законодательства или решений ЕЭК. Это создает правовой пробел, в результате которого участники ВЭД даже в случае нарушения их прав лишены доступа к полноценному механизму оценки соответствия действий ЕЭК требованиям правовой определенности. Такой пробел снижает доверие к механизмам ЕАЭС, затрудняет защиту интересов бизнеса и может привести к росту конфликтных ситуаций.

2. Недостаточная прозрачность и регламентация процедур мониторинга. Даже в случаях, когда участники ВЭД обращаются в ЕЭК или Суд ЕАЭС, отсутствуют четкие процедуры инициирования мониторинга, рассмотрения обращений и информирования сторон о результатах. Судебная практика указывает на возможность инициирования мониторинга в случае затрагивания частных интересов, однако для этого требуется доказательная база, а порядок взаимодействия не детализирован. Это создает дополнительные барьеры для участников ВЭД, особенно малого и среднего бизнеса, которые не всегда располагают ресурсами для подготовки сложных обращений.

Для устранения данных проблем необходимо внести изменения в нормативные акты ЕЭК, закрепив следующие аспекты.

1. Закрепление права участников ВЭД на инициирование мониторинга. Прямое включение такого права в договоры или решения ЕЭК позволит участникам ВЭД эффективно обращаться в Комиссию для анализа соответствия действий и нормативных актов ЕЭК требованиям законодательства ЕАЭС. Это может включать право запрашивать проведение анализа решений, регулирующих конкретные аспекты их экономической деятельности.

2. Создание унифицированной процедуры подачи обращений. Порядок подачи обращений должен быть простым и доступным, с четким описанием формата и содержания таких запросов. Важно предусмотреть, чтобы участники ВЭД могли предоставлять необходимые доказательства в удобной и стандартизированной форме, без избыточных бюрократических процедур.

3. Регламентированные сроки рассмотрения обращений. Введение обязательных сроков рассмотрения обращений ЕЭК позволит исключить затягивание процессов мониторинга, что критически важно для бизнеса в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры.

4. Обеспечение прозрачности и отчетности ЕЭК. Результаты мониторинга должны быть открытыми для всех заинтересованных сторон. Публикация отчетов о проведенных мониторингах и принятых мерах не только повысит доверие к ЕЭК, но и позволит участникам ВЭД лучше понимать, как защищаются их права и реализуются международные обязательства Союза.

Совершенствование механизма взаимодействия участников ВЭД с ЕЭК станет важным шагом на пути к укреплению доверия к интеграционным процессам и институтам ЕАЭС. Это

повысит предсказуемость правоприменения, уменьшит количество конфликтных ситуаций и обеспечит более эффективную защиту прав бизнеса, что особенно актуально в условиях активного развития регулирования внешнеэкономической деятельности.

Отличия и сходства судебной процедуры в национальном и международном судах через призму судебного представительства по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) ЕЭК: трудности перехода, или место встречи изменить нельзя

Д. В. Семашко
советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда Евразийского экономического союза

Вопрос эволюции судебного органа, расширение его компетенции, повышение доверия со стороны учредивших его государств, органов Союза и бизнеса во многом зависит от уровня судебного представительства.

В любом процессе представитель – фасилитатор, задача которого аргументированно обосновать превалирование своей позиции, облегчив при этом продвижение Суда по материалам дела. Чем выше уровень судебных представителей, тем выше уровень аргументации, воспринимаемой Судом, тем более вероятна возможность оценки обстоятельств с разных углов.

Есть ли различия в судебном представительстве в национальном и международном суде, какие особенности необходимо учитывать представителю, чтобы максимально эффективно обеспечить высокий уровень реализации права стороны процесса на защиту?

На первый взгляд, любая судебная процедура – достаточно стандартный алгоритм, уходящий корнями в древние религиозные церемониалы, соблюдавшийся и древними инками, и святой инквизицией. Как подчеркивается в современных исследованиях, рассмотрение трансграничных споров радикально не отличается от обычного гражданского процесса и не преследует цели отправления какого-то *особенного* правосудия[1]. Процессуальные правила обычно имеют универсальный характер вне зависимости от того, какой спор – трансграничный или сугубо внутренний – рассматривается национальным судом. Определенной спецификой при рассмотрении дел, связанных с иностранным правопорядком, обладают и универсальные институты гражданского процесса, такие как доказывание[2].

Комбинация национальных и международного подходов в рамках наднационального судебного органа, призванного защищать права в рамках интеграционного объединения, участником которого являются несколько государств, требует особого внимания со стороны процессуальных представителей сторон.

---

[1] Caponi, R. Transnational Litigation and Elements of Fair Trial: General Report, XIV World Congress of the International Association of Procedural Law (IAPL), Heidelberg, 25–30 July 2011 [Electronic resource] / R. Caponi. – Mode of access: http://www.iapl.-2011-congress.com/Inhalt/Papers/General%20Reports/General%20Report%20-%20CaponiENG.pdf. – Date of access: 12.09.2017.

[2] Гетьман-Павлова, И. В. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) / И. В. Гетьман-Павлова, М. А. Филатова // Международное правосудие. – 2017. – № 3. – С. 96–109.

Сравнивая стадийность судебного процесса в национальном и Евразийском правопорядках, нетрудно выделить в последнем наличие стадии приемлемости, которая отличает почти все международные суды. На ней разрешаются (как минимум *prima facie*) вопросы субъектной, предметной и темпоральной компетенции Суда, определяется наличие *locus standi* у истца.

Эта стадия является своеобразной точкой бифуркации в процедуре разрешения международного спора и, с одной стороны, позволяет Суду оценить процедурную часть кейса, а с другой – дает возможность стороне заложить его фундамент, ведь без установления компетенции Суда производство по делу не будет возбуждено.

Следует отметить, что разграничение национального и международного процесса на этой стадии выглядит весьма условным, поскольку национальный суд с помощью максимально формализованного процесса отсекает неподведомственные и неподсудные заявления на стадии подачи документов и принятия дела к производству без проведения судебного заседания.

Следует отметить, что право Союза, как и национальное регулирование, является иерархичным. На вершине иерархии находится Договор, остальные нормы субординированы. При этом союзное регулирование имеет связку с национальным правом. С одной стороны, через основные свойства права Союза (прямое действие и верховенство (приоритет)), дающие возможность непосредственно применять его нормы в национальном правопорядке[3] и требующие при противоречии права Союза и актов

[3] Консультативное заключение БК от 10.07.2018 по делу Р-1/18 о решениях КТС, абз. 6 п. 5 ч. «Выводы». См. также консультативное заключение

национального законодательства применять положения права Союза[4]. С другой – отдельные положения права Союза имеют прямую отсылку к национальному законодательству. Так, например, определение понятия гражданского законодательства и других отраслей законодательства, используемых в ТК ЕАЭС, применяются в каждом из государств-членов в том значении, в котором они используются в соответствующих отраслях законодательства государства-члена, если иное не установлено ТК ЕАЭС (п. 6 ст. 2 ТК ЕАЭС).

Несмотря на то, что право Союза сформировано на принципах континентальной правовой системы, судебная практика Суда признает возможность учета правовых позиций и судебной практики иных международных судов в качестве

БК от 07.12.2018 по делу Р-3/18 о профессиональных спортсменах, абз. 9 п. 2 ч. III «Выводы». Консультативное заключение БК от 04.04.2017 по делу Р-1/17 о критериях допустимости вертикальных соглашений, абз. 1 п. 2. См. также консультативное заключение БК от 18.06.2019 по делу Р-1/19 о non bis in idem, абз. 2 п. 1 ч. III «Выводы». Консультативное заключение БК от 11.07.2023 по делу Р-3/23 о средствах пожаротушения, абз. 11 п. 1 раздела «Выводы Большой Коллегии Суда». См. также постановление БК от 28.02.2022 по делу Р-1/22 о безопасности химической продукции, абз. 16 раздела II «Выводы Большой коллегии Суда»; консультативное заключение от 31.10.2019 по делу Р-3/19 о безопасности колесных транспортных средств, абз. 3 п. 3 раздела «Выводы Суда».

[4] Консультативное заключение БК от 07.12.2018 по делу Р-3/18 о профессиональных спортсменах, абз. 10 п. 7 ч. III «Выводы». См. также решение АП от 09.06.2021 по делу С-4/21 ДХЛ Глобал Форвардинг, абз. 17 п. 5.4.

persuasive precedent[5], использования правовых позиций Суда ЕврАзЭС как *stare decisis*[6], опирается на международные договоры, сторонами которых являются все члены ЕАЭС, если его сфера действия относится к области единой политики в рамках ЕАЭС[7], а также широко применяет общепризнанные принципы и нормы международного права и права ЕАЭС, включая *res judicata*, *non bis in idem* и др.

Представляется, что наличие правовой неопределенности в исследуемом деле должно стимулировать сторону на более глубокое обоснование своей правовой позиции, скрупулезный анализ национального и международного правового регулирования и правоприменительной практики.

Вместе с тем та же опора на континентальную судебную систему нередко определяет восприятие сторонами судебного процесса как инквизиционного, подразумевающего ведущую роль Суда в поиске истины по делу, и тем самым, возможно, не желая того, может ограничивать процессуальный инструментарий представителей сложившимися в национальной системе паттернами судебных стратегий и тактик, а также упованием на принцип iura novit curia.

---

[5] Решение КС от 28.12.2015 по делу С-4/15 ИП Тарасика, абз. 12 п. 2 ч. VII.

[6] Решение КС от 04.04.2016 по делу С-6/15 Дженерал Фрейт, абз. 10 ч. «Применимое право».

[7] Решение КС от 04.04.2016 по делу С-6/15 Дженерал Фрейт, абз. 5, 7–9 ч. «Применимое право». Решение АП от 21.06.2016 по делу С-6/15 Дженерал Фрейт, абз. 11, 13–15 п. 5.1.1. См. также решение КС от 14.04.2021 по делу С-1/21 СУЭК-Кузбасс, абз. 4 пп. 5.3.

На наднациональном уровне такое «отношение к делу» зачастую возлагает на Суд, помимо основной функции нормоконтроля, повышенное бремя сбора подтверждения обоснованности позиций сторон, включая фактологию, в то время как стороны ограничиваются лишь формальным письменным и устным адвокатированием своих позиций с предоставлением аналогичного пакета документов, который уже представлялся ими в рамках национального судопроизводства, что само по себе невольно наводит на мысль об отсутствии у стороны самостоятельных доводов для международного правосудия и определяет цель процесса как пересмотр состоявшегося в рамках национальной правовой системы судебного решения, что находится за пределами юрисдикции Суда.

С развитием правопорядка Союза, представляется, было бы предпочтительнее, чтобы точки бифуркаций трансформировались в точки соприкосновения и зоны роста и, с одной стороны, способствовали выполнению основной задачи Суда Союза по поддержанию единства правопорядка ЕАЭС, а с другой – обеспечению высокого качества судебного представительства, совершенствования имеющихся подходов к разрешению споров посредством восприятия последовательной и обоснованной аргументации сторон, в том числе апробированных в национальной системе и подтвержденных в международной практике. Как видится, указанное может содействовать в синхронизации, а возможно, и унификации наднациональной и национальной судебных систем.

Ключевой зоной роста может стать процесс доказывания, которое является центральным элементом любого судебного процесса[8].

Как отмечал Х. И. Гаджиев, приведенный национальным судом аргумент из решения международного суда может не только усилить обоснование какой-либо позиции по важному вопросу, прибавить убедительность, но и повлиять на прецедентный характер постановления суда. С этой точки зрения аргументация играет исключительную роль в создании судебной доктрины как метода решения определенного характера дел. Речь идет не о переносе международного или иностранного решения в национальный правовой порядок, а о поддержке выводов с помощью заимствованных дополнительных аргументов. Обязательным элементом, который должен присутствовать в анализе, является критический подход при выборе аргументации как наиболее эффективной. Следовательно, любое сравнение и ссылка должны повлиять на оценку и служить эволюции общего правового подхода, опирающегося в том числе на убедительность аргументации и авторитет принявшего решение суда[9].

Исследователи сходятся во мнении, что практика судов интеграционных объединений демонстрирует единый подход к определению ***стандарта доказывания***, который в делах об

---

[8] Scherpe, J. C. Alleviations of Proof in German and English Civil Evidence / J. C. Scherpe // Rabels Zeitschrift fur auslandisches und internationales Privatrecht. Bd. 80. – 2016. – № 4. – S. 888–925, 889.

[9] Гаджиев, Х. И. Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия / Х. И. Гаджиев // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 148–161.

оспаривании актов Союза понижен с наивысшего стандарта *«вне всяких сомнений»* (используется в делах о правах человека) до стандарта *«балансом вероятностей»*[10]. В этой связи сторонам и их представителям целесообразно по-новому взглянуть на принцип состязательности через призму представляемых по делу доказательств, а также не принимать за аксиому возложенное на «сильную сторону» – Комиссию – ***бремя доказывания***, но также учитывать ***бремя опровержения***, согласно которому истцу надлежит опровергнуть доводы органа интеграционного объединения и представить доказательства в подтверждение своей позиции.

Следует отметить, что по сравнению с национальным судом не все средства доказывания могут эффективно применяться в Суде ЕАЭС. В связи с тем, что предметом рассмотрения Суда Союза является вопрос права, а не факта, использование свидетельских показаний как средства доказывания крайне ограничено.

Вместе с тем высокая сложность рассматриваемых споров часто связана с необходимостью специальных познаний в науке, технике, технологиях, что, в свою очередь, ставит перед стороной дилемму между «удорожанием» судебного процесса за счет проведения специальных исследований либо «ослаблением» своей процессуальной позиции в отсутствие оных. При этом в обязанность Суда входит лишь рассмотрение заявленных доводов, и, не предоставляя Суду ключевой информации, сторона самолично упускает возможность подсветить

[10] Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Е. Б. Дьяченко. – 2023.

важную деталь, известную ей в силу длительного осуществления какого-то специфического вида деятельности, отказавшись от использования экспертного мнения в качестве средства доказывания.

Представляется, что с позиции судебного представительства и защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов судебная процедура в Суда ЕАЭС может и должна расцениваться стороной в качестве дополнительного механизма защиты, инструмента стратегической литигации, позволяющей влиять на системную корректировку права Союза и способствовать внедрению наилучших практик в национальное законодательство на основании единых высоких международно-правовых и конституционно-правовых стандартов, а также защищать права широкого круга лиц в рамках ЕАЭС.

Научное издание

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДОГОВОРУ О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА ЕАЭС

Международная конференция
(Минск, 21–22 ноября 2024 года)

Сборник материалов

Составитель **Орлова** Екатерина Сергеевна

Ответственный за выпуск *Е. С. Патей*
Компьютерная верстка *О. Н. Воробьева*
Корректор *Т. В. Малеева*

Подписано в печать 16.07.2025.Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 250 экз. Заказ 25592.

Издатель и полиграфическое исполнение:
общество с ограниченной ответственностью «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/471 от 28.07.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, Минск.
+375 17 361 91 40
post@segment.by
segment.by

ISBN 978-985-35-0014-1